

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 3 (13)

Academic Journal

Series:
Political Science. History. International Relations

Moscow
2018

ВЕСТНИК РГГУ
№ 3 (13)

Научный журнал

Серия
«Политология. История. Международные отношения»

Москва
2018

Редакционный совет серий «Вестника РГГУ»

Е.И. Пивовар, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. н., проф. (РГГУ), А.Б. Безбородов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Е. Ван Поведская (Ун-т Сантьяго-де-Компостела, Испания), Х. Варгас (Ун-т Валле, Колумбия), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Е. Вятр (Варшавский ун-т, Польша), Дж. ДеБарделебен (Карлтонский ун-т, Канада), В.А. Дыбо, акад. РАН, д-р филол. н. (РГГУ), В.И. Заботкина, д-р филол. н., проф. (РГГУ), Э. Камия (Ун-т Тачибана г. Киото, Япония), Ш. Карнер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), С.М. Каштанов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), В. Кейдан (Урбинский ун-т им. Карло Бо, Италия), Ш. Кечкемети (Национальная школа хартий, Франция), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), В.П. Колов, чл.-кор. РАН, д-р ист. н., проф. (РГГУ), М. Коул (Калифорнийский ун-т Сан-Диего, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), А.П. Логунов, д-р ист. н., проф. (РГГУ), Д. Ломар (Ун-т Кельна, Германия), Б. Луайер (Французский ин-т геополитики, Ун-т Париж-VIII, Франция), В.И. Молчанов, д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.Н. Незамайкин, д-р экон. н., проф. (Финансовый ун-т при Правительстве РФ), П. Новак (Белостокский гос. ун-т, Польша), Ю.С. Пивоваров, акад. РАН, д-р полит. н., проф. (ИНИОН РАН), С. Рапич (Ун-т Вупперталя, Германия), М. Сасаки (Ун-т Чуо, Япония), И.С. Смирнов, канд. филол. н. (РГГУ), В.А. Тишков, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИЭА РАН), Ж.Т. Тощенко, чл.-кор. РАН, д-р филос. н., проф. (РГГУ), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), И. Фолтыс (Опольский политехнический ун-т, Польша), Т.И. Хорхордина, д-р ист. н., проф. (РГГУ), А.О. Чубарьян, акад. РАН, д-р ист. н., проф. (ИВИ РАН), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), П.П. Шкаренков, д-р ист. н., проф. (РГГУ)

Серия «Политология. История. Международные отношения»

Редакционная коллегия серии

А.П. Логунов, гл. ред., д-р ист. н., проф. (РГГУ), О.В. Павленко, зам. гл. ред., канд. ист. н., доц. (РГГУ), С.В. Клягин, зам. гл. ред., д-р филос. н., проф. (РГГУ), В.И. Журавлева, зам. гл. ред., д-р ист. н., доц. (РГГУ), И.Б. Антонова, канд. пед. н., проф. (РГГУ), Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ), Н.А. Борисов, канд. полит. н., доц. (РГГУ), А.Д. Воскресенский, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), М.Н. Грачев, д-р полит. н., канд. филос. н., проф. (РГГУ), А.В. Гуцин, канд. ист. н., доц. (РГГУ), И. Клюканов (Восточный Вашингтонский ун-т, США), М. Крэмер (Гарвардский ун-т, США), Е.С. Мелкумян, д-р полит. н., канд. ист. н., проф. (РГГУ), В.С. Мирзаханов, д-р ист. н. (ИВИ РАН), П. Ругенталер (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Ю. Сергеев, д-р ист. н., проф. (РГГУ; ИВИ РАН), А. Филлер (Ун-т Париж-VIII), Д. Фоглессонг (Ратгерский ун-т, США), Т.А. Шаклеина, д-р полит. н., проф. (МГИМО (У) МИД России), Б. Штельцель-Маркс (Ин-т по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Австрия), Е.Н. Жукова, отв. секретарь, канд. полит. н. (РГГУ)

Ответственные за выпуск: Е.А. Алексеева,
В.И. Журавлева, д-р ист. н., проф. (РГГУ),
О.В. Павленко, канд. ист. н., проф. (РГГУ),
А.С. Панов, ассистент (РГГУ),
Л.А. Халилова, канд. филол. н., проф. (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

- Ю.Г. Акимов*
Лингвистическое измерение квебекской парадипломатии 7
- П.Г. Кошкин*
Эволюция образа России в редакционных колонках
«Нью-Йорк таймс» (2010–2017) 26
- В.А. Аванская*
Методология изучения эмоций в международных отношениях 43

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- М.Б. Башкиров*
Акадийский автономизм в Приморских провинциях Канады
в 1960–1980-х гг. 61
- И.М. Тарбеев*
Становление советской американистики
как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. 77

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Н.А. Борисов*
Парламентаризация форм правления в постсоветских государствах:
причины и следствия 93
- А.Ю. Пинчук*
Перспективы развития системы противодействия
международному терроризму в современном мире 111

Книжная полка

- В.И. Журавлева*
Интеллектуальная биография как жанр:
Уильям Буллит – человек и политик 121

CONTENTS

International Relations: History, Theory and Sociocultural Practice

- Y.G. Akimov*
Linguistic Dimension of Quebec Paradiplomacy 7
- P.G. Koshkin*
The Changes of Russia's Image
in the New York Times' Editorials (2010–2017) 26
- V.A. Avanskaya*
Methodology for the Study of Emotions in International Relations 43

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- M.B. Bashkirov*
Acadian Autonomism in the Maritime Provinces
of Canada in the 1960s–1980s 61
- I.M. Tarbeev*
The Formation of American Studies in the USSR as an Expert
and Academic Discipline in the 1950s–1960s 77

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- N.A. Borisov*
Parliamentarization of Government Management Forms
in the Post-Soviet States: the Causes and Consequences 93
- A.Yu. Pinchuk*
Prospects of developing of system of counteraction
to international terrorism in Russia and the world 111

Bookshelf

- V.I. Zhuravleva*
An Intellectual Biography as a Genre: William C. Bullitt –
a Man and a Politician 121

Международные отношения: история, теория, социокультурная практика

УДК 327:811.133.1

Лингвистическое измерение квебекской парадипломатии

Юрий Г. Акимов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, y.akimov@spbu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается международная деятельность канадской франкоязычной провинции Квебек, нацеленная на защиту и продвижение в мире французского языка. Отмечается, что значительное влияние на нее оказала специфика языковой ситуации в Квебеке, жители которого долгое время боролись за свои лингвистические права. Особое значение имело провозглашение французского языка единственным официальным языком Квебека. В 1974 и 1977 гг. были приняты соответствующие законы, и началось осуществление политики «франсизации» и «языкового обустройства». Также прослеживается связь между процессом национального строительства, развернувшимся в Квебеке с начала 1960-х гг., и развитием его внешних связей, которые были нацелены не только на достижение материальных выгод от сотрудничества с зарубежными партнерами (экономическая парадипломатия), но и на продвижение на международной арене квебекской культуры, идентичности и французского языка (идентификационная парадипломатия). Движущей силой последней был франко-канадский / квебекский национализм. Основное внимание в статье уделяется лингвистической составляющей квебекско-французского «привилегированного партнерства», поддерживаемого уже на протяжении более полувека. Рассматриваются как отдельные программы, нацеленные на решение конкретных задач (выработку общей терминологии, единых норм и т. п.), так и роль языка в двусторонних квебекско-французских контактах в целом. Также анализируются отношения Квебека с другими франкоязычными странами и регионами и его деятельность в структурах Франкофонии. Рассматривается квебекское восприя-

тие международного франкофонного сотрудничества. Показывается, что Квебек последовательно выступает за преодоление его франкоцентричного характера, воспринимая французский язык как достояние всего мира, а не как инструмент французской политики. Делается вывод о том, что для Квебека вопросы защиты французского языка и его продвижения в мире имеют большую значимость, чем для Франции.

Ключевые слова: Квебек, парадипломатия, языковая политика, французский язык, Франция, Франкофония, международное франкофонное сотрудничество

Для цитирования: Акимов Ю.Г. Лингвистическое измерение квебекской парадипломатии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 7–25.

Linguistic Dimension of Quebec Paradiplomacy

Yury G. Akimov

*Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia,
y.akimov@spbu.ru*

Abstract. The article examines the foreign activity of the Canadian French-speaking province of Quebec, aimed at protecting and promoting the French language in the world. It is noted that it was significantly influenced by a specific linguistic situation in Quebec, whose inhabitants had for a long time been fighting for their linguistic rights. Of particular importance was the proclamation of the French language as the sole official language of the province of Quebec. In 1974 and 1977, respective laws have been adopted in Quebec, and the policy of *francisation* and *aménagement linguistique* has been launched. There is also a link between the process of national building that has been developing in Quebec since the early 1960s and the development of its external relations, which were aimed not only at achieving material benefits from cooperation with foreign partners (economic paradigm), but also at promoting the Quebec culture, identity and the French language (identification paradigm) on the international arena. The driving force behind the latter was Franco-Canadian / Quebec nationalism. The article focuses on the linguistic component of the Quebec-French “privileged partnership”, which has been carried on for more than half a century. It considers both separate programs aimed at solving spe-

cific problems (developing common terminology, common norms, etc.), and the role of the language in bilateral Quebec-French contacts in general. The author also focuses on the relations between Quebec and other French-speaking countries and regions and its activities in the bodies of *La Francophonie*. The article analyzes the Quebec perception of international francophone cooperation. It is shown that Quebec consistently goes in for overcoming its francocentric character, treating French as an asset of the whole world, and not as an instrument of French politics. It is concluded that for Québec the protection of the French language and its promotion in the world are of much greater importance than for France.

Keywords: Quebec, paradiplomacy, language policy, French language, France, la Francophonie, Francophone international cooperation

For citation: Akimov YuG. Linguistic Dimension of Quebec Paradiplomacy. *RSUH/RGGU. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;3:7-25.

Введение

Канадская провинция Квебек – второй после Франции крупнейший франкоязычный регион индустриально развитого мира. В настоящее время в ней проживает более 8 млн человек, для подавляющего большинства которых французский язык является родным/домашним и/или рабочим. С 1960-х гг. Квебек начал активно развивать собственные внешние связи (парадипломатию) и со временем стал одним из наиболее заметных несuverенных территориальных акторов международных отношений. Он обладает разветвленной сетью зарубежных представительств и собственным министерством, отвечающим за внешние связи; им заключено несколько сотен международных соглашений различного уровня. Отличительной чертой квебекской парадипломатии является стремление к продвижению на международной арене квебекской идентичности, культуры и французского языка. В настоящей статье мы рассмотрим лингвистический аспект международной деятельности Квебека и постараемся выявить специфику квебекского подхода к продвижению французского языка в мире, международному франкофонному сотрудничеству и месту в нем различных стран и регионов.

*Становление современного Квебека
и его языковая политика*

Выход Квебека на международную арену был тесно связан с теми изменениями, которые стали происходить во франко-канадском сообществе с начала 1960-х гг. До этого на протяжении почти двух столетий оно оставалось замкнутым, пассивным и крайне консервативным. Франко-канадцы – потомки французских колонистов, перебравшихся в Канаду (Новую Францию) в XVII – первой половине XVIII в. и затем оказавшихся под властью англичан, – подвергались дискриминации и испытывали сильное ассимиляционное давление. Стремясь сохранить свой язык, религию и национальную идентичность, они были вынуждены «отгораживаться» от внешнего мира, цепляться за архаические институты. Даже с Францией – исторической родиной их предков – контакты были крайне ограничены и носили спорадический характер. Последнее обстоятельство было связано как с неприятием французского республиканизма и светскости, так и с отсутствием встречного интереса со стороны бывшей метрополии. Кроме того, у франко-канадцев просто не было инструментов (институциональных структур с соответствующими полномочиями, кадрами, средствами и т. п.) для налаживания внешних связей. Одним из следствий этой изоляции стало формирование в Канаде / Квебеке специфического варианта французского языка, отличного от французского языка бывшей метрополии [1, 2].

В 1960 г. в Прекрасной провинции¹ началась так называемая Тихая революция (*Révolution Tranquille*), затронувшая все сферы жизни франко-канадского общества, пробудившая его от двухвекковой спячки. Один из ее важнейших результатов – изменение отношения франко-канадцев к провинциальным институтам Квебека, которые стали рассматриваться ими как основной инструмент отстаивания и продвижения своих прав и коллективных интересов в различных сферах, причем не только в Канаде, но и за ее пределами [3, р. 124–139].

Другим значимым итогом Тихой революции было изменение характера франко-канадского национализма, который из охранительного, клерикального и антиэтатистского превратился в светский, гражданский и государственно-ориентированный.

¹ Прекрасная провинция – широко распространенное неофициальное название Квебека.

Франкоязычные жители Прекрасной провинции стали воспринимать себя не столько как франко-канадцев, но как квебекцев (québécois). При этом главным маркером их идентичности явился именно французский язык (до Тихой революции франко-канадская идентичность строилась главным образом на чувстве этнической и религиозной общности) [4, р. 54].

Франкоязычный Квебек стал все более открыто противопоставлять себя Английской / Остальной² Канаде и добиваться пересмотра своего конституционного статуса. Это происходило на фоне усилившейся тенденции к языковой ассимиляции франко-канадцев за пределами Квебека (за исключением нескольких районов их относительно компактного проживания в Нью-Брансуике и на востоке Онтарио) и сохранения значительного присутствия английского языка в самой Прекрасной провинции.

В 1969 г. английский и французский языки были провозглашены официальными языками Канады, и федеральный центр стал проводить политику двуязычия в масштабах всей страны. Однако эта политика не устраивала франкоговорящих квебекцев, поскольку не гарантировала их коллективных лингвистических прав и сохраняла их неравноправное положение. За внешним равенством языков скрывалась ситуация, требовавшая реального двуязычия только от носителей французского и почти никак не затрагивавшая англоязычных канадцев, т. е. двуязычным становился только Квебек, но никак не Остальная Канада. Да, первоначально франко-канадцы боролись за языковое равноправие в Прекрасной провинции, однако в период Тихой революции этот этап был пройден, и в 1970-е гг. речь шла уже о том, чтобы закрепить господствующее положение французского языка в Квебеке. Это осознавали все ведущие политические силы Прекрасной провинции. В 1974 г. при либералах³ был принят *Закон об официальном языке* (обычно именуемый законом № 22), провозгласивший французский единственным официальным языком Квебека. В 1977 г. при пекистах⁴ на смену ему пришла более радикальная *Хартия французского языка* (закон № 101), существенно

² Остальная Канада (Rest of Canada) – выражение, обозначающее Канаду без Квебека.

³ Имеется в виду Либеральная партия Квебека, официально не связанная с Либеральной партией Канады, хотя и близкая ей по идейным установкам.

⁴ Пекистами (фр. Péquistes) называют представителей Квебекской партии (фр. Parti québécois), выступающей за суверенитет провинции.

расширившая сферу его обязательно применения⁵. В Квебеке стала осуществляться политика офранцуживания (или франсизации), ориентированная прежде всего на те сферы, где традиционно доминировал английский язык, – производство, банковскую сферу, торговлю и т. п. В целом она была успешной, хотя и связанной с весьма существенными издержками [5]. Важную роль в ее реализации играл *Квебекский офис французского языка* (*Office québécois de la langue française (OQLF)*) – официальный консультативный орган, существующий в Прекрасной провинции еще со времен Тихой революции (с 1961 г.). Контрольные функции были возложены на специально созданную в 1977 г. *Комиссию по защите французского языка* (*Commission de la protection de la langue française, CPLF*)⁶.

Совокупность изменений, происходивших в лингвистической политике Квебека начиная с середины 1970-х гг., стала называться «языковым обустройством» (*aménagement linguistique*). Под этим термином понималось как юридическое «обустройство» языка, связанное с изменением его статуса, так и собственно лингвистическое «обустройство», включающее выработку и закрепление определенных стандартных норм, внедрение новой терминологии и т. п. [6].

Вышеназванные лингвистические законы, политика франсизации и связанное с ними «языковое обустройство» были составной частью более широкого процесса национального строительства, происходившего в Квебеке в последней трети XX в. Следует подчеркнуть, что данный процесс происходил по французской модели, где основной национальной единства является языковое и территориальное единство [7]. Его итогом стало рождение современной квебекской нации, существование которой было официальной признано Канадой в 2006 г. Хотя Квебек не обрел государственного суверенитета и вряд ли получит его в ближайшее время (после двух неудачных референдумов о суверенитете, состоявшихся в 1980 и 1995 гг., суверенистское движение пошло на спад⁷), де-факто он за-

⁵ Отдельные положения Хартии впоследствии были скорректированы двумя *Законами, изменяющими Хартию французского языка* (Законы № 178 и № 86), принятыми в 1988 и 1993 гг. соответственно.

⁶ В 2002 г. Комиссия по защите французского языка была включена в состав Квебекского офиса французского языка.

⁷ Это наглядно подтверждают результаты последних провинциальных выборов в Квебеке, состоявшихся 1 октября 2018 г. Пекисты заняли на них только третье место, получив 17% голосов и всего 10 мест в Национальной ассамблее.

нял особое положение в Канадской федерации. При этом одним из важных инструментов легитимации франко-квебекского националистического проекта была активная международная деятельность.

Французский язык и квебекско-французское партнерство

Еще в годы Тихой революции Квебек начал налаживать прямые контакты с зарубежными партнерами, преследуя при этом сразу несколько целей. Прекрасная провинция развивала трансграничное сотрудничество и экономическую парадипломатию, продвигая на внешних рынках свои товары и услуги, привлекая инвесторов, туристов, решая экологические и логистические проблемы и т. п. Так же действовали (хотя и с разной степенью интенсивности) и другие субъекты Канадской федерации. Отличительная черта Квебека состояла в том, что, выходя на международную арену, наряду с экономическими и функциональными целями он преследовал политические и символические цели. Он стремился, во-первых, продемонстрировать всему миру свою языковую и культурную самобытность, свое отличие от Английской / Остальной Канады; во-вторых, привлечь внимание мирового сообщества к своему противостоянию с федеральным центром и заручиться политической и моральной поддержкой из-за рубежа; в-третьих, продемонстрировать, что именно провинциальные, а не федеральные власти более эффективно отстаивают интересы франко-квебекцев на международной арене. Эту составляющую международной деятельности Прекрасной провинции принято называть идентификационной парадипломатией (*paradiplomatie identitaire*) [8, p. 73].

Очевидно, что все эти нематериальные цели могли быть достигнуты прежде всего путем налаживания и развития контактов с Францией – страной, говорящей с Квебеком на одном языке, с которой его связывало историческое прошлое. Непременным условием этого было проявление заинтересованности с французской стороны. Однако, как уже отмечалось, долгое время «Старая Франция» практически не вспоминала о потомках жителей заокеанской Новой Франции и не поддерживала каких-либо формализованных связей с Прекрасной провинцией, выделяющихся из общего контекста канадско-французских отношений. Ситуация резко изменилась в начале 1960-х гг., когда во Франции укрепился режим Пятой республики и президент Шарль де Голль взял курс на возрождение французского «величия», стремясь играть мак-

симально активную и самостоятельную роль в мировой политике (конечно, насколько это позволяли условия «холодной войны»). Де Голль обратил внимание на перемены, происходившие в Квебеке, и заявил о необходимости использовать его «французский потенциал» в интересах Парижа [9]. Таким образом, благодаря уникальному, если не сказать случайному, стечению обстоятельств (или, точнее, совпадению их по времени) Квебек и Франция получили возможность начать движение навстречу друг другу.

В 1961 г. в Париже был открыт «Дом Квебека» – постоянное представительство Прекрасной провинции во Франции (позднее он был преобразован в Генеральную делегацию). В 1965 г. Квебек и Франция заключили двустороннее соглашение о сотрудничестве в сфере образования, создав важный прецедент прямых контактов суверенного государства и субъекта федерации (несуверенного субнационального актора). В том же году была создана Постоянная комиссия франко-квебекского сотрудничества (*Commission permanente de coopération franco-québécoise, CPCFQ*), действующая и в настоящее время. Так было положено начало современным квебекско-французским отношениям, которые обе стороны квалифицируют как «особое» и «привилегированное» партнерство. Этому партнерству уже более полувека, оно опирается на солидную договорную и институциональную базу, располагает эффективными механизмами взаимодействия и в целом представляет собой сложный комплекс разноуровневых связей, затрагивающих самые различные сферы: политику, экономику, образование, науку, культуру, спорт, средства массовой информации и т. д. Однако «базу привилегированного характера отношений», по обоюдному признанию, составляют именно «языковая общность и родство культур» [10, p. 103].

Французский язык играет в квебекско-французском партнерстве сразу несколько ключевых ролей, являясь одновременно и его цементирующей основой, и его рабочим инструментом, и объектом приложения совместных усилий сторон. Однако соотношение этих ролей не всегда было одинаковым. На первых порах – с середины 1960-х до начала 1970-х гг. – языку как таковому не уделялось большого внимания; приоритетом для Франции и Квебека (в неполитической сфере) было образование. В этой области было заключено несколько соглашений (наиболее значимым было соглашение Джонсон–Пейрефитт, подписанное осенью 1967 г.). Париж выделял стипендии для обучения квебекских студентов во французских вузах (в том числе на программах подготовки управленческих кадров высшей квалификации в Национальной школе админи-

страции), направляя в Прекрасную провинцию преподавателей. С 1968 г. начал действовать Франко-квебекский молодежный офис (Office franco-québécois pour la jeunesse, OFQJ), занимающийся обменными программами для лиц в возрасте от 18 до 35 лет [11, р. 87]. В настоящее время его французская секция находится в ведении Министерства национального образования Франции, а квебекская – Министерства международных отношений и франкофонии Квебека.

Качественно новый этап квебекско-французского сотрудничества в области языка наступил после принятия в Квебеке вышеупомянутого закона № 22. В ходе его реализации провинциальные власти столкнулись со значительными затруднениями, преодолеть которые они рассчитывали с помощью Франции. Премьер-министр Квебека Робер Бурасса во время своего визита в Париж в декабре 1974 г. предложил французской стороне подключиться к процессу «франсизации» Прекрасной провинции. В своем выступлении перед французскими министрами он заявил: «Франция придает самое большое значение присутствию и распространению французского языка в мире. Квебек преследует ту же самую цель. Ему, однако, необходимо вести оборонительные бои. Эти бои – это также и бои за всю франкофонию. Квебек хочет здесь соединиться с Францией, поскольку он нуждается в ее поддержке» [12, р. 67]. 5 декабря 1974 г. было заключено новое квебекско-французское соглашение (Соглашение Бурасса–Ширак), предусматривавшее, в частности, участие французских специалистов в реализации программ «франсизации» трудовой и производственной сферы Прекрасной провинции, а также совместную выработку научной и технической терминологии.

Период действия данного соглашения (оно было рассчитано на пять лет) эксперты считают апогеем лингвистического сотрудничества Квебека и Франции [13, р. 406]. Начиная с 1976 г. Квебекский офис французского языка стал регулярно направлять во Францию представителей предприятий (прежде всего управленцев и инженерно-технических работников), проходивших «франсизацию», а также принимать (хотя и в несколько меньших количествах) французских специалистов из различных секторов экономики. Тогда же были организованы языковые стажировки во Франции для преподавателей среднеспециальных и технических учебных заведений Прекрасной провинции; менее чем за десять лет их прошли 1700 человек. Регулярно проводились совместные мероприятия, нацеленные на расширение сферы использования французского языка (в частности в естественных науках, медицине и т. п.).

В середине – второй половине 1980-х гг. в квебекско-французских отношениях наметился экономический уклон. В этот период речь шла в основном о необходимости расширения экономической кооперации франкоязычных стран и создания «экономического пространства французского языка». Об этом говорилось в представленном в июне 1985 г. докладе двусторонней Дискуссионной и рабочей группы по проблемам Франкофонии (Groupe de réflexion et d'action sur les enjeux de la Francophonie, GRAEF), созданной по инициативе глав правительств Квебека и Франции [10, p. 97].

Очередной «лингвистический» поворот в «привилегированном партнерстве» произошел в середине 1990-х гг., когда к власти в Прекрасной провинции вернулись пекисты. Квебек и Франция снова заговорили о том, что перед ними стоит «общая задача обеспечить развитие французского языка в мире», и о необходимости «оживить культурное измерение франко-квебекских отношений и лингвистических обменов» [10, p. 103].

Несмотря на периодическую смену приоритетов в квебекско-французских отношениях, совместная практическая работа в лингвистической сфере никогда не прекращалась. Так, еще в 1975 г. была создана Квебекско-французская сеть по неологии и научной и технической терминологии (Réseau franco-québécois de néologie et de terminologie scientifique et technique). Она действовала до 1987 г. и регулярно издавала сборники «Неология в движении» (Néologie en marche). Однако и после закрытия этой сети разработка и внедрение новых терминов были продолжены совместными министерскими комиссиями. Следует подчеркнуть, что квебекская сторона проявила большую активность в данном вопросе. Ряд удачных неологизмов, появившихся первоначально в Прекрасной провинции, со временем вошли в «стандартный» французский язык. В качестве примера можно привести слово *courriel* (электронная почта), которое в 1992 г. впервые появилось в Квебеке, а в 2003 г. было «легализовано» во Франции. В Прекрасной провинции были предложены такие французские замены английских выражений, как *reseautage* (вместо networking), *plan d'affaire* (вместо business plan), *infolettre* (вместо newsletter), *magasiner* (вместо faire du shopping), *sociofinancement* (вместо crowdfunding) и др.

Лоик Депекер – известный французский лингвист, долгое время занимавший важные посты во французских правительственных структурах, ответственных за языковую политику (в частности, в свое время лично участвовавший в работе вышеназванной неологической сети), отмечает, что модернизация современного французского языка идет не только из-за постоянного пресса со стороны

английского языка (хотя этот фактор чрезвычайно важен), но также «под давлением... молодого и прыткого квебекского союзника» [14, p. 50].

Квебек и продвижение французского языка в мире

Безусловно, большое значение имеет то обстоятельство, что Франция сама проводила и проводит активную языковую политику, направленную на защиту чистоты французского языка и поддержку его официального статуса внутри страны, а также на его продвижение в мире [15]. «Распространение французского языка» в настоящее время официально является одним из приоритетов французской дипломатии. Нынешняя «Международная стратегия Франции в области французского языка и многоязычия» была представлена президентом Эмманюэлем Макроном в его выступлении 20 марта 2018 г. (в Международный день Франкофонии) во Французской академии. Эта стратегия содержит список из 33 конкретных мер, нацеленных на то, чтобы усилить позиции французского языка как языка образования, коммуникации и созидания и в итоге обеспечить ему статус одного из «мировых языков» (*langue-monde*) будущего [16].

О продвижении французского языка на мировой арене говорится и во всех программных документах квебекского «внешнеполитического ведомства». Так, в последней редакции Основных направлений международной политики Квебека, принятой в 2017 г., подчеркивается, что «принадлежность к Франкофонии, а также продвижение языковой и культурной специфики Квебека» являются «сквозными осями» всей его международной политики. В этом документе среди ключевых задач, стоящих перед парадипломатией Прекрасной провинции, фигурируют «продвижение и развитие франкофонии» в Западном полушарии и во всем мире и «поощрение использования французского языка в международных институтах и организациях». Также там говорится о мировой значимости квебекского опыта «языкового обустройства» и использования французского языка в образовании и науке [17].

Как видим, налицо определенное совпадение квебекских и французских интересов в сфере языковой политики. Обе стороны заинтересованы в том, чтобы французский язык не просто выживал, но сохранял свой высокий международный статус, продолжал оставаться языком межнационального общения и межкультурной коммуникации. Обе стороны осознают угрозу, исходящую

от «гиперцентрального» английского языка [18, с. 59], с которым они вынуждены не просто сосуществовать, но и постоянно тесно соприкасаться. Обе стороны признают и подчеркивают значение международного франкофонного сотрудничества.

Что касается последнего, то еще в 1961 г. Квебек выступил одним из инициаторов создания Университетского агентства Франкофонии (AUF), объединяющего франкоязычные вузы мира (в дальнейшем оно было включено в структуру Международной организации франкофонии). Его штаб-квартира расположилась в Монреальском университете, ректор которого монсеньер Ирене Люсье стал первым председателем административного совета (совета ректоров) агентства. Первым генеральным секретарем новой организации стал известный квебекский журналист, писатель и общественный деятель Жан-Марк Леже.

Подключение Квебека к межгосударственной франкофонной кооперации было сопряжено с большими трудностями, связанными с его несuverенным статусом. Федеральное правительство Канады противилось участию провинциальных представителей в каких-либо мероприятиях наравне с суверенными государствами. Однако в 1968 г. Прекрасной провинции удалось пробиться на межгосударственный уровень; ее представитель принял участие в конференции франкофонных министров образования в Либревиле (Габон). Решающую поддержку в этом ей оказали Франция и лично президент де Голль [19]. В 1971 г. Квебек стал членом Агентства по культурному и техническому сотрудничеству (Agence de coopération culturelle et technique, АССТ) – первой институциональной структуры Франкофонии. С 1986 г., когда начали проводиться регулярные саммиты глав государств и правительств франкоязычных стран, Квебек принимает в них участие (в 1987 и 2008 гг. саммиты проводились в столице Прекрасной провинции, г. Квебеке). Членство в Международной организации франкофонии и других международных франкофонных структурах имеет для Квебека как символическое, так и практическое значение. В символическом плане оно подтверждает его международный статус и особое положение в Канадской федерации, в практическом – открывает возможности налаживания контактов с большим числом государств, население которых в той или иной степени владеет французским языком, а значит, потенциально заинтересовано в потреблении квебекской культурной продукции, образовательных услуг и т. п. Как заявил на саммите 2008 г. тогдашний премьер-министр Квебека Жан Шаре, «в самом сердце нашей жизни [находится] Франкофония – политическая,

культурная и экономическая реальность, воздействие которой происходит на французском языке» [20].

Лингвистическое измерение квебекской парадипломатии не ограничивается контактами с Францией и участием в многосторонних франкофонных структурах. Вопросы, связанные с французским языком, присутствуют в отношениях Квебека со многими зарубежными партнерами. Удачным примером эффективного сотрудничества Прекрасной провинции с другими франкоязычными регионами могут служить многочисленные проекты, реализуемые ею совместно с Франкоязычным сообществом Бельгии, Валлонией и Брюсселем в рамках соглашений, заключенных в 1982 и 1999 гг.

Квебек активно занимается поддержкой программ изучения французского языка как иностранного, в том числе в ведущих мировых державах. Так, еще в 1980 г. было заключено соглашение между Министерством среднего и высшего образования Квебека и Британским советом об обмене «лингвистическими ассистентами». В рамках этого соглашения студенты франкоязычных вузов Прекрасной провинции работают в школах Великобритании помощниками преподавателей французского языка. Квебек также активно продвигает преподавание французского языка в США (в частности поддерживает Американскую ассоциацию преподавателей французского языка) и других странах Западного полушария. В Прекрасной провинции действует сеть языковых учебных заведений, ориентированных на прием иностранных студентов, желающих изучать французский язык. Эти школы объединены в Квебекскую ассоциацию школ французского языка как иностранного (*Association québécoise des écoles de français langue étrangère, AQEFLE*).

Продвигая французский язык в мировом масштабе, вкладывая в это значительные силы и средства, Квебек неизбежно сталкивается с вопросами о глобальных целях и базовых принципах франкофонного сотрудничества и о своем месте в нем. Здесь у Прекрасной провинции возникают определенные расхождения с Францией, как практического, так и идейного порядка. Дело в том, что Париж всегда рассматривал Франкофонию прежде всего как инструмент укрепления французского влияния в мире (политического, экономического и культурного), а еще шире – как объект приложения своих усилий [7]. При этом подразумевалось, что Франция по определению находится в центре франкофонного пространства, поскольку именно она является главным носителем и хранителем французского языка, направляет его развитие, питает его достижениями своей культуры и т. п. Однако это ставило в сложное

положение другие франкоязычные сообщества, как те, для представителей которых французский язык исторически был родным (франко-канадцев, валлонов, франко-швейцарцев), так и те, где его присутствие было связано с колониальным прошлым (прежде всего африканских и антильских франкофонов).

В 2007 г. группа видных франкоязычных писателей и общественных деятелей из разных стран (в том числе из Канады / Квебека) опубликовала в литературном приложении к газете «Монд» манифест «За “мировую литературу” на французском языке» (Pour une “littérature-monde” en français). В нем они призвали «освободить французский язык от его исключительного пакта с нацией», а также отказаться от термина «франкофонный» применительно к литературе, полагая, что он является пережитком неокolonизма и подчеркивает «вторичность» литературы на французском языке, создаваемой за пределами Франции. Вместо этого предлагалось говорить о «“мировой литературе” на французском языке», присутствующей на всех континентах [21].

Нынешнее французское руководство учло данную ситуацию. В вышеупомянутой программной речи Эмманюэль Макрон признал, что французы являются «такими же носителями французского языка, как и все остальные [говорящие на нем]». Это было сразу же замечено и с удовлетворением воспринято в Квебеке.

Однако между Прекрасной провинцией и Францией сохраняются расхождения по вопросу о языковом многообразии, и прежде всего по вопросу об отношении к английскому языку. Это связано с тем, что квебекцы всегда испытывали и продолжают испытывать существенно большее давление со стороны английского, чем французы или африканские франкофоны. Осуществление в Квебеке чрезвычайно жестких мер по защите французского языка было продиктовано именно осознанием серьезности той угрозы, которую несет в себе соседство и постоянное взаимодействие с английским языком для сравнительно немногочисленного (по меркам Североамериканского континента) франко-канадского сообщества. С точки зрения квебекцев, Париж сегодня идет на «опасные уступки» глобальным притязаниям английского языка, тогда как Прекрасная провинция находится на «переднем крае» борьбы и за французский язык, и за все мировое языковое разнообразие.

Луиза Бодуэн, известный квебекский политик, дважды занимавшая пост провинциального министра международных отношений (в 1985 и 1998–2003 гг.), комментируя позицию Макрона, заявила, что только в Прекрасной провинции отдают себе отчет

в том, что «защищать французский язык – это значит защищать все другие языки, за исключением одного, того, который хочет быть гегемоном». По ее словам, квебекцы с середины 1970-х гг. отказываются от институционального (об индивидуальном речь не идет) двуязычия, поскольку понимают, что провозглашение равенства английского и французского будет означать подписание последнему смертного приговора [22].

Заключение

Перефразируя известное выражение о тех, кто хочет быть святее Папы Римского, можно сказать, что Квебек в своих внешних связях часто выглядит более французским / франкоязычным, чем Франция. Действительно, в некоторых аспектах международная деятельность Квебека ориентирована на защиту и продвижение французского языка в мировом масштабе в большей степени, чем внешняя политика Франции. В первую очередь это связано с особенностью квебекского языкового опыта, сформировавшегося в условиях постоянного ассимиляционного давления со стороны англоязычного окружения. Со времен Тихой революции квебекская политика нацелена на превращение Прекрасной провинции в своего рода «заповедник» французского языка в Северной Америке. Свою роль играет и специфика квебекской парадипломатии, которая по объективным причинам может охватывать существенно меньший круг вопросов, чем внешняя политика суверенного государства, к тому же являющегося одним из мировых лидеров. Все это приводит к тому, что именно Квебек служит той опорой, которая поддерживает мировой статус французского языка и дает ему шансы на сохранение и развитие в будущем.

Литература

1. *Клоков В.Т.* Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 398 с.
2. *Реферовская Е.А.* Французский язык в Канаде. Л.: Наука, 1972. 215 с.
3. *Balthazar L.* Bilan du nationalisme au Québec. Montréal: Les Éditions de L'Hexagone, 1986. 217 p.
4. *Dion S.* À la source de l'appui à l'indépendance: l'insécurité linguistique // Language, Culture and Values in Canada at the Dawn of the 21st Century / Ed. by A. Lapierre. Ottawa: Carleton Univ. Press. P. 53–73.

5. *Кривоногова М.М.* Языковая политика правительства Квебека в 70–90-е годы // Канада и Россия: аспекты сотрудничества: Материалы Первых канадских чтений, 24 апреля 2000 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. С. 37–44.
6. *Доржиева Г.С.* Лингвистическая ситуация в Квебеке // Иностранные языки в школе. 2013. № 6. С. 75–79.
7. *Чернов И.В.* Французский язык и «национальная» идеология (лингвополитический подход к анализу исторической эволюции Франции в годы V республики) // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Междунар. отношения. 2008. Вып. 3. С. 96–108.
8. *Paquin S.* Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang, 2004. 189 p.
9. *Акимов Ю.Г.* Шарль де Голль и становление «особых отношений» Франции и Квебека // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Междунар. отношения. 2014. Вып. 2. С. 146–152.
10. *Cholette G.* L'action internationale du Québec en matière linguistique: coopération avec la France et la francophonie de 1961 à 1995. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1997. 197 p.
11. Histoire des relations internationales du Québec / Sous la dir. de S. Paquin avec la collab. de L. Beaudoin. Montréal: VLB éditeur, 2006. 357 p.
12. *Noda S.* Entre l'indépendance et le fédéralisme. La décennie marquante des relations internationales du Québec. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2001. 372 p.
13. Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie / Sous la dir. de Michel Plourde et Pierre Georgeault: Nouv. éd. Paris: Les Editions Fides, 2008. 679 p.
14. La rumeur des mots / Sous la dir. de F. Gaudin. Mont-Saint-Aignan: Presses universitaires de Rouen et de Havre, 2013. 140 p.
15. *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Языковой аспект внешней культурной политики современной Франции // Тр. Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. 2010. Т. 190. С. 211–221.
16. Transcription du discours du Président de la République à l'Institut de France pour la stratégie sur la langue française [Электронный ресурс] // Présidence de la République française – Élysée.fr. URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/transcription-du-discours-du-president-de-la-republique-a-l-institut-de-france-pour-la-strategie-sur-la-langue-francaise/> (дата обращения 27 авг. 2018).
17. Le Québec dans le monde: s'investir, agir, prospérer. La politique internationale du Québec [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/ministere/politique-internationale> (дата обращения 27 авг. 2018).
18. *Чернов И.В.* Международная организация франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2006. 224 с.
19. *Акимов Ю.Г.* Квебек, Канада и институционализация международного франкофонного сотрудничества (конец 1960-х – начало 1970-х гг.) // Канадский ежегодник. 2014. Вып. 18. М., 2014. С. 26–49.

20. Le Québec au coeur de la francophonie internationale [Электронный ресурс] // Association québécoise des écoles de français langue étrangère. URL: <http://www.aqefle.com/fr/la-francophonie.html> (дата обращения 27 авг. 2018).
21. Pour une “littérature-monde” en français [Электронный ресурс] // Le Monde des livres. 2007. Le 15 mars. URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2007/03/15/des-ecrivains-plaident-pour-un-roman-en-francais-ouvert-sur-le-monde_883572_3260.html (дата обращения 27 авг. 2018).
22. *Beaudoin L.* Les Français sont des francophones comme les autres [Электронный ресурс] // Le Monde. 2018. Le 21 mars. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/03/21/les-francais-sont-des-francophones-comme-les-autres_5274187_3232.html (дата обращения 27 авг. 2018).

References

1. Klovov V. The French Language in North America. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta Publ.; 2005. 398 p. (In Russ.)
2. Referovskaja E. The French Language in Canada. Leningrad: Nauka, 1972. 215 p. (In Russ.)
3. Balthazar L. Bilan du nationalisme au Québec. Montréal: Les Éditions de L'Hexagone Publ.; 1986. 217 p.
4. Dion S. À la source de l'appui à l'indépendance: l'insécurité linguistique. V: Lapierre A., ed. *Language, Culture and Values in Canada at the Dawn of the 21st Century*. Ottawa: Carleton Univ. Press. p. 53-73.
5. Krivonogova M. Linguistic Politics of the Quebec Government in 1970s–90s. V: *Canada and Russia. Aspects of cooperation. Proceedings of the First Canadian Conference, April 24, 2000*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ.; 2000. p. 37-44. (In Russ.)
6. Dorzhieva G. Linguistic Situation in Quebec. V: *Inostrannye jazyki v shkole*. 2013;6:75-9. (In Russ.)
7. Chernov I. The French Language and the “National” Ideology: Linguopolitical Approach towards Analysis of Historical Evolution of the Fifth Republic in France. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Series 6. Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2008;3 :96-108. (In Russ.)
8. Paquin S. Paradiplomatie et relations internationales: Théories et stratégies internationales des régions face à la mondialisation. Bruxelles: P.I.E. Peter Lang Publ.; 2004. 189 p.
9. Akimov Yu. Charles de Gaulle and the beginning of France–Quebec Special Relationship. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Series 6. Filosofija. Kul'turologija. Politologija. Pravo. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2014;2:46-152. (In Russ.)

10. Cholette G. L'action internationale du Québec en matière linguistique: coopération avec la France et la francophonie de 1961 à 1995. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1997. 197 p.
11. Paquin S., Beaudoin L., dir. Histoire des relations internationales du Québec. Montréal: VLB éditeur, 2006. 357 p.
12. Noda S. Entre l'indépendance et le fédéralisme. La décennie marquante des relations internationales du Québec. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 2001. 372 p.
13. Plourde M., Georgeault P., dir. Le français au Québec: 400 ans d'histoire et de vie. Paris: Les Editions Fides, 2008. 679 p.
14. Gaudin F., dir. La rumeur des mots. Mont-Saint-Aignan: Presses universitaires de Rouen et de Havre, 2013. 140 p.
15. Bogoljubova N., Nikolaeva Yu. Linguistic Aspect of the Contemporary French Cultural Politics. V: *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2010 ;190 :211-21. (In Russ.)
16. Transcription du discours du Président de la République à l'Institut de France pour la stratégie sur la langue française [Internet]. *Présidence de la République française – Élysée.fr* (data obrashcheniya 27 Aug. 2018). URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/transcription-du-discours-du-president-de-la-republique-a-l-institut-de-france-pour-la-strategie-sur-la-langue-francaise/>
17. Le Québec dans le monde: s'investir, agir, prospérer. La politique internationale du Québec [Internet] (data obrashcheniya 27 Aug. 2018). URL: <http://www.mrif.gouv.qc.ca/fr/ministere/politique-internationale>
18. Chernov I. International Organization of La Francophonie: Linguistic Dimension of World Politics. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ.; 2006. 224 p. (In Russ.)
19. Akimov Yu. Quebec, Canada and the Institutionalization of the International Francophone Cooperation at the end of the 1960s – the beginning of the 1970s. *Kanadskij ezhegodnik*. 2014;18:26-49. (In Russ.)
20. Le Québec au coeur de la francophonie internationale [Internet]. *Association québécoise des écoles de français langue étrangère* (data obrashcheniya 27 Aug. 2018). URL: <http://www.aqefle.com/fr/la-francophonie.html>
21. Pour une "littérature-monde" en français [Internet]. *Le Monde des livres*. 2007. Le 15 mars (data obrashcheniya 27 Aug. 2018). URL: https://www.lemonde.fr/livres/article/2007/03/15/des-ecrivains-plaident-pour-un-roman-en-francais-ouvert-sur-le-monde_883572_3260.html
22. Beaudoin L. Les Français sont des francophones comme les autres [Internet]. *Le Monde*. 2018. Le 21 mars (data obrashcheniya 27 Aug. 2018). URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2018/03/21/les-francais-sont-des-francophones-comme-les-autres_5274187_3232.html

Информация об авторе

Юрий Г. Акимов, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, Смольный, 8-й подъезд; y.akimov@spbu.ru

Information about the author

Yury G. Akimov, Doctor of History, professor, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nogo str., Smol'ny, entrance 8, St. Petersburg, Russia, 191060; y.akimov@spbu.ru

Эволюция образа России в редакционных колонках «Нью-Йорк таймс» (2010–2017)

Павел Г. Кошкин

*Институт США и Канады РАН, Москва, Россия,
pasha.koshkin@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена эволюции образа России в редакционных статьях газеты «Нью-Йорк таймс» за восемь лет (с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2017 г.) – до событий на Украине 2014 г. и американских президентских выборов 2016 г. и после них. Цель исследования – приблизиться к пониманию того, что движет американскими журналистами сегодня при создании образа другой страны, как внешняя и внутренняя политика России влияет на ее восприятие в прессе США и меняются ли стандарты качественной американской журналистики на фоне информационной войны, которую заокеанские СМИ развернули против президента Дональда Трампа и России. Чтобы достигнуть этой цели, автор осуществляет контент-анализ материалов «Нью-Йорк таймс», выявляет причины изменения образа России в историческом контексте, рассматривает факторы, влияющие на современную информационно-редакционную политику издания. Новизна исследования состоит в том, что в нем предлагается детальный измерительный и качественный анализ материалов американской газеты за длительный срок, оригинальная классификация статей по тематике и тональности; показана эволюция образа России через призму ведущего качественно-массового издания; рассмотрены теоретические аспекты современной колумнистики США.

Ключевые слова: русистика, международные отношения, регионоведение, американская колумнистика, российско-американские отношения, контент-анализ, «Нью-Йорк таймс», редакционная статья, американские выборы, украинский кризис

Для цитирования: Кошкин П.Г. Эволюция образа России в редакционных колонках «Нью-Йорк таймс» (2010–2017) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 26–42.

The Changes of Russia's Image in the New York Times' Editorials (2010–2017)

Pavel G. Koshkin

*Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, pasha.koshkin@gmail.com*

Abstract. The article deals with the ways of how Russia's image has evolved in the New York Times' editorials for eight years (January 1, 2010 – December 31, 2017) – before the 2014 events in Ukraine and the 2016 American presidential race and after. The goal of the research is to understand what drives American journalists in their attempts to create the image of the other country, what impact the Kremlin's foreign and domestic policy has on the ways of how Russia is seen in American media, whether the standards of U.S. journalism are changing amidst the information warfare, which journalists launched against President Donald Trump and Russia. To reach these goals, the author conducts the content analysis of the newspaper's columns, explains the reasons of why Russia's image has been changed in a historical context and analyzes the factors that determine the current agenda of the newspaper. The novelty of the article adds up to the fact that the author presents a detailed quantitative and qualitative analysis of the materials of America's mainstream media outlet for a long period of time; he also comes up with the tonality- and topic-based original classification of the New York Times' editorials; finally, the researcher shows how the image of Russia has evolved through the lens of an American respected newspaper as well as theorizes about the aspects of the U.S. modern columnism.

Keywords: Russian Studies, foreign affairs, Area Studies, American columnism, U.S.-Russia relations, content analysis, New York Times, editorials, columns, American election, Ukrainian crisis

For citation: Koshkin PG. The Changes of Russia's Image in the New York Times' Editorials (2010–2017). *RSUH/RGGU. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;3:26-42.

Введение

Тяжелейший кризис в российско-американских отношениях, связанный с событиями на Украине в 2014 г. и победой эпатажного миллиардера Дональда Трампа на американских президентских выборах 2016 г., серьезно повлиял на деятельность средств массовой информации США. Во-первых, в лексиконе журналистов появляются новые термины «фальшивые новости» и «пост-правда»: так эксперты характеризуют новый кризис не только в двусторонних отношениях Москвы и Вашингтона, но и в журналистике. Под «фальшивыми новостями» подразумевается крупномасштабная пропаганда и распространение заведомо ложной информации с целью политической манипуляции [1], а под «пост-правдой» – апелляция к эмоциям, а не к фактам [2]. Во-вторых, американские журналисты открыто объявляют беспрецедентную информационную войну президенту Трампу: они называют это «движением сопротивления» [3]. Трамп, в свою очередь, называет их «врагами американского народа» [4], а мейнстримовым СМИ, таким как «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост», предрекает крах, постоянно придумывая им уничижительные эпитеты в ответ на их критику [5].

После 2014 и 2016 гг. значительно меняется и образ России на страницах американских газет, в том числе в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс», авторитетного качественно-массового издания. Присоединение Россией Крыма, ее негласная поддержка армии Донбасса, падение малазийского Боинга, обвинение Кремля во вмешательстве в американские выборы 2016 г. и последующее расследование специального прокурора Роберта Мюллера и Конгресса – все эти события резко трансформировали образ России в США и нанесли сильный удар по двусторонним отношениям Москвы и Вашингтона. И не последнюю роль в этом сыграли ведущие американские газеты.

Зарубежной колумнистике в целом и газете «Нью-Йорк таймс» в частности посвящено немало публикаций. Так, Э.Ф. Тельне подразделяет колонки на «массовые» (основанные на принципе внушения) и «качественные» (основанные на принципе убеждения) [6]. Про газету «Нью-Йорк таймс» писали журналисты и исследователи М. Бергер [7], М. Тангейт [8, с. 96–112]. В 2011 г. Д. Фолкенфлик выпустил книгу «Первая полоса: внутри “Нью-Йорк таймс” и будущее журналистики» [9]. Автор данной статьи (П.Г. Кошкин) в серии публикаций проанализировал теоретические и практические особенности колумнистики «Нью-Йорк

таймс», а также представленный на ее страницах образ России за четырехлетний период (с 2010 по 2013 г.) [10–14].

Однако до настоящего времени не было глубинного анализа редакционных колонок «Нью-Йорк таймс» за более длительный период – восемь лет. Не хватает эмпирических исследований образа России в качественной американской прессе после 2014 г., который стал переломным для имиджа нашей страны.

Этот пробел может заполнить данная статья. Автор ставит своей целью приблизиться к пониманию того, что движет современными американскими журналистами при создании образа другой страны, как внешняя и внутренняя политика РФ влияет на их восприятие России и меняются ли стандарты качественной американской журналистики на фоне информационной войны, которую заокеанские СМИ развернули против президента Дональда Трампа и России.

Новизна исследования состоит в детальном измерительном и качественном анализе материалов американской газеты, посвященных России, которые были опубликованы до и после 2014 г.; оригинальной классификации ее статей по тематике и тональности; рассмотрении эволюции образа России через призму ведущего качественно-массового издания; выявлении факторов, влияющих на информационно-редакционную политику газеты; разработке теоретических аспектов современной колумнистики США.

Для того чтобы найти параллели между формированием образа России в американских СМИ в прошлом и настоящем, задействуется сравнительно-исторический научный метод. Пониманию того, как в публикациях американской качественно-массовой газеты отражаются общественно-политические тенденции в США после 2014 г., способствует использование аналитического метода и метода оценки.

Методология контент-анализа редакционных колонок

Главный метод данного исследования – контент-анализ редакционных колонок «Нью-Йорк таймс» с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2017 г. Выбор формата «колонки» не случаен, так как именно он позволяет проследить позицию редакции газеты по отношению к России и ее информационную политику в целом. Преподносится эта позиция в яркой публицистической манере, поскольку по жанру редакционные статьи «гибридные» и вмещают в себя черты как аналитической статьи, так и комментария, личного блога и эссе [10].

Выбор хронологических рамок исследования тоже имеет свою логику: анализируются колонки за восьмилетний период, который разбивается на два четырехлетних периода – до украинского кризиса, с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г., и после присоединения Крыма и начала войны на Донбассе, с 1 января 2014 г. по 31 декабря 2017 г. Это было сделано для того, чтобы определить, во-первых, насколько вырос интерес к России после того, как она стала проводить более активную внешнюю политику, а во-вторых, как сильно изменился образ нашей страны в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» в результате украинского кризиса и победы Трампа на американских выборах.

Технически контент-анализ осуществлялся следующим образом: в поисковой системе сайта «Нью-Йорк таймс» вводилось ключевое слово “Russia” и задавались необходимые хронологические рамки. Было получено более 33 тыс. результатов – все материалы, в которых упоминалась Россия за восьмилетний период. Далее производился отбор публикаций, при этом в работу брались только те материалы, которые соответствовали следующим критериям:

- содержали не менее трех-четырёх упоминаний о России или современные / исторические термины, связанные с реалиями нашей страны («Россия», «Москва», «Кремль», «Советский Союз», «перестройка», «холодная война», «Путин» и фамилии других российских политических и общественных лидеров, а также деятелей культуры);
- как минимум один-два абзаца статьи были посвящены России, ее внешней или внутренней политике, социально-политическим явлениям;
- в материале создавался образ страны, выражалось отношение к ней редакционного коллектива, прослеживалась позиция редакции.

Результаты контент-анализа

Контент-анализ позволил классифицировать материалы сайта «Нью-Йорк таймс» по их тональности на основе определенных критериев (негативные, позитивные, нейтральные) при помощи подсчета слов и словосочетаний, а также оценочных, эмоционально окрашенных выражений и частоты их использования [10].

К негативным автор относил статьи, в которых преобладают отрицательные характеристики России, она упоминается в не-

гативном контексте (например, на фоне расследования Министерства юстиции США и Конгресса о предполагаемом вмешательстве Кремля в американские выборы). В таких текстах часто используются определения, метафоры и другие художественно-выразительные средства с резко отрицательной коннотацией: «автократ», «головорез», «бандит», «агрессивный», «опасный», «циничный», «притесняющий» (по отношению к российскому лидеру); «авторитарное поведение», «шовинистические сторонники» (при характеристике российских политических элит); «на руках Москвы кровь доблестных сирийцев», «российская агрессия», «возмутительная и крайне опасная державная игра», «двуличный игрок в трагичной сирийской гражданской войне», «Путин пожирает Украину» (в отношении российской внешней политики на Ближнем Востоке и в юго-восточной Украине); «дерзость российских действий», «глобальная угроза» (в контексте предполагаемого вмешательства Кремля в выборы США и европейских стран).

К позитивным были отнесены материалы, в которых акцентируется внимание на положительных моментах, при этом высказываются благоприятные оценки и используются положительные эпитеты и сравнения («главное научное достижение», «выдающийся инженерный подвиг»). Примером позитивной статьи служит редакционная колонка о российско-американском сотрудничестве по уничтожению сирийского химического оружия в июне 2014 г.: в тексте приветствуется эта договоренность между Москвой и Вашингтоном [15]. В позитивных статьях, посвященных трагическим событиям, авторы выражают сочувствие и соболезнования по их поводу («Терроризм не знает границ, не должно их быть и у сочувствия» – с таким заголовком вышла редакционная колонка «Нью-Йорк таймс» 6 апреля 2017 г. после теракта в метро в Санкт-Петербурге [16]).

В нейтральных текстах есть сбалансированность: в них внимание авторов может быть сосредоточено и на негативных, и на позитивных аспектах российской внешней и внутренней политики, при этом факты часто констатируются в сухой и непредвзятой манере. Например, в материалах про ядерную программу или российскую кампанию в Сирии обязательно указывается не только точка зрения редакции (как правило, осуждение России), но и позиция Москвы. Таким образом авторы колонок соблюдают принцип объективности.

В результате, с 1 января 2010 г. по 31 декабря 2013 г. было отобрано 48 редакционных статей [10], а за следующий четырех-

летний период (с 2014 по 2017 г.) – в пять раз больше (247)¹. Эти цифры подтверждают предположение о том, что интерес к России значительно возрос как в политической, так и в журналистской среде. Внешняя и внутренняя политика нашей страны стала одной из ключевых тем на страницах ведущих газет США. А ведь до начала украинского кризиса 2014 г. в Америке к России проявляли мало интереса, что отразилось и на положении дел в американской университетской политологии и регионоведении. После распада Советского Союза Россия перестала восприниматься в США в качестве врага, и русистика переместилась в «академическое гетто», так как потребность в специалистах по этой научной дисциплине резко сократилась [17].

Значительный рост интереса к России, начавшийся в 2014 г., связан с усилением негативного отношения к ее политике. Количество отрицательных редакционных статей в «Нью-Йорк таймс» выросло более чем в шесть раз, при этом и без того скромное число положительных текстов сократилось более чем в два раза. В четыре раза меньше стало и сбалансированных публикаций. В 2010–2013 гг. из 48 статей 31 (65%) была негативна по отношению к России, 12 (25%) – нейтральны, 5 (10%) – позитивны. В 2014–2017 гг. из 247 статей 199 (80%) были негативны по отношению к России, 46 (19%) – нейтральны или сбалансированы, 2 (1%) – позитивны.

Сдвиги в тематических приоритетах

По тематике редакционные статьи «Нью-Йорк таймс» о России можно разделить на четыре группы:

- общество и внутренняя политика (Путин, проблемы прав человека, выборы, протесты, Олимпиада в Сочи 2014 г., наука и культура, допинговый скандал и бойкот российских атлетов во время Олимпийских игр в Бразилии 2016 г., убийство лидера оппозиции Бориса Немцова в конце февраля 2015 г., положение российской оппозиции, социальные протесты Алексея Навального в марте и июне 2017 г.);

¹Цифры получены в результате измерительного анализа редакционных колонок сайта «Нью-Йорк таймс», опубликованных в разделе «Мнения» (Opinion) с 2010 по 2017 г. В эту же рубрику входит и страница «оп-эд» (Op-Ed или *opposite to the editorial*), которая концептуально играет ключевую роль в современной газете, предлагая точки зрения, обычно не совпадающие с оценками редакции.

- Россия в глобальной политике (Украина, Крым, Донбасс, гражданская война в Сирии, вывод войск НАТО из Афганистана, ядерное разоружение, предполагаемое вмешательство России в выборы США и европейских стран);
- экономика, бизнес и торговля (вступление России в ВТО, экономический кризис, санкции против Кремля, обвал цен на нефть, падение рубля);
- внутренняя повестка США (президентские выборы 2016 г., расследование Минюста и Конгресса США о предполагаемом вмешательстве России в выборы США, связи Трампа с Россией).

В целом информационно-редакционная политика «Нью-Йорк таймс» не сильно меняется, так как большинство материалов по-прежнему негативны, однако есть сдвиги по тематике. До 2014 г. газета больше внимания уделяла правам человека в России, в частности массовым протестам на фоне парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. и принятых Государственной думой ограничительных инициатив (закон об иностранных агентах, запрет американских усыновлений в России и т. д.). После 2014 г. на первый план выходят события, связанные с Украиной (присоединение Крыма, война в Донбассе, падение малайзийского Боинга, санкции), американские расследования по «российскому досье». Подавляющее большинство материалов на эти темы негативны.

Неисчерпаемым остается интерес «Нью-Йорк таймс» к личности Владимира Путина. Фактически все тексты о нем резко негативны. Имя президента РФ фигурирует почти в каждой статье о внутренней и внешней политике России, как правило, в отрицательном контексте. Более того, Путин становится одной из ключевых фигур и в американской внутренней повестке. В большинстве материалов о российском вмешательстве в американские выборы и Трампе обязательно упомянут глава Кремля. И наконец, Путин олицетворяет глобальную угрозу. Циничный, хитрый и дерзкий, он самый влиятельный политик в мире, пытающийся изменить результаты выборов не только в США, но и в европейских странах, объединяющий вокруг себя всех популистов мира и бросающий вызов американской и европейской демократии [18]. К исключениям в восприятии президента РФ можно отнести колонку о российско-американском сотрудничестве по уничтожению сирийского химического оружия, в которой приветствуются попытки Путина наладить диалог с США [15].

Олимпийская тематика сохраняется в повестке «Нью-Йорк таймс» и после 2014 г. В 2010–2013 гг. газета писала о подготовке к зимней Олимпиаде в Сочи (снова в негативном ключе, с упором на нарушение прав человека и притеснение сексуальных меньшинств), в 2014 г. к этой палитре добавили допинговый скандал, связанный с обвинениями российских легкоатлетов в массовом употреблении запрещенных препаратов для повышения спортивных результатов. И до и после 2014 г. позиция «Нью-Йорк таймс» остается крайне жесткой. В первом случае газета критикует «войну Путина против геев» накануне и после сочинской Олимпиады и заявляет, что Россия движется «от верховенства закона к верховенству ненависти» [19]. Во втором – предлагает запретить российским атлетам участвовать в Олимпийских играх в Бразилии в 2016 г., называя решение Международного олимпийского комитета разрешить некоторым россиянам участвовать в играх «оскорбительным» для Олимпиады [20].

А вот тональность и настрой редакции в статьях по экономической тематике резко меняется: Россия превращается из потенциального партнера в заклятого врага, которого следует призвать к ответу. До 2014 г. «Нью-Йорк таймс» пишет о необходимости расширить российско-американское экономическое сотрудничество и приветствует вступление России во Всемирную торговую организацию [21]. С 2014 г. газета настаивает на введении экономических санкций против Москвы в связи с ее внешней политикой на Украине, Ближнем Востоке и предполагаемым вмешательством в американские выборы, при этом журналисты призывают Европу присоединиться к санкциям США, чтобы «наказать» и изолировать Россию [22].

В материалах по международной тематике «Нью-Йорк таймс» сохраняет последовательность. По-прежнему звучат призывы к укреплению и расширению НАТО; поддерживается сотрудничество России и США в сфере ядерного разоружения и борьбы с международным терроризмом (особенно после очередного теракта, например в Париже в 2015 г. [23] и Санкт-Петербурге в 2017 г. [16]); выражается недоумение по поводу того, что Москва и Вашингтон не могут договориться о решении сирийского вопроса (однако в данной ситуации «Нью-Йорк таймс» занимает неоднозначную позицию: продолжает призывать к сотрудничеству и в то же время критикует Россию за то, что она поддерживает сирийского президента Башара Асада).

Из международной повестки издания уходит тема российско-американской «перезагрузки», которая на фоне тяжелейшего

кризиса в отношениях Москвы и Вашингтона теряет былую актуальность.

Издание пытается везде найти российский след. Так, журналисты подозревают Кремль в применении «акустического оружия» на территории американского посольства на Острове свободы в октябре 2017 г. [24]. В результате этих действий, сообщает газета, у американских дипломатов начались проблемы с нервной системой, и они вынуждены были покинуть Кубу. По логике «Нью-Йорк таймс», Кремль таким образом хотел внести раскол в двусторонние отношения Вашингтона и Гаваны, которые начали улучшаться после того, как страны восстановили дипломатические связи в июле 2015 г.

На страницах газеты появляются и новые темы, например российско-турецкие отношения. Информационным поводом послужило уничтожение российского истребителя турецкими ВВС в районе турецко-сирийской границы в ноябре 2015 г., а также убийство российского посла Андрея Карлова в Анкаре в декабре 2016 г. сторонником запрещенного в России «Исламского государства». Рассказывая о кризисе в российско-турецких отношениях, газета не занимает однозначной позиции, стараясь соблюдать баланс мнений и оценок [25].

Факторы, влияющие на образ России в «Нью-Йорк таймс»

В целом восприятие России в редакционных колонках «Нью-Йорк таймс» многогранное и сложное. Несмотря на то что подавляющее большинство статей о ней негативны, это не означает, что газета тенденциозна и непоследовательна. Можно выделить пять основных факторов, влияющих на формирование образа России на страницах этого издания:

- тематика статей, определяющая их тональность (тексты, посвященные правам человека, Путину, Трампу, российскому вмешательству в выборы США, делам Украины и Европы в подавляющем большинстве негативны, так как позиция редакции однозначна по этим вопросам; статьи про ядерное разоружение, НАТО, контртеррористическое сотрудничество, науку и культуру позитивны или сбалансированны);
- субъективное восприятие авторов и редакторов газеты, что вовсе не исключает стремления к сбалансированности и справедливости;

- внутренняя и внешняя политика России, дающая повод для критики и приводящая к формированию негативного образа страны;
- политический кризис в США, при котором кампания ведущих либеральных СМИ против Трампа превращается, по сути, в информационную кампанию против России;
- циклический характер восприятия России в США: период надежд на ее обновление всякий раз сменяется периодом разочарований, и Москва из партнера вновь превращается во врага [26–28]; эта тенденция длится почти 130 лет².

Заключение

В редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» с 2010 по 2017 г. находит отражение тенденция к циклическому восприятию России. До 2014 г. Москва воспринимается как партнер по ядерному

² До последних двух десятилетий XIX в. образ России в США был позитивным. Во время Гражданской войны в США Россия поддерживала северные штаты в борьбе против рабства; американцы «романтизировали» визит российских моряков в Нью-Йорк и Сан-Франциско. Однако после кишиневских еврейских погромов 1903 г., Русско-японской войны 1904–1905 гг., репрессий против оппозиции Россию стали называть «варварской» страной, полицейским государством. Во время Первой мировой войны Россия и США были союзниками, но Октябрьская революция 1917 г. и установление советской власти породили в американском обществе миф о «красной угрозе». Вторая мировая война вновь объединила Советский Союз с США в борьбе против Германии, но после ее окончания Москва и Вашингтон превратились во врагов (холодная война). В период перестройки 1985–1991 гг. и после распада Советского Союза произошло существенное улучшение двусторонних отношений, в США началась романтизация России. В середине 1990-х гг., после двух чеченских войн и провала российских либеральных реформ, США в очередной раз разочаровались в ней. В XXI в. цикличность в ее восприятии сохраняется. Запад возлагает надежды на пришедшего в 1999 г. к власти Путин, но когда тот начинает противостоять «гегемонии» США, Россия превращается в противника. Период президентства Медведева (2008–2012) связан со значительным политическим сближением с США («перезагрузка»), тогда как третий срок президентства Путина характеризуется тяжелейшим кризисом двусторонних отношений. После присоединения Крыма в 2014 г. и победы Трампа на выборах 2016 г. Россия воспринимается как одна из главных угроз западному миру.

разоружению, развитию науки и экономическому взаимодействию. Редакторы стремятся к сбалансированности и занимают выжидательную позицию по поводу ее внутри- и внешнеполитической повестки. После 2014 г. ситуация резко меняется: репутация страны была подорвана в результате присоединения Крыма, крушения малазийского Боинга и победы Трампа на президентских выборах США. Подавляющее большинство колонок «Нью-Йорк таймс» становятся резко негативными. При этом газета последовательно предлагает оказывать давление на Россию и сдерживать ее (санкции и расследование по «российскому досье»).

Все это подтверждается и количественным анализом редакционных статей «Нью-Йорк таймс». Рост интереса к России, которая после 2014 г. вновь стала восприниматься не как партнер, а как угроза, выразился в пятикратном увеличении количества публикаций о ней (48 статей в 2010–2013 гг. и 247 – в 2014–2017 гг.). При этом число отрицательных редакционных колонок увеличивается более чем в шесть раз, положительных – падает в два с половиной раза, сбалансированных статей становится меньше в четыре раза.

Таким образом, имидж России в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» эволюционирует по цикличной схеме, которая формировалась на протяжении истории российско-американских отношений начиная с XIX в.

Литература

1. Кошкин П.Г. Сделаем факты великими снова: можно ли сегодня противостоять фальшивым новостям [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2017. 12 окт. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sделаем-факты-снова-великими-можно-ли-сегодня-противостоят-falshivym-novostyam/> (дата обращения 4 окт. 2018).
2. Post-truth [Электронный ресурс] // English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth> (дата обращения 4 окт. 2018).
3. *Blow Ch.M.* Dispatch from the Resistance [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. Sept. 14. URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/14/opinion/dispatch-from-the-resistance.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
4. Trump: Media Is 'the Enemy of the American People' [Электронный ресурс] // The Daily Beast. 2017. Feb. 18. URL: <https://www.thedailybeast.com/trump-media-is-enemy-of-the-american-people> (дата обращения 4 окт. 2018).
5. *Sullivan E.* Trump Attacks 'Failing New York Times' Over Tax Scheme Reporting [Электронный ресурс] // The New York Times. 2018. Oct. 3. URL: <https://>

- www.nytimes.com/2018/10/03/us/politics/donald-trump-nyt-taxes.html (дата обращения 4 окт. 2018).
6. *Телень Э.Ф.* Редакционная статья как форма пропаганды в ежедневных буржуазных английских газетах // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 1973. № 3. С. 53–64.
 7. *Berger M.* The Story of the N.Y. Times, 1851–1951. N. Y.: Simon & Shuster, 1951. 589 p.
 8. *Tangetit M.* Медиагиганты: как крупнейшие медиакомпании выживают на рынке и борются за лидерство. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 252 с.
 9. *Folkenflik D.* Page One: Inside the New York Times and the Future of Journalism. N. Y.: Public Affairs, 2011. 190 p.
 10. *Кошкин П.Г.* Концепция Op-Ed в газете «Нью-Йорк таймс» на примере освещения событий в России // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2014. № 19 (141). С. 194–204.
 11. *Кошкин П.Г., Фортунатов А.Н.* Причины и тенденции эволюции образа России в редакционных статьях газеты «Нью-Йорк таймс» с 2010 по 2013 г.: итоги качественного анализа колумнистики // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 6. С. 209–214.
 12. *Кошкин П.Г.* Эволюция образа России в редакционных статьях «Нью-Йорк таймс» в 2010–2013 гг.: качественный анализ колонок // Вестн. РГГУ. Сер. «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». 2015. № 11 (57). С. 118–130.
 13. *Koshkin P.G.* Trends in U. S. Columnism: Quantitative and Qualitative Analysis of the New York Times Columns in its Coverage of U. S. – China Relations from 2008 to 2011 // Global Media Journal. 2014. № 1. P. 145–155.
 14. *Кошкин П.Г., Фортунатов А.Н.* Тенденции в американской колумнистике с 2010 по 2013 г. (на примере освещения событий в России в «Нью-Йорк таймс»: контентный анализ редакционных статей и колонок) [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2015. 23 июля. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1775> (дата обращения 4 окт. 2018).
 15. They Said It Couldn't Be Done: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2014. June 28. URL: <https://www.nytimes.com/2014/06/29/opinion/sunday/the-fate-of-syrias-chemical-weapons.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
 16. Terror Respects no Borders, Sympathy Shouldn't Either: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2014. Apr. 6. URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/06/opinion/terror-respects-no-borders-sympathy-shouldnt-either.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
 17. *Koshkin P.G.* Russia Studies in the U.S.: From Academic Ghetto to Political Mainstream [Электронный ресурс] // Rethinking Russia. 2017. Dec. 7. URL: <http://rethinkingrussia.ru/en/2017/12/russia-studies-in-the-u-s-from-academic-ghetto-to-political-mainstream/> (дата обращения 4 окт. 2018).

18. Russia's Meddling and Europe's Elections: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. Dec. 19. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/19/opinion/russian-meddling-and-europes-elections.html> (дата обращения 8 окт. 2018).
19. Mr. Putin's War on Gays: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2013. July 27. URL: <http://www.nytimes.com/2013/07/28/opinion/sunday/mr-putins-war-on-gays.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
20. A Decision Dishonoring the Olympics: Editorial // The New York Times. 2016. July 26. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/26/opinion/a-decision-dishonoring-the-olympics.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
21. Trade Relations with Russia: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2012. Aug. 26. URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/12/opinion/sunday/trade-relations-with-russia.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
22. Penalties for Mr. Putin: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2014. March 11. URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/12/opinion/penalties-for-mr-putin.html> (дата обращения 8 окт. 2018).
23. How to Fight ISIS: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2015. Nov. 17. URL: <https://www.nytimes.com/2015/11/18/opinion/how-to-fight-isis.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
24. Cuba and the Mystery of the Sonic Weapon: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. Oct. 5. URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/05/opinion/cuba-sonic-attacks.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
25. Russia, Turkey and an Assassination: Editorial [Электронный ресурс] // The New York Times. 2016. Dec. 20. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/20/opinion/russia-turkey-and-an-assassination.html> (дата обращения 4 окт. 2018).
26. Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы: 1881–1914. М.: РГГУ, 2012. 1136 с.
27. Foglesong D.S. The American Mission and the “Evil Empire”: The Crusade for a “Free Russia” Since 1881. Cambridge, Eng.: Cambridge Univ. Press, 2007. 364 p.
28. Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагриус, 2009. 912 с.

References

1. Koshkin PG. Make Facts Great Again: Is It Possible to Withstand Fake News [Internet]. *Russian International Affairs Council*. 2017. Oct. 12 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sdelaem-fakty-snova-velikimi-mozhno-li-segodnya-protivostoyat-falshivym-novostyam/> (In Russ.)
2. Post-truth [Internet]. *English Oxford Living Dictionaries* (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/post-truth>

3. Blow ChM. Dispatch from the Resistance [Internet]. *The New York Times*. 2017. Sept. 14 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2017/09/14/opinion/dispatch-from-the-resistance.html>
4. Trump: Media Is 'the Enemy of the American People' [Internet]. *The Daily Beast*. 2017. Feb. 18 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.thedailybeast.com/trump-media-is-enemy-of-the-american-people>
5. Sullivan E. Trump Attacks 'Failing New York Times' Over Tax Scheme Reporting [Internet]. *The New York Times*. 2018. Oct. 3 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/03/us/politics/donald-trump-nyt-taxes.html>
6. Telen EF. Editorial as a Form of Propaganda in English Bourgeois Newspapers. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 1973;3:53-64. (In Russ.)
7. Berger M. The Story of the N.Y. Times, 1851–1951. New York: Simon & Shuster Publ.; 1951. 589 p.
8. Tungate M. Media Monoliths: How Great Media Brands Thrive and Survive. Moscow: Alpina Business Books Publ.; 2006. 252 p. (In Russ.)
9. Folkenflik D. Page One: Inside the New York Times and the Future of Journalism. New York: Public Affairs Publ.; 2011. 190 p.
10. Koshkin PG. The Op-Ed Concept in American Columnism in "The New York Times" by the example of its Coverage of the Events in Russia. *RSUH Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations. Regional Studies. Oriental Studies"*. 2014;19:194-204. (In Russ.)
11. Koshkin PG., Fortunatov AN. Reasons and Trends of the Evolution of Russia's Image in The New York Times' Editorials in 2010–2013: Results of Content Analysis. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 6. P. 209–214 (In Russ.)
12. Koshkin PG. The Evolution of Russia's Image in the New York Times' Editorials in 2013–2013: Qualitative Analysis of the Columns. *RSUH Bulletin. Series "Political Science. History. International Relations. Regional Studies. Oriental Studies"*. 2015;11:118-30. (In Russ.)
13. Koshkin PG. Trends in U.S. Columnism: Quantitative and Qualitative Analysis of the New York Times Columns in its Coverage of U.S.-China Relations from 2008 to 2011. *Global Media Journal*. 2014;1. p. 145-55.
14. Koshkin PG., Fortunatov AN. Trends in American Columnism from 2010 to 2013 (a case study of the New York Times coverage of developments in Russia: content analysis of editorials and columns) [Internet]. *Mediascope*. 2015. July 23 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <http://www.mediascope.ru/node/1775> (In Russ.)
15. They Said It Couldn't Be Done: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2014. June 28 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2014/06/29/opinion/sunday/the-fate-of-syrias-chemical-weapons.html>

16. Terror Respects no Borders, Sympathy Shouldn't Either: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2014. Apr. 6 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2017/04/06/opinion/terror-respects-no-borders-sympathy-shouldnt-either.html>
17. Koshkin PG. Russia Studies in the U.S.: From Academic Ghetto to Political Mainstream [Internet]. *Rethinking Russia*. 2017. Dec. 7 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <http://rethinkingrussia.ru/en/2017/12/russia-studies-in-the-u-s-from-academic-ghetto-to-political-mainstream/>
18. Russia's Meddling and Europe's Elections: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2016. Dec. 19 (data obrashcheniya 8 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/19/opinion/russian-meddling-and-europes-elections.html>
19. Mr. Putin's War on Gays: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2013. July 27 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <http://www.nytimes.com/2013/07/28/opinion/sunday/mr-putins-war-on-gays.html>
20. A Decision Dishonoring the Olympics: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2016. July 26 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/26/opinion/a-decision-dishonoring-the-olympics.html>
21. Trade Relations with Russia: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2012. Aug. 26 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <http://www.nytimes.com/2012/08/12/opinion/sunday/trade-relations-with-russia.html>
22. Penalties for Mr. Putin: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2014. March 11 (data obrashcheniya 8 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2014/03/12/opinion/penalties-for-mr-putin.html>
23. How to Fight ISIS: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2015. Nov. 17 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2015/11/18/opinion/how-to-fight-isis.html>
24. Cuba and the Mystery of the Sonic Weapon: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2017. Oct. 5 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2017/10/05/opinion/cuba-sonic-attacks.html>
25. Russia, Turkey and an Assassination: Editorial [Internet]. *The New York Times*. 2016. Dec. 20 (data obrashcheniya 4 Oct. 2018). URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/20/opinion/russia-turkey-and-an-assassination.html>
26. Zhuravleva VI. Understanding Russia in the United States: Images and Myths (1881–1914). Moscow: RGGU Publ.; 2012. 1136 p. (In Russ.)
27. Foglesong DS. The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" Since 1881. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2007. 364 p.
28. Davis D., Trani E. Distorted Mirrors. Americans and their Relations with Russia and China in the 20th century. Moscow: Vargius, 2009. 912 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Павел Г. Кошкин, кандидат филологических наук, Институт США и Канады РАН, Москва, Россия; Россия, Москва, 123995, Хлебный переулок, д. 2/3; pasha.koshkin@gmail.com

Information about the author

Pavel G. Koshkin, Ph.D. in Philology, Institute for U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 2/3, Khlebnyi per., Moscow, 123995, Russia; pasha.koshkin@gmail.com

Методология изучения эмоций в международных отношениях

Виктория А. Аванская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, viktysa@mail.ru*

Аннотация. Роль эмоций в международных отношениях долгое время находилась вне поля зрения тех, кто изучал международные отношения и внешнюю политику. В начале 2000-х гг. благодаря масштабной интеграции социального конструктивизма в данную область исследований ситуация стала меняться.

Анализ эмоций в международных отношениях позволяет расширить наши знания о процессе конструирования идентичности, о социальной иерархии среди политических групп, национальных и наднациональных сообществ, а также по-новому взглянуть на выработку внешней политики государствами, превращающейся в поле конструирования «Себя» и «Других».

Существующие работы можно разделить на две категории: нацеленные на использование макро- и микроподходов. В рамках макроподхода исследователи занимаются разработкой теории о природе и функциях политических эмоций. Микроподход позволяет изучать эмоции в конкретных политических ситуациях, их влияние на политическое поведение и политические процессы. Данная статья призвана охарактеризовать значимые методологические работы, появившиеся в последнее время в западной историографии.

Ключевые слова: эмоции в международных отношениях, эмоциональная дипломатия, историография, методология

Для цитирования: Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 43–60.

Methodology for the Study of Emotions in International Relations

Victoria A. Avanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktysa@mail.ru*

Abstract. The role of emotions in international relations has long been out of sight of those who carried out research on international relations and foreign policy. In the early 2000s, thanks to the large-scale integration of social constructivism in this field of research, the situation started changing.

The analysis of emotions in international relations allows to expand our knowledge of the process of identity construction, the social hierarchy among political groups, national and supranational communities, and also take a fresh look at the development of a state foreign policy, which is transformed into the design field for “Itself” and “Others”.

The existing works on this topic can be divided into two categories, aimed at using macro and micro-approaches. As part of the macro-approach, researchers are developing a theory about the nature and functions of political emotions. In turn, the micro-approach allows studying emotions in specific political situations, their influence on political behavior and political processes. The article is intended to characterize the landmark methodological works that have recently appeared in Western historiography.

Keywords: emotions in international relations, emotional diplomacy, historiography, methodology

For citation: Avanskaya VA. Methodology for the Study of Emotions in International Relations. RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”. 2018;3:43-60.

Введение

При изучении международных отношений эмоции долгое время не становились объектом теоретического осмысления, поскольку их принято считать противоположностью разума, иррациональным ответом на личный опыт и внешние раздражители. Предполагалось, что политические решения должны приниматься без участия страстей и эмоций, ведь обратная ситуация могла бы

привести к иррациональным актам насилия. Вот почему до недавнего времени изучение международных отношений строилось только вокруг моделей рациональных акторов [1, p. 493–495].

Ситуация изменилась благодаря развитию социального конструктивизма, так как в рамках этого направления произошел отказ от абсолютных истин в пользу конструирования реальности с помощью социальных практик, языка и т. п. Эмоции стали воспринимать как социальные отношения, которые можно изучать при помощи средств их выражения. Хотя интерес к истории эмоций возник еще в первые десятилетия XX в. благодаря работам Л. Февра, Н. Элиаса и Й. Хейзинга [2, с. 79–97], изучение эмоций в теории международных отношений в качестве отдельного направления стало возможным только благодаря начавшемуся в середине 1980-х гг. спору между позитивистами и постпозитивистами. Как следствие возникло понимание роли эмоций в международных отношениях, на что первыми обратили внимание Дж. Мерсер и Н. Кроуфорд в 2000-е гг.

Примерно в то же время начинается процесс институционализации истории эмоций как научного направления. Возникают центры и программы по изучению истории эмоций, такие как Центр по изучению истории эмоций при Университете королевы Марии в Лондоне, Программа по изучению эмоций в Средние века во Франции, Центр по изучению истории эмоций при университете Макса Планка в Берлине и Австралийский исследовательский центр по истории эмоций. При некоторых из этих центров начинают издаваться книжные серии, посвященные истории эмоций. Появляются специализированные журналы, публикующие работы по изучению эмоций в разных контекстах, например «Обзорение эмоций» и «Страсть в контексте: международный журнал истории и теории эмоций». Подробное описание институционализации истории эмоций можно найти в статье О.В. Воробьевой [3].

Возвращаясь к начальному этапу изучения эмоций в международных отношениях, следует упомянуть статью Н. Кроуфорд 2000 г., в которой она обратила внимание на отсутствие работ, нацеленных на анализ того, как эмоции и эмоциональные отношения влияют на восприятие, мышление и поведение индивидуумов и групп. По ее мнению, страх, гнев и эмпатия в мировой политике заслуживают систематического изучения. Н. Кроуфорд оговаривает заведомо слабые места в исследовании эмоций в международных отношениях (такие, например, как способы измерения эмоций или механизмы разграничения между их «искренним» и «неискренним» проявле-

нием), но предлагает не останавливаться перед этими трудностями, а разработать теоретическую основу и методы исследования, заимствуя подходы у психологов и даже нейробиологов [4].

В свою очередь, Дж. Мерсер предостерегает от восприятия эмоций как чего-то сугубо иррационального. По его мнению, эмоции могут быть как бессистемными, так и системными: они способны разрушать рациональное поведение, но в то же время они необходимы для существования рациональности. Эмоции, подчеркивает он, являются сложным феноменом, и их изучение важно для понимания того, как люди воспринимают информацию, какова роль идентичности в международных отношениях, какое влияние оказывают эмоции на международные нормы [5].

Для описания процесса дальнейшего развития методологии исследования эмоций в международных отношениях представляется целесообразным обратиться к классификации, предложенной Э. Хатчисон и Р. Блейкером. В ее основе лежит разделение на макро- и микроподходы. Макроподход ориентирован на изучение природы и функций политических эмоций, а также механизмов их воздействия на политическую среду. Ученые, развивающие его, пытаются понять, как эмоции влияют на политические явления и вовлеченных в формирование политики людей. В рамках микроподхода исследуется то, как определенные эмоции функционируют в конкретных условиях, формируют политическое поведение и оказывают влияние на политические процессы [1, р. 493].

Макроподходы в изучении эмоций

Важную роль в осмыслении эмоций в международных отношениях сыграла статья Э. Хатчисон и Р. Блейкера [6]. Они утверждают, что после выхода статей Н. Кроуфорд и Дж. Мерсера серьезных изменений в изучении эмоций в международных отношениях так и не произошло: конкретные методы не были предложены, исследований, основанных на конкретном материале, почти не появилось. В связи с этим авторы предлагают свой взгляд на проблему и развивают уже высказанные ранее идеи.

Они считают перспективным исследование эмоций с помощью изучения их репрезентации и способов передачи. Эмоции могут проявляться в политических речах, конституционных декларациях, маршах протеста, визуальных отображениях любых важных общественных и политических событий (например, голода, терроризма и т. п.). Репрезентации позволяют наилучшим образом понять и

исследовать эмоции, поскольку они запускают механизмы перенесения индивидуальных эмоций в пространство коллективного, что в дальнейшем формирует политические и социальные процессы [6, p. 128–130].

В ходе репрезентации индивидуальный опыт травмы перерастает в коллективный опыт, полагают Хатчисон и Блейкер, подчеркивая, что наиболее наглядно влияние репрезентации эмоций отражает визуальная культура. Авторы сравнивают эффект от землетрясения в Индийском океане в 2004 г. и от землетрясения в северной части Пакистана несколькими месяцами позже. Землетрясение в Пакистане имело ограниченную визуализацию в медиа и осталось почти не замеченным мировым сообществом, в то время как последствия землетрясения в Индийском океане широко освещались с привлечением визуальных материалов, в результате чего была организована гуманитарная миссия помощи пострадавшим.

Помимо использования репрезентаций эмоций, авторы считают важным расширить количество описательных и аналитических инструментов для понимания и оценки связей между эмоциями и международной политикой. По их мнению, важно добавить к методам социальной науки подходы, использующиеся в феноменологии, герменевтике, семиотике, этнографии, истории архитектуры, искусств и музыкознании, изысканиях СМИ, что усилит междисциплинарный характер исследований международных отношений [6, p. 128–130].

В другой своей статье [7] Блейкер и Хатчисон подчеркивают важность дискурсивного подхода к изучению эмоций. По их мнению, эмоциональные значения (восприятие) каких-либо явлений формируют культуру, а также формируются ею и социальными системами, а это предполагает большую роль языка и других форм коммуникации в передаче и переживании эмоций. Эмоции авторы определяют как дискурсивные практики, а также как социальный и культурный феномен, который влияет на поведение ключевых акторов международной политики. И не только потому, что эти акторы были сформированы в том числе благодаря эмоциональному контексту, в котором они росли, думали и действовали [8, 9], но и потому, что взаимоотношения государств строятся в дискурсивной и эмоциональной среде, формирующей восприятие мира [10–13].

Другим важным теоретиком в данной области стал Б. Сасли. В своей статье 2011 г. [14] он писал об эмоциях как неотъемлемой характеристике процесса функционирования международной системы, так и не нашедшей пока должного отражения в работах по международным отношениям. По мнению Сасли, изучение эмоций

может стать более систематическим при помощи разработки теории того, как государства испытывают эмоции и действуют под их влиянием в сфере внешней политики. Для этого он предлагает опереться на теорию межгрупповых эмоций, согласно которой у различных общественных групп возникают эмоциональные реакции, которые затем генерируют межгрупповое восприятие и поведение.

Сасли полагает, что, хотя государство является большим и сложным образованием, оно все равно остается группой. Поэтому чувство принадлежности к государству заставляет его граждан одинаково реагировать на различные события. Государство-группа побуждает своих членов менять отношение, ощущение и реакции согласно «государственным» эмоциям. В рамках теории межгрупповых эмоций, к которой обращается автор, групповые эмоции рассматриваются не как простая совокупность индивидуальных эмоций, а как результат процесса, в котором группа становится частью индивида и меняет его эмоции на их прототип (т. е. групповую эмоцию). Исходя из этого, Сасли обращает внимание на восприятие лидера страны не только как человека, принимающего решения, но и как члена группы.

Уже упомянутый выше Дж. Мерсер продолжает работу в том же направлении. Он сосредоточивает внимание на переходе индивидуальных эмоций в социальную сферу, на их превращении в социальные или групповые эмоции, а также на связи социальных эмоций и международной политики. Его интересует наделение государств эмоциями и влияние эмоций на государства.

В своей работе [15] Мерсер определяет социальные эмоции как чувство, имеющее внутреннюю важность для актора в рамках отношений с объектом. Объектом здесь может быть человек, группа, тостер или погода. Внутренняя важность подразумевает то, что эмоция задевает нечто, значимое для человека в связи с его статусом, возможностями, привязанностями или представлениями о справедливости.

Группа, по Мерсеру, может состоять как из двух человек, так и из двух миллиардов человек. Если группа из двух человек способна испытывать групповую эмоцию, то и группа из двух миллиардов тоже. Для Мерсера важно не то, возможно ли назвать государство группой, а то, могут ли люди чувствовать себя государством.

Мерсер обсуждает вопрос редуцирования эмоций до телесных ощущений. По его мнению, это упрощение во многом и вылилось в неизученность социальных эмоций, в то время как эмоции могут сводиться к телу лишь казуально, но никак не онтологически. Ведь это то же самое, что сводить разум к мозгу. А следовательно, отсут-

ствии группового тела не становится препятствием для групповых эмоций. Разница между эмоциями и групповыми эмоциями является концептуальной, а не физической, пишет Мерсер, подчеркивая, что групповые эмоции столь же реальны, как и другие созданные людьми категории, такие как идентичность, эмоции и нормативные структуры [15, р. 515–520].

Дальнейшее объяснение групповых эмоций оказывается в зависимости от того, как объяснить переход от индивидуальной идентичности к социальной. И Мерсер делает это следующим образом:

- 1) культура регулирует эмоции и формирует мышление;
- 2) члены группы больше всего ценят взаимодействие друг с другом, поэтому они влияют друг на друга;
- 3) эмоции заразны, т. е. передаются от одних людей к другим;
- 4) события, оказывающие влияние на группу, вызывают групповую реакцию [15, р. 520–524].

Исходя из вышесказанного, люди не просто ассоциируют себя с группами, они в состоянии ими стать. Это происходит с помощью общей культуры, общих интересов и взаимодействия. Сами же социальные эмоции, сопряженные с идентичностью, существуют на индивидуальном, групповом и государственном уровнях анализа [15, р. 525–530].

Об одном из типов социальных эмоций, объединяющих группы, рассуждает С. Кошут. Он изучает социально сконструированные «либеральные» эмоции, которые могут объединять в группы целые государства [16]. По его мнению, эмоции глубоко укоренены в коллективных ценностях и убеждениях либеральных сообществ. Либеральные нормы этих сообществ порождают и поддерживают мир между демократическими государствами, но также провоцируют конфликты с недемократическими государствами.

Защита и продвижение либеральных норм против социально сконструированных агрессивных недемократических государств предполагает сильный эмоциональный элемент враждебности при определении «Другого». Чем большую важность либеральные субъекты придают своим либеральным нормам, тем больше они эмоционально отвергают нормы своего нелиберального «Другого».

В качестве примера для своих рассуждений автор приводит реакцию общественности на трагедию 11 сентября 2001 г. в США. По его мнению, члены либерального сообщества должны разделять эмоции друг друга, поэтому страны – члены НАТО незамедлительно выразили свои соболезнования. Но, напомним, свои соболезнования выразили не только члены НАТО. Первым это сделал президент России В.В. Путин.

С. Кошут также предлагает использовать эмоции для изучения идентичности и статуса [17], для чего он выделяет такие эмоции, как гордость и стыд, страх и чувство обиды. Автор считает, что гордость и стыд способны подтверждать статус. Группы с более высоким социальным статусом проецируют свой харизматичный образ (или групповую харизму, как ее еще называет автор) на маргинализованные группы. Эта групповая харизма базируется на чувстве гордости за свое прошлое и уверенности в своем будущем. В свою очередь, маргинализованные группы испытывают чувство стыда за свой образ в чужих глазах, этим подтверждая свой более низкий статус.

В то же время страх и чувство обиды способны разрушить существующий социальный статус. Так, если группа с высоким социальным статусом начинает бояться потерять свое положение, это может вызвать неуверенность в будущем среди ее членов. Этот страх может породить изолированность, подозрительность и общее недоверие по отношению к другим группам. Более того, он может привести к отрицанию прав остальных групп с целью не допустить их к социальным ресурсам, а также к излишней демонстрации гордости и даже самоуверенности. Все это способно понизить социальный статус. Чувство обиды, напротив, способно придать силы маргинализованной группе, что дает ей возможность попробовать повысить свой статус и расширить свои права.

Для непосредственного изучения этих эмоций и того, как они формируют идентичность и статус, Кошут предлагает обратиться к когнитивному лингвистическому дискурсивному анализу и с его помощью анализировать устные речи политиков, а также публикуемые тексты.

Вышеперечисленные статьи дают общее представление о теоретическом осмыслении эмоций в международных отношениях, необходимости и способах их изучения. Теперь перейдем к рассмотрению микроподхода в исследовании эмоций в международных отношениях. Уже упомянутая статья Хатчисон и Блейкера, вышедшая в 2008 г., может рассматриваться как попытка стимулировать коллег не только к разработке теоретических основ для изучения эмоций, но и к написанию работ, опирающихся на конкретный материал и формирующих методологию изучения эмоций в международных отношениях. Авторам это удалось. После выхода их статьи количество текстов, основанных на эмпирическом материале, стало расти [18–21]. Этот процесс продолжается и сейчас. Рассмотрим некоторые из них.

Микроподходы в изучении эмоций

Неоднократно предпринимались попытки перейти от теоретического уровня к практическому и изучать эмоции на фактическом материале. Такой попыткой становится статья Э. Хатчисон «Травма и политика эмоций: формирование идентичности, безопасность и общество после взрывов на Бали» [22], в которой она развивает многие идеи из своей предыдущей теоретической работы.

Хатчисон более подробно рассматривает переход индивидуальных эмоций в общественную сферу, а также консолидирующий эффект, который этот переход может вызвать. Главными источниками для автора становятся репрезентации эмоций, а кейсом – теракты на Бали в 2002 г.

Цель Хатчисон – показать на конкретном материале, как событие, наносящее травму, может посредством репрезентаций вывести его переживание из поля индивидуального в поле коллективного. Автор хочет продемонстрировать, как практики репрезентации помогают создать эмоциональные, а потому и социальные связи между травмой и широкой общностью свидетелей этой травмы, фокусируя внимание на роли медиа.

12 октября 2002 г. на Бали произошла серия взрывов, в результате которых погибло 202 человека, в том числе 88 граждан Австралии. Репрезентации в медиа были выразительно эмоциональными. Первые полосы газет задокументировали с помощью текстов и изображений страдания выживших – эмоции, застывшие на их лицах, тяжелое положение жертв и разрушения после взрывов. Изображения самих взрывов и последующего оплакивания погибших дополнили текстовую репрезентацию травмы. Главная полоса газеты “Australian” в первый день информационного освещения взрывов была отдана под фотографию двух выживших, выходящих из горящих руин здания [22, р. 75–77]. Заголовки и язык статей способствовали превращению личных трагедий в трагедию коллективную и общенациональную. Читателям сообщалось, что социальные институты страны скорбят вместе с жертвами, что пострадать мог любой австралиец, что боль жертв является национальной, а ощущение травмы и шок потери стали разрушительными для «коллективной души» Австралии. Подобная репрезентация событий способствовала интеграции катастрофы в жизнь всех австралийцев, выводя ее из сферы личных переживаний [22, р. 70–75].

Хатчисон рассматривает коллективизирующую роль визуальных репрезентаций на различных примерах. Сразу после взрывов

австралийцы увидели упомянутое изображение двух выживших, но уже на следующий день начали публиковаться фотографии улыбающихся молодых людей, которые погибли в баре или пропали без вести. В заголовках ставился вопрос, как такое могло произойти с таким большим количеством молодых и жизнелюбивых австралийцев, читателей предупреждали о надвигающемся «сезоне террора». Эти изображения смещали внимание на переживание самой травмы. Наблюдавшие за трагедией посредством массмедиа люди участвовали в эмоциональных стадиях горя: они читали о трагических событиях, собирались на поминальных службах, пред ними выступали приносящие соболезнования политики.

Какими бы мимолетными ни казались эти репрезентации, они играют важную роль в конструировании коллективного видения индивидуальной травмы, будучи связаны с чувствами симпатии, эмпатии, сострадания и солидарности, которые считаются инструментами формирования социальных привязанностей, необходимых для усиления чувства национальной идентичности и общности. Хатчинсон предлагает пересмотреть понимание травмы для того, чтобы получить возможность изучить долговременные последствия травматических событий и влияния травм прошлого на политику настоящего [22, р. 78–82].

Хатчинсон еще раз возвращается к политической роли эмоций в статье «Глобальная политика жалости? Отображение катастрофы и эмоциональное конструирование солидарности после цунами в Азии 2004 г.» [23]. На этот раз она изучает роль эмоций в конструировании транснациональной солидарности и последующих за ней гуманитарных действий на примере землетрясения в Индийском океане 2004 г., для чего исследует эмоциональную сторону визуального изображения цунами в прессе после землетрясения. Анализируя фотографии в “New York Times”, Хатчинсон демонстрирует, как визуальные изображения цунами вызвали чувство солидарности и привели к поставкам гуманитарной помощи. Этого удалось добиться за счет использования репрезентаций катастрофы в развивающихся странах, которые вызвали «политику жалости» в развитых странах. Таким образом, эта работа стала эмпирическим изучением эмоций в мировой политике, а также связей между эмоциями и современным международным гуманитарным движением.

Идеи этих статей получили развитие в книге Хатчинсон, которая вышла в 2016 г. [24]. Автор добавила главу, посвященную «политике печали», которая может быть направлена на признание случившейся трагедии другими государствами и повышение статуса страны на международной арене или на принятие трагедии и предание ее

забвению. В качестве примеров Хатчисон выбрала отношение ЮАР к политике апартеида и «столетие унижения» Китая. В первом случае идет речь о примирении с пережитой травмой и попытке оставить ее в прошлом, во втором – о постоянной актуализации по причине использования в процессе формирования идентичности.

Совершенно другой подход к изучению роли эмоций в международных отношениях использует в своей книге Т. Холл [25]. Он пишет об эмоциональном поведении, которое является важной частью того, как люди общаются. По мнению Холла, эмоциональное поведение играет такую же роль и во взаимоотношениях государств, в том, какие они избирают стратегии и способы взаимодействия с другими государствами. Книга Холла предлагает теоретическую рамку для понимания природы и последствий эмоционального поведения государств на международной арене. Автор вводит концепцию эмоциональной дипломатии, понимаемой как координируемое поведение, проецирующее образ определенного эмоционального ответа на другие страны [25, р. 2]. Эмоциональная дипломатия, по его мнению, может принимать различные формы, ее ограничивает только спектр человеческих эмоций.

В одной из глав Холл предпринимает попытку проанализировать российско-американские отношения через концепцию «дипломатии симпатии» [25, р. 18], рассматривая реакцию России на события 11 сентября 2001 г. в США. Автор считает, что если бы Россия придерживалась традиционного подхода к ведению внешней политики, ее действия были бы во многом другими. Россия, к примеру, не только выразила сочувствие через своих официальных представителей, но и объявила минуту молчания и приспустила флаги, а русские граждане оставляли цветы у американского посольства. Помимо символических жестов, Россия предприняла и реальные шаги навстречу правительству США: немедленно начались переговоры о сотрудничестве, обмене разведанными, было дано согласие на временное размещение американских войск на территориях бывших советских республик в Средней Азии.

По мнению Холла, Россия стремилась защитить образ проявляемой симпатии и официально им управляла, что позволяет перевести его в разряд официальных эмоций. Кроме этого, у России существовали возможности попросить нечто взамен оказываемой ею помощи. Нельзя утверждать, что она этого не хотела или не выжидала подходящего случая для своей просьбы. Однако Россия так ничего и не попросила, благодаря чему был сохранен образ проявления симпатии и искренности. Автор считает, что трагедия в США дала России возможность исправить отношения с давним

неприятелем. Так как другого шанса могло бы и не быть, Россия пошла по пути дипломатии сочувствия, взяв на себя риски, связанные с необходимостью проявлять его не только символически, но еще и дорогостоящими во многих смыслах уступками [25, р. 80–109].

Помимо концепции эмоциональной дипломатии Т. Холла, есть и другие примеры привлечения анализа эмоций при исследовании взаимоотношений России и Запада. А. Цыганков в статье 2014 г. [26] изучает дискурсы и эмоции России по отношению к Западу. Для этого он использует ежегодные обращения президентов РФ к Совету Федерации, а также их публичные заявления по вопросам внешней политики (такие как европейская безопасность, размещение ПРО, нестабильность на Среднем Востоке). Для своего исследования автор выбрал период с марта 2008 г. по декабрь 2012 г. Изучая язык официальных обращений и заявлений президентов РФ, Цыганков выделяет несколько стадий эволюции эмоционального отношения России к Западу: стадия страха – с марта 2008 г. по июнь 2009 г., стадия надежды – с сентября 2009 г. по конец 2010 г., стадия разочарования – с начала 2011 г. по декабрь 2012 г. Существование этих стадий Цыганков объясняет глубокой эмоциональной связью между Россией и Западом, а также чувством национальной чести, развитым у России. Эти два фактора, по его мнению, и определяют действия России, ее эмоции и риторику. Россия демонстрирует надежду, когда чувствует, что ее честь уважают, и разочарование, когда ее честь попирают.

Цыганков отмечает проблему признания России равным участником экономических и политических проектов в Европе и приходит к выводу, что Россия и Европа культурно зависимы и могут продолжать сотрудничество, только если научатся уважать ценности друг друга.

Еще одним примером изучения взаимоотношений стран с помощью исследования эмоций является статья Х. Фатта и К.М. Фиерк «Столкновение эмоций: политика унижения и политическое насилие на Среднем Востоке» [27]. Авторы пытаются ответить на вопрос, возникший у американцев после 11 сентября 2001 г.: «Почему они нас так ненавидят?». Причину этой ненависти традиционно искали в идеях столкновения культур, современного общества с традиционным. Фатта и Фиерк решили привлечь для объяснения эмоциональный фактор.

Авторы концентрируются на таких эмоциях, как унижение и чувство предательства. По их мнению, у обществ, базирующихся на стыде (к таковым они причисляют страны Арабского мира), реакция на унижительный опыт будет более яростной, чем у обществ,

базирующихся на чувстве вины (западные страны). Такая разница в реакции различных обществ должна приниматься в расчет при исследовании международных отношений. В качестве примера унижительного опыта авторы приводят обнародование фотографий пленных из тюрьмы Абу-Грейб в Ираке. Эти фотографии были восприняты как унижительные не только для самих пленных, но и для всего Арабского мира. В итоге их использовали для превращения личного унижения в общеразделяемое унижение и развития чувства беспомощности. Предательство авторы называют более личным опытом, чем унижение, способным усилить его [27, р. 70–73]. Современный нарратив предательства и унижения в Арабском мире строится вокруг США как главного международного актора, Израиля, который получает серьезную поддержку от США, и проамериканских арабских режимов [27, р. 77].

Важным событием для формирования чувства унижения у народов Среднего Востока авторы считают проигрыш в арабо-израильской (шестидневной) войне 1967 г. Эта унижительная война, которую арабские писатели назовут матерью всех поражений, стала концом панарабского национализма, делегитимизировала светские арабские режимы и породила политический ислам. После этого, начиная с 1972 г., США наложили вето на 42 резолюции ООН, осуждающие действия Израиля. Лицемерие США и поддержка Европой авторитарных режимов на Среднем Востоке, введение санкций в отношении Ирака и Ирана – все это, подчеркивают Фатта и Фиерк, вызвало чувство гнева и унижения на арабском Востоке. В свою очередь, испытываемое долгое время унижение можно было преодолеть только его противоположностью – достоинством с помощью джихада. Следовательно, события 11 сентября 2001 г., резюмируют авторы, следует расценивать как попытку обретения достоинства [27, р. 79–85].

Таким образом, авторы пытаются дать ответ на важный для США вопрос не с помощью идеи столкновения культур, современного и традиционного общества, а посредством изучения базовых эмоций и их иерархии, которые могут отличаться у разных обществ.

Заключение

Изучение роли эмоций в международных отношениях представляет собой перспективную область исследований на основе социального конструктивизма. После первых публикаций начала 2000-х гг. настоящим толчком для ее развития стала статья Хат-

чисон и Блейкера, вышедшая в 2008 г. Вслед за ней появились теоретические работы, посвященные проблемам определения эмоций, формированию социальных эмоций, существованию эмоций у государства. Однако для дальнейшего развития данного направления исследований и обретения им самостоятельного статуса потребовалось перейти от теоретического макроподхода к микроподходу – изучению эмоций на основе конкретных кейсов. Они могут быть очень разными: одни исследователи фокусируются на коллективных эмоциональных реакциях на события, другие – на роли эмоций в официальных дипломатических отношениях.

Оба этих направления активно развиваются. Появляются новые исследовательские центры, посвященные изучению эмоций, выходят книги, периодические издания и статьи, благодаря чему методология продолжает уточняться и совершенствоваться [28–32].

Литература

1. *Hutchison E., Bleiker R.* Theorizing Emotions in World Politics // *International Theory*. 2014. Vol. 6. № 3. P. 491–514.
2. *Плампер Я.* История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
3. *Воробьева О.В.* «Индустрия эмоций»: институциональные и интеллектуальные ресурсы истории эмоций [Электронный ресурс] // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2015. Т. 6. № 9 (42). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (дата обращения 06 нояб. 2018).
4. *Crawford N.C.* The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships // *International Security*. 2000. Vol. 24. № 4. P. 116–156.
5. *Mercer J.* Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics // *Journal of International Relations and Development*. 2006. Vol. 9. № 3. P. 288–303.
6. *Hutchison E., Bleiker R.* Fear no More: Emotions and World Politics // *Review of International Studies*. 2008. Vol. 34. № 1. P. 115–135.
7. *Hutchison E., Bleiker R.* Emotions, Discourse and Power in World Politics // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 501–508.
8. *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton: Princeton Univ. Press, 2012. 544 p.
9. *Costigliola F.* "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933–1958 // *Journal of American History*. 2016. Vol. 102. № 4. P. 1075–1101.
10. *Åhäll L., Gregory T.* Emotions, Politics and War. N. Y.: Routledge, 2015. 262 p.
11. *Heath-Kelly Ch.* Politics of Violence: Militancy, International Politics, Killing in the Name. L.; N. Y.: Routledge. 2013. 193 p.

12. *Ross A.* *Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict.* Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014. 232 p.
13. *Solomon T.* *The Affective Underpinnings of Soft Power // European Journal of International Relations.* 2014. Vol. 20. № 3. P. 720–741.
14. *Sasley B.* *Theorizing States' Emotions // International Studies Review.* 2011. Vol. 13. № 3. P. 452–476.
15. *Mercer J.* *Feeling Like a State: Social Emotion and Identity // International Theory.* 2014. Vol. 6. № 3. P. 515–535.
16. *Koschut S.* *No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace // Cooperation and Conflict.* 2018. Vol. 53. № 3. P. 320–338.
17. *Koschut S.* *The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR // Journal of International Relations and Development.* 2018. Vol. 21. № 2. P. 495–522.
18. *Fierke K.M.* *Emotion and Intentionality // International Theory.* 2014. Vol. 6. № 3. P. 563–567.
19. *Koschut S.* *Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management // Review of International Studies.* 2014. Vol. 40. № 3. P. 533–558.
20. *Linklatter A.* *Anger and World Politics: How Collective Emotions Shift Over Time // International Theory.* 2014. Vol. 6. № 3. P. 574–578.
21. *McDermott R.* *New Directions for Experimental Work in International Relations // International Studies Quarterly.* 2011. Vol. 55. № 2. P. 503–520.
22. *Hutchison E.* *Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing // International Relations.* 2010. Vol. 24. № 1. P. 65–86.
23. *Hutchison E.* *A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami // International Political Sociology.* 2014. Vol. 8. № 1. P. 1–19.
24. *Hutchison E.* *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. 378 p.
25. *Hall T.* *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage.* Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2015. 248 p.
26. *Tsygankov A.* *The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West // Communist and Post-Communist Studies.* 2014. Vol. 47. № 3. P. 345–354.
27. *Fattah Kh., Fierke K.M.* *A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East // European Journal of International Relations.* 2009. Vol. 15. № 1. P. 67–93.
28. *Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn / Ed. by M. Clément, E. Sangar.* Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2018. 355 p.

29. Hall T. Three Approaches to Emotion and Affect in the Aftermath of the Zhuhai Incident // *International Studies Review*. 2017. Vol. 19. № 3. P. 487–491.
30. Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. N. Y.: Cambridge Univ. Press. 2015. 407 p.
31. *Emotions and Mass Atrocity: Philosophical and Theoretical Explorations* / Ed. by T. Brudholm, J. Lang. N. Y.: Cambridge Univ. Press. 2018. 305 p.
32. *The Politics of Compassion* / Ed. by M. Ure, M. Frost. N. Y.: Routledge. 2014. 258 p.

References

1. Hutchison E., Bleiker R. Theorizing Emotions in World Politics. *International Theory*. 2014;3:491-514.
2. Plamper J. *History of Emotions*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ.; 2018. 568 p. (In Russ.)
3. Vorob'eva OV. "Emotion Industry". Institutional and Intellectual Resources of the History of Emotions [Internet]. *Electronic Scientific Educational Journal "History"*. 2015;9 (data obrashcheniya 11 May 2018). URL: <http://history.jes.su/s207987840001247-0-1> (In Russ.)
4. Crawford C. The Passion of World Politics: Propositions on Emotion and Emotional Relationships. *International Security*. 2000;4:116-56.
5. Mercer J. Human Nature and the First Image: Emotion in International Politics. *Journal of International Relations and Development*. 2006;3:288-303.
6. Hutchison E., Bleiker R. Fear no More: Emotions and World Politics. *Review of International Studies*. 2008;1:115-35.
7. Hutchison E., Bleiker R. Emotions, Discourse and Power in World Politics. *International Studies Review*. 2017;3:501-08.
8. Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton: Princeton Univ. Press. 2012. 544 p.
9. Costigliola F. "I React Intensely to Everything": Russia and the Frustrated Emotions of George F. Kennan, 1933–1958. *Journal of American History*. 2016;4:1075-101.
10. Åhäll L., Gregory T. *Emotions, Politics and War*. N. Y.: Routledge, 2015. 262 p.
11. Heath-Kelly Ch. *Politics of Violence: Militancy, International Politics, Killing in the Name*. L.; N. Y.: Routledge, 2013. 193 p.
12. Ross A. *Mixed Emotions: Beyond Fear and Hatred in International Conflict*. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2014. 232 p.
13. Solomon T. The Affective Underpinnings of Soft Power. *European Journal of International Relations*. 2014;3:720-41.
14. Sasley B. Theorizing States' Emotions. *International Studies Review*. 2011;3:452-76.
15. Mercer J. Feeling Like a State: Social Emotion and Identity. *International Theory*. 2014;3:515-35.

16. Koschut S. No Sympathy for the Devil: Emotions and the Social Construction of the Democratic Peace. *Cooperation and Conflict*. 2018;3:320-38.
17. Koschut S. The Power of (Emotion) Words: On the Importance of Emotions for Social Constructivist Discourse Analysis in IR. *Journal of International Relations and Development*. 2018;2:495-522.
18. Fierke KM. Emotion and Intentionality. *International Theory*. 2014;3:563-67.
19. Koschut S. Emotional (Security) Communities: The Significance of Emotion Norms in Inter-Allied Conflict Management. *Review of International Studies*. 2014;3:533-58.
20. Linklater A. Anger and World Politics: How Collective Emotions Shift Over Time. *International Theory*. 2014. Vol. 6. No. 3. P. 574–578.
21. McDermott R. New Directions for Experimental Work in International Relations. *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. No. 2. P. 503–520.
22. Hutchison E. Trauma and the Politics of Emotions: Constituting Identity, Security and Community after the Bali Bombing. *International Relations*. 2010. Vol. 24. No. 1. P. 65–86.
23. Hutchison E. A Global Politics of Pity? Disaster Imagery and the Emotional Construction of Solidarity after the 2004 Asian Tsunami. *International Political Sociology*. 2014. Vol. 8. No. 1. P. 1–19.
24. Hutchison E. *Affective Communities in World Politics: Collective Emotions after Trauma*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. 378 p.
25. Hall T. *Emotional Diplomacy: Official Emotion on the International Stage*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 2015. 248 p.
26. Tsygankov A. The Frustrating Partnership: Honor, Status, and Emotions in Russia's Discourses of the West. *Communist and Post-Communist Studies*. 2014;3:345-54.
27. Fattah K., Fierke KM. A Clash of Emotions: The Politics of Humiliation and Political Violence in the Middle East. *European Journal of International Relations*. 2009;1:67-93.
28. Clément M., Sangar E., ed. *Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge, 2018. 355 p.
29. Hall T. Three Approaches to Emotion and Affect in the Aftermath of the Zhuhai Incident. *International Studies Review*. 2017;3:487-91.
30. Yohan A., Coicaud J.-M., Popovski V. *Emotions in International Politics: Beyond Mainstream International Relations*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2015. 407 p.
31. Brudholm T., Lang J., ed. *Emotions and Mass Atrocity: Philosophical and Theoretical Explorations*. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2018. 305 p.
32. Ure M., Frost M., ed. *The Politics of Compassion*. N. Y.: Routledge, 2014. 258 p.

Информация об авторе

Виктория А. Аванская, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; viktysa@mail.ru

Information about the author

Victoria A. Avanskaya, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; viktysa@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 323.17(71)

Акадийский автономизм в Приморских провинциях Канады в 1960–1980-х гг.

Михаил Б. Башкиров

*Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия,
baskhiroffm@gmail.com*

Аннотация. В отличие от квебекской, акадийская этнокультурная общность в Канаде является миноритарной и находится под угрозой языковой и культурной ассимиляции. Начиная с 1960-х гг. в акадийском обществе все более популярными становятся националистические идеи, в итоге отразившиеся в программе Акадийской партии.

Вопросы национализма и сепаратизма франкоязычных меньшинств Канады ранее не являлись предметом специального научного исследования в отечественной историографии. В данной статье впервые о российском канадоведении рассматривается проблематика, связанная с политическими и этнокультурными трансформациями в акадийском обществе во второй половине XX в. Главная цель работы – проследить исторический путь Акадийской партии и выявить значение автономистского проекта для франкоязычного населения Нью-Брансуика. Для этого использовался исторический, политологический, этнографический, социально-антропологический и междисциплинарный анализ, основанный на принципах историзма, системности и научной объективности.

Проект, предложенный акадийскими радикалами, оказался политически незрелым и невостребованным как со стороны элиты, так и со стороны электората. Причинами этого, по мнению автора, являются излишний радикализм, оттолкнувший большинство акадийцев, и отсутствие поддержки со стороны квебекских сепаратистских кругов. Вместе с тем опыт мирного разрешения этнополитических конфликтов в условиях миноритарности, предложенный акадийским сообществом, крайне актуален как для канадской провинции Квебек, так и для ряда государств Европы

(Бельгии, Франции, Швейцарии и Испании) и некоторых субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: Канада, Нью-Брансуик, Акадия, акадийцы, Акадийская партия

Для цитирования: Башкиров М.Б. Акадийский автономизм в Приморских провинциях Канады в 1960–1980-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 61–76.

Acadian Autonomy in the Maritime Provinces of Canada in the 1960s–1980s

Mikhail B. Bashkirov

North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

bashkiroffm@gmail.com

Abstract. Unlike the Quebec community, the Acadian ethno-cultural community in Canada is a minority and is threatened by linguistic and cultural assimilation. Since the 1960s nationalistic ideas started becoming more popular in the Acadian society, and, as a result, they have been reflected in the program of the Acadian Party.

The issues of nationalism and separatism in the French-speaking minorities of Canada have never been the subject of a special scientific research in the Russian historiography. This article for the first time in Russian Canadian studies considers issues related to the political and ethno-cultural transformations in the Acadian society in the second half of the 20th century. So these problems are discussed for the first time in the Canadian studies in Russia.

The article focuses mainly on tracing the historical path of the Acadian Party and to revealing the significance of an autonomist project for the Francophone population of New Brunswick. To this end the article makes use of the historical, political, ethnographic, socio-anthropological and interdisciplinary analysis based on the principles of historicism, systemic and scientific objectivity.

The project proposed by the Acadian radicals turned out to be politically immature and unclaimed both by the elite and by the electorate. The reasons for that, in the author's opinion, are the excessive radicalism that repulsed most of the Acadians, and the lack of support from the Quebec separatist groups.

With that an experience of peaceful settlement of ethnic and political conflicts, proposed by the Acadians as a minority, is extremely relevant both for the Canadian province of Quebec and for a number of European countries (Belgium, France, Switzerland and Spain) as well as for the Russian Federation minorities.

Keywords: Canada, New Brunswick, Acadia, Acadians, Acadian Party

For citation: Bashkirov MB. Acadian Autonomism in the Maritime Provinces of Canada in the 1960s–1980s. RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”. 2018;3:61-76.

Введение

Приморские провинции Канады (Нью-Брансуик, Новая Шотландия, Остров Принца Эдуарда) являются вторым по численности франкоязычным регионом в Северной Америке после провинции Квебек. Франкоязычное население этого региона (акадийцы) обладает собственной идентичностью и представляет собой самостоятельную этнокультурную общность в Канаде. Вплоть до середины XX в. акадийцы занимали аутсайдерские позиции по сравнению с представителями англоязычного большинства, будучи мелкими собственниками земли, фермерами или наемными рабочими в различных отраслях хозяйства (лесная промышленность, кораблестроение, бумажно-целлюлозная отрасль, рыболовство).

Депортация жителей бывшей французской колонии Акадия, осуществленная британской колониальной администрацией в 1755–1763 гг., является одним из самых трагических событий в истории Канады. Акадийцы были изгнаны из колонии, лишены земель и имущества и расселены преимущественно в англоязычных колониях Америки. В дальнейшем части выходцев из Акадии удалось вернуться домой. Депортация разрушила как экономическую базу существования акадийского сообщества, так и его основные социальные структуры. Эти события стали незаживающей раной в коллективной памяти акадийцев и сыграли важнейшую роль в формировании мифа об общем происхождении, на основе которого акадийские и франкоканадские интеллектуалы конструировали акадийскую идентичность в XIX–XX вв., а также современного акадийского национализма, будучи живым, часто семейным глубоко переживаемым опытом, доказывавшим реальность угрозы ассимиляции.

В 1960 г. премьер-министром Нью-Брансуика стал лидер Либеральной партии провинции акадиец Луи Робишо. Вместе с ним 6 постов в правительстве также заняли акадийцы. В основе его предвыборной программы лежал лозунг «Равные шансы для всех» (*Chances égales pour tous*), подразумевавший идеи социальной и культурно-языковой справедливости. Однако меры, предложенные правительством Робишо, не удовлетворяли наиболее радикально настроенных акадийцев. В результате была создана Акадийская партия (*Parti acadien*, далее – АП), предложившая суверенистский проект.

Реформы правительства Луи Робишо

Десятилетие правления Либеральной партии Нью-Брансуика во главе с Л. Робишо принято называть в канадской историографии «тихой революцией». Предвыборная программа «Равные шансы для всех» не носила популистского характера, а последовательно воплощалась в жизнь в течение всех трех сроков пребывания Робишо на посту премьер-министра. В телеинтервью 1965 г. он так разъяснял ее суть: «Мы рассчитаем на то, что бедные люди смогут получить доступ к медицине, образованию и правосудию. Сегодня в нашем обществе царит дискриминация – не только в нашей провинции, но и во всей Канаде... это не социализм и не коммунизм, мы хотим дать минимальный стандарт для всех в нашей провинции, притом как для франко-, так и англоязычных жителей» [1].

Одна из первых реформ Робишо касалась школьного образования в провинции. Уже в 1961 г. было резко сокращено количество школьных округов: с 400 до 33. Причем с этого момента округа стали формироваться по языковому принципу – в пользу лингвистической гомогенности, т. е. школы, которые посещали акадийские ученики, становились франкоязычными и ничем не отличались по своему статусу от англоязычных. Первоначально (до 1971 г.) акадийские школьные округа назывались двуязычными (*bilingue*), а позже были переименованы во франкоязычные. Министерство образования провинции увеличило бюджет на начальную и среднюю школу, средства тратились как на улучшение условий учебы, так и на увеличение заработной платы учителей. Во второй половине 1960-х гг. появляются первые учебники на французском языке. С 1964 г. Министерство образования было разделено на два департамента: англо- и франкоязычный. С точки зрения управления

это было значительным шагом вперед, так как позволило оптимизировать действия чиновников. Еще одной новацией Робишо в области образования стало формирование Королевской комиссии в области исследования высшего образования (*Commission royale d'enquête sur l'enseignement supérieur*) в 1962 г. В докладе комиссии было рекомендовано создать на территории провинции франкоязычный университет, что было осуществлено в следующем году при поддержке правительства. В 1963 г. был основан Монктонский университет с тремя отделениями в Монктоне, Эдмундсоне и Шиппагане. Уже в первый год количество учащихся в университете составило 5 тыс. человек. К слову, англоязычный Университет Нью-Брансуика был создан американскими лоялистами еще в 1785 г. в г. Фредериктон и является старейшим университетом Канады. В наши дни Монктонский университет не теряет своего значения и остается самым крупным франкоязычным интеллектуальным центром к востоку от Квебека. Еще одним важным стимулом для развития среднего образования среди акадийцев стало создание в Монктонском университете факультета науки и образования, выпускающего квалифицированных школьных учителей. Факультет был учрежден по рекомендации Комиссии по высшему образованию [2, р. 36].

Наиболее важным шагом правительства Робишо стало принятие в 1969 г. Закона «Об официальных языках Нью-Брансуика» (*Loi sur les langues officielles du Nouveau-Brunswick*). Появлению этого закона предшествовал доклад Королевской комиссии по двуязычию и двум культурам, рекомендовавший провинции Нью-Брансуик введение на официальном уровне практики двуязычия. Закон в значительной мере изменил положение франкоязычных жителей провинции. Его статьи вводились в действие постепенно, вплоть до 1977 г. По закону, все официальные документы должны были быть доступны населению провинции на обоих языках. При этом стоит отметить, что еще в 1967 г. в аппарате правительства Нью-Брансуика по инициативе Л. Робишо было создано бюро перевода с английского на французский язык.

Согласно статье 11 данного закона, введенной в действие в 1977 г., все услуги, оказываемые государственными органами, должны были предоставляться населению на обоих языках. «Введение в действие 11 статьи закона “Об официальных языках Нью-Брансуика” 1969 г. отмечало важное изменение в философии применения языковых прав. До этого момента ни одно правительство не создавало режима, требующего от провинциальных чиновников оказывать услуги населению на определенных языках» [3].

Закон нашел поддержку со стороны большинства акадейцев и части англоговорящих граждан. Однако реакция на него различных политических сил была не столь однозначной. Одним из свидетельств этого служит письмо, направленное в адрес премьер-министра Л. Робинсо: «Канадская лоялистская Ассоциация желает поздравить вас с тем, с каким мастерством вы обманули народ Нью-Брансуика... Ваш бесчувственный, дегенеративный и губительный закон “Об официальных языках” – одно из худших зол, которое когда-либо обрушивалось на граждан провинции» [4, р. 43]. При этом эффективность правоприменительной практики этого закона не была высокой ни в 1970-х, ни в 1980-х гг.: «Даже спустя десять лет после объявления в Нью-Брансуике французского официальным языком франкофонному меньшинству приходилось просить об услугах на материнском языке с “протянутой рукой”» [5, р. 81].

Важным продолжением закона 1969 г. стало принятие Законодательной ассамблеей провинции в 1981 г. так называемого «Закона 88» – «О признании равенства двух официальных языковых сообществ в Нью-Брансуике» (*Loi reconnaissant l'égalité des deux communautés linguistiques officielles du Nouveau-Brunswick*). Во многом этот правовой акт был обусловлен резолюцией Акадейского конгресса 1979 г. Главной темой обсуждения на нем стал инициированный Акадейской партией вопрос о создании акадейской провинции в рамках Канадской Конфедерации. Примечательно, что большинство делегатов высказались в пользу акадейской автономии. Перед правительством Нью-Брансуика вставала необходимость отреагировать на этот политический шаг.

В результате важнейшим отличием закона 1981 г. от закона 1969 г. стало появление нового понятия «языковое сообщество» (*communauté linguistique*). Фактически это означало признание существования и прав акадейского сообщества. Таким образом, новый закон стал серьезным шагом вперед по сравнению с эпохой «тихой революции». Гарантируя языковое равенство, закон распространял свое влияние не только на государственные органы и те услуги, которые они оказывали населению, но и на гуманитарную сферу и культуру. Окончательно статус французского языка в Нью-Брансуике был закреплен принятием Канадой в 1982 г. «Хартии прав и свобод» (*Charte canadienne des droits et libertés*). В ней отдельно оговаривалось равенство английского и французского языков при употреблении в парламенте провинции Нью-Брансуик; право употреблять там эти языки на всех стадиях судебного процесса; право получать от служб законодательного

собрания и правительства информацию на любом из языков [6, с. 473]. Этот конституционный акт гарантировал языковое равенство жителям Нью-Брансуика как на провинциальном, так и на федеральном уровне. Тем не менее государственных мер, направленных на формирование условий «языкового равенства», было недостаточно. Английский язык продолжал использоваться в большей части сфер публичной деятельности. Даже несмотря на то что положения закона 1969 г. были подтверждены Конституционным актом 1982 г., ситуация с языковыми правами в провинции практически не изменилась.

Акадийская партия

Появление АП на политической арене провинции свидетельствует о неудовлетворенности части акадийского общества Законом «Об официальных языках Нью-Брансуика». Важным фактором, повлиявшим на создание АП, стал рост радикальных сепаратистских настроений среди акадийской молодежи. В этот период в Национальном обществе акадийцев (НОА) выделяется группа молодых «реформистов», настроенных на конфронтацию с традиционной акадийской элитой. Центром сосредоточения молодых акадийских интеллектуалов и «реформистов» из НОА стал Монктонский университет, где большинство студентов открыто заявляли о недовольстве доминированием во многих публичных сферах англоговорящего населения. Традиционная акадийская элита в лице представителей католического духовенства, бизнесменов и политических деятелей не разделяла подобных настроений акадийской молодежи. Позицию старшего поколения можно характеризовать как «реалистичную», так как, по их мнению, не стоило забывать о миноритарности акадийского сообщества в регионе. Главным выразителем настроений и идеи традиционной акадийской элиты стала газета «Эванжелин». Но, по всей видимости, остановить политический раскол уже было невозможно, так как, по мнению молодых националистов, «буржуазная интеллигенция стала глуха к требованиям молодежи и движению, которое выходит из тени» [7, с. 3]. Молодые акадийские радикалы опасались, что политическое поведение «старшего поколения», направленное на поиски компромисса, могло «навсегда заморозить» низкий статус акадийцев. Стоит отметить, что расхождения с традиционной элитой молодых акадийских интеллектуалов имели и поколенческую составляющую. «У нашей элиты концепция как у евреев во

времена Моисея: у нас есть вожди, которые спустились к нам с небес и которые мгновенно получили власть и авторитет» [8].

В декабре 1967 г. в стенах Монктонского университета появляется студенческая газета «Насекомое» (*L'Insecte*). Она распространялась за пределами территории кампуса – не только в Монктоне, но и в других акадейских городах провинции. Редакция газеты заявляла о своей оппозиционности как к правительству провинции, так и к традиционной акадейской элите и часто говорила в редакционных материалах от лица всего «акадейского народа» и «народных масс». В 1969 г. под эгидой Студенческой федерации университета появляется другое оппозиционное издание – газета «Усы» (*Moustache*). В 1970 г. студенты университета начинают издавать еще одну газету – «Эмбрион» (*Embrion*). Все три издания придерживались националистических взглядов, говорили об угрозе ассимиляции и в той или иной мере использовали сепаратистскую риторику. Очень четко и характерно настроения этих изданий выражает редакционная статья первого номера газеты «Эмбрион»: «Мы чувствуем скромное, но грандиозное желание – его необходимо реализовать. Без литературы, которая утвердит наше существование, мы забудем о том, кто мы есть, и то, кем мы хотим быть. Это ассимиляция...» [9]

Во многом рост и развитие национализма среди акадейской молодежи связаны с влиянием квебекского индипендентского движения второй половины 1960-х гг. Напряженность между федеральным правительством и «остальной Канадой» (*Rest of Canada*), с одной стороны, и квебекским правительством и националистами – с другой, предопределила этнополитическую напряженность между акадейцами и англоязычным населением Приморского региона. Политические движения и партии, стоявшие на сепаратистской платформе и выступавшие за отделение от остальной Канады, появились в Квебеке с начала 1960-х гг.: среди них можно назвать «Объединение за национальную независимость» (*Rassemblement pour l'indépendance nationale*, РИН), «Фронт освобождения Квебека» (*Front de libération du Québec* – ФЛК), Квебекскую партию (*Parti Québécois*) и др. В политическом отношении все эти организации были весьма неоднородны, достаточно сказать, что ФЛК представлял собой террористическую группировку, а РИН делилось на левое и правое крыло. Своего рода «общим знаменателем» для квебекских сепаратистов стала Квебекская партия, образованная в 1968 г. При этом нельзя не отметить, что представители традиционной акадейской элиты также осознавали, по крайней мере на уровне деклараций, необходимость сближения с Квебеком и различными политическими силами этого самого крупного

франкоязычного региона в Северной Америке. В 1966 г. в своем ежегодном докладе президент НОА Л. Ришар заявил: «Не отказываясь от собственной уникальности, акадийцы кажутся сегодня более способными расширить горизонты, чтобы интегрироваться в общую жизнь Французской Канады» [10, р. 157].

На рубеже 1960–1970-х гг. в лексикон квебекских и акадийских националистов входит пара терминов «колонизация – деколонизация», согласно которой франкоязычные территории Канады представляли собой колонии по отношению к англоязычной части страны и США. По всей видимости, влияние на умонастроения и взгляды квебекских и акадийских националистов оказала знаменитая книга участника восстания и войны в Алжире Ф. Фанона «Проклятьем заклейменные» [11], а также тексты французского философа тунисского происхождения А. Мемми [12]. Понятие «колонизация» было необходимо радикальным силам, так как оправдывало политическую борьбу и легитимизировало попытку «освобождения от колониализма». Такого рода «антиколониализм» в равной мере была свойственен как квебекским сепаратистам, так и акадийским националистам.

В качестве примера сравним две цитаты, столь схожие по стилистике. Манифест квебекского РИН: «В наше время, когда народы сбрасывают колониальное ярмо и требуют полной независимости, Французская Канада больше не может соглашаться оставаться под экономическим и политическим гнетом иностранцев» [13, р. 160]. Вторая цитата принадлежит акадийскому националисту Б. Говину: «С 1713 г. мы рабы при английской доминации, проклятые колонируемые люди» [14].

Впрочем, недовольство акадийской молодежи было связано и с трудной социально-экономической ситуацией. Представители «Общества акадийцев Нью-Брансуика» характеризовали ситуацию следующим образом: «...самые низкие доходы, самые незначительные инвестиции, самый высокий процент безработных, самая слабая социальная помощь, худшие средства связи и самый низкий процент детей, охваченных школьным обучением» [14, р. 53]. С этим выводом соглашается французский социолог Ален Ивен, который утверждает, что в 1970 г. 80% акадийцев имели низкий или средний социальный статус и получали низкий доход при одном из самых низких уровней образования в Канаде [15, р. 182].

Успехи Квебекской партии (6 депутатов было избрано в парламент Квебека в 1970 г. при 23% электоральной поддержки) и рост национального движения в «Прекрасной провинции» подтолкнули акадийских интеллектуалов к созданию собственной партии. В 1972 г. как альтернатива существующим институтам была

создана Акадийская партия. В основе ее идеологии лежала идея о разделении Нью-Брансуика по языковому принципу и создании новой административной единицы – Акадийской провинции. Член АП и политический активист А. Дюмон писал: «Наложите на карту Нью-Брансуика топографический планшет и проведите линию по диагонали от Гран-Со до Монктона. Потом проведите от одной точки до другой карандашом и напишите огромными буквами на этой части карты новое название – АКАДИЯ» [16, р. 54]. Риторика лидеров и рядовых активистов АП постоянно изобиловала категориями «колониализм» и «постколониализм», что мало чем отличало ее от риторики квебекских сепаратистов. Так, довольно показательным текстом представителя АП Ж.-П. Бланшара, напечатанный в квебекском журнале «Аксён националь»:

С созданием акадийской провинции акадийский миф о потерянном рае, появившийся в 1755 г., изгнание и геноцид акадийского народа, растиражированные поэзией Логфелло и его «Эванжелиной», больше не будут иметь причин для существования. Акадийцы станут настоящими обладателями своей территории... В отличие от колониальной эпохи, у нас впервые появится собственное акадийское правительство. Важно, чтобы эта идея проникла в каждую голову и каждый акадиец осознавал экономический, культурный и политический потенциал этой новой территории-нации [17, р. 394].

Проект по «отделению от Нью-Брансуика», предлагаемый представителями АП, имел несколько вариантов. Часть членов АП, поддерживающая тесные отношения с Квебекской партией, предлагала вхождение Акадии в независимое квебекское государство на тех или иных условиях. Другая группа призывала к созданию полностью независимого акадийского государства. Более умеренное крыло говорило об автономии в рамках провинции Нью-Брансуик. В итоге за десять лет существования партии членами АП так и не было предложено единого независимого проекта. При этом все высказываемые предложения обладали одним и тем же слабым местом, так как не учитывали того, что северо-западные графства Нью-Брансуика, которые предполагалось отделить, были франкоязычными в основном на 60%.

Помимо этого, в АП существовали и иные проблемы, такие как отсутствие яркого харизматичного лидера и постоянные внутрипартийные распри. Через три года после своего создания, на съезде 1975 г. партия отказалась от социалистической платформы в пользу более правоконсервативной. В течение всего периода деятельности лучшим результатом АП стало 12 тыс. голосов на выборах 1978 г. А уже в 1982 г. партия прошла процедуру самороспуска.

АП на выборах 1978 г.

<i>Кандидат / Профессия</i>	<i>Округ</i>	<i>Количество голосов</i>	<i>Количество голосов в процентном соотношении</i>
Обин П., преподаватель	Кэмпблтон	337	5,74
Оклер Л., предприниматель	Шиппаган-лез-Оль	466	6,43
Бланшар М., телережиссер	Караке	1 534	18,55
Кларк П. П., фрилансер	Петикодияк	117	1,29
Кутьер С., сиделка	Эдмундсон	194	3,29
Дюгэ А.-Э., преподаватель	Шедияк	603	7,38
Ганьон А.-Т., преподаватель	Центральная Мадаваaska	106	2,89
Годе Д., управляющий	Мемрамкук	643	9,26
Жандро Р., преподаватель	Дальхузи	246	4,52
Годан Р., советник	Восточный Рестигуш	217	5,21
Эбер П., преподаватель	Западный Монктон	230	3,16
Лантейн Ж.-П., врач	Нигаду-Шалер	1 103	16,23
Лапоинт Ж., общественный деятель	Южная Мадаваaska	137	3,40
Леблан П., студентка	Центральный Кент	121	3,11
Леклерк И. С., журналист	Мадаваaska-Ле-Лак	90	1,79
Леблан-Ренвиль С., преподаватель университета	Восточный Монктон	469	6,71
Лозье Л., санитар	Батерст	560	7,49
Морэ А., автомеханик	Тракади	806	10,51
Муран П.-Э., электрик	Неписгуи-Шалер	858	16,77
Уэллет Ф., управляющий банком	Северный Кент	359	7,83
Плурд А., священник	Западный Рестигуш	2 003	34,82
Ришар Г. Ж., преподаватель	Северный Монктон	225	2,78
Сюрет Д., рабочий	Южный Кент	138	1,66
ВСЕГО		11562	7,97

Источник: [18, p. 95]

Как видно из таблицы, социальный состав партии был довольно широк: в нее входили представители рабочего класса и мелкой буржуазии, акадийские интеллектуалы и священнослужители. Наилучших результатов членам АП удалось добиться в сельских районах (Караке, Западный Рестигуш, Неписгуи-Шалер), но этого для победы на выборах оказалось недостаточно. Самый высокий результат (34,82%) продемонстрировал священник А. Плурд в Западном-Рестигуше, что, по всей видимости, объясняется традиционным авторитетом католических священнослужителей в сельских франкоязычных приходах Нью-Брансуика и Квебека. Примечательно, что полное поражение АП потерпела в самом населенном городе Нью-Брансуика Монктоне и в графстве Мадаваска, известном своими индипендентскими настроениями еще с конца XIX в.

В результате националистический проект, призванный стать «мотором» этнополитической мобилизации, не нашел электоральной поддержки у акадийского населения. Акадийская партия не смогла мобилизовать акадийское население провинции в этнополитическом отношении. (Позже, уже в 1990–2000-х гг. такую мобилизующую роль сыграют Всемирные Акадийские конгрессы.) Попытка проведения политики этнического предпринимательства со стороны АП потерпела крах. В значительной мере это связано с тем, что политическая программа партии оттолкнула большинство акадийцев, так как предлагала слишком радикальные шаги. В то же время политический проект АП был нечетко сформулирован и не смог сыграть консолидирующую роль для акадийского сообщества. АП оказалась неспособной актуализировать идентичность акадийского населения Нью-Брансуика. Но при этом, по всей видимости, деятельность радикальной АП стала своего рода импульсом, который в дальнейшем подтолкнул правительство провинции принять Закон 88, придавший новое дыхание политике языкового равенства на территории Нью-Брансуика.

Заключение

С конца XIX в. акадийцы постепенно интегрировались в политическую жизнь провинции и страны и боролись за языковые и культурные права. Итогом этого процесса стало институциональное оформление языковых и культурных различий в Нью-Брансуике. Рост этнокультурной консолидации акадийцев пока что не привел к постановке вопроса об автономии или политическом

суверенитете, за исключением неудачной попытки, предпринятой Акадийской партией. Ее появление на политической арене провинции свидетельствовало о неудовлетворенности части акадийского сообщества результатами принятия Закона «Об официальных языках Нью-Брансуика». В основе идеологии АП лежала идея разделения Нью-Брансуика по языковому принципу и создание новой административной единицы – Акадийской провинции. Националистический проект, призванный стать «мотором» этнополитической мобилизации, не нашел электоральной поддержки у акадийцев. В значительной мере это связано с тем, что политическая программа АП оттолкнула большинство из них, так как предлагала слишком радикальные шаги.

Не появилось и общего политического проекта, способного объединить все франкоязычные меньшинства Канады. Во многом это вызвано тем, что политические силы, представляющие Квебек – самый крупный франкоязычный регион Канады, – всегда ориентировались исключительно на саму «Прекрасную провинцию». Все автономистские и индипендентские проекты квебекских политических акторов не касались проблем франкоязычных меньшинств Манитобы, Нью-Брансуика и др. Важнейшим итогом почти четырех десятилетий политической борьбы индипендентских сил в Квебеке (главным образом Квебекской партии) стало фактическое (но не юридическое) признание квебекцев «остальной Канадой» и федерального правительства – «особым обществом» (*société distincte*). В 2006 г. канадский парламент выпустил резолюцию, которая признавала квебекцев «нацией в составе единой Канады» [19]. Вместе с тем признание квебекцев «нацией» англоязычным большинством, федеральным парламентом и правительством заострило вопрос о характере и статусе франкоязычных сообществ вне Квебека. Именно это обстоятельство не позволяет полностью исключить вероятность возрождения Акадийской партии в политической жизни Нью-Брансуика.

Литература

1. *Robichaud L.* Interview [Электронный ресурс] // Radio-Canada. 1965. Dec. 21. URL: http://archives.radio-canada.ca/sante/langue_culture/clips/2410/ (дата обращения 18 дек. 2017).
2. *Duffie D.* Formation pedagogique. Commission de l'enseignement superieur du Nouveau-Brunswick: Université de Moncton, 1969. 239 p.

3. *Migneault G.* La progression des droits linguistiques au Nouveau-Brunswick dans une perspective historique globale [Электронный ресурс] // McGill Law Journal 2007. Vol. 52. URL: http://lawjournal.mcgill.ca/userfiles/other/6619996-1219617568_Migneault.pdf (дата обращения 18 дек. 2017).
4. *Garlant R.E., Machum L.G.* Promises, promises: an almanac of New Brunswick's elections, 1870–1980. Saint-John, 1979. 193 p.
5. *Голубева-Монаткина Н.И.* Французский язык в Канаде и США. М.: КомКнига, 2005. 192 с.
6. Конституции зарубежных государств: Учеб. пособие / Сост. проф. В.В. Махлаков, М.: Изд-во БЕК, 1997. 615 с.
7. *Cormier R.* La jeunesse veut provoquer le progrès // L'Évangéline. 1968. 15 Août.
8. *Leblanc P.-E.* Radio-emission “Le Présent” [Электронный ресурс] // Radio-Canada. 1970. 21 Août. URL: http://archives.radio-canada.ca/politique/langue_culture/clips/2410 (дата обращения 18 дек. 2017).
9. L'embrion. 1970. Déc.
10. *Hautecoeur J.-P.* L'Acadie du discours. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1975. 269 p.
11. *Fanon F.* Les damnés de la terre. Paris: François Maspéro, 1961. 242 p.
12. *Memmi A.* Portrait du colonisé, précédé du portrait du colonisateur. Paris: Gallimard, 1968. 184 p.
13. *D'Allemagne A.* Le RIN et les débuts du mouvement indépendantiste québécois. Le R.I.N. de 1960 à 1963. Étude d'un groupe de pression au Québec. Montréal: Editions l'Étincelle, 1974. 432 p.
14. “Acadie, Acadie”: Long métrage documentaire / Dir.: P. Perrault, M. Brault. Office National du film, 1971.
15. Société des Acadiens du Nouveau-Brunswick. Les Héritiers du Lord Durham. Moncton, 1977. 187 p.
16. *Dumont A.* Rendez-nous notre terre // L'Acayen. 1972. Juin. P. 50–61.
17. *Blanchard J.-P.* Province acadienne // L'Action nationale. 1976. Vol. 67. № 10. P. 789–799.
18. *Ouellette R.* Le Parti acadien: De la fondation à la disparition, 1972–1982. Moncton: Université de Moncton, 1992. 119 p.
19. Bill C-312 [Электронный ресурс] // Parliament of Canada. House of Commons. URL: <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=5151897&Language=E&Mode=1&File=4> (дата обращения 18 дек. 2017).

References

1. Robichaud L. Interview [Internet]. Radio-Canada. 1965. Dec. 21 (data obrashcheniya 18 Dec. 2017). URL: http://archives.radio-canada.ca/sante/langue_culture/clips/2410http://archives.radio-canada.ca/politique/langue_culture/clips/2410

2. Duffie D. Formation pedagogique. Commission de l'enseignement superieur du Nouveau-Brunswick. Moncton, 1969. 239 p.
3. Migneault G. La progression des droits linguistiques au Nouveau-Brunswick dans une perspective historique globale [Internet]. *McGill Law Journal* 2007. Vol. 52 (data obrashcheniya 18 Dec. 2017). URL: http://lawjournal.mcgill.ca/userfiles/other/6619996-1219617568_Migneault.pdf
4. Garlant RE., Machum LG. Promises, promises: an almanac of New Brunswick's elections, 1870–1980. Saint-John, 1979. 193 p.
5. Golubeva-Monatkina NI. French in Canada and the USA. Moscow: ComKniga Publ.; 2005. 192 p. (In Russ.)
6. Maklakov VV., comp. Constitutions of foreign states. Moscow: Izdatel'stvo BEK Publ.; 1997. 615 p. (In Russ.)
7. Cormier R. Youth wants to cause progress. *LEvangeline*. 1968. 15 Août.
8. Leblanc P.-E. Radio-emission "Le Present" [Internet]. *Radio-Canada*. 1970. 21 Août (data obrashcheniya 18 Dec. 2017). URL: http://archives.radio-canada.ca/politique/langue_culture/clips/2410
9. L'embrion. Moncton. 1970 Dec.
10. Hauteceur J.-P. Acadia of discours. Québec: Les Presses de l'Université Laval, 1975. 269 p.
11. Fanon F. Les damnés de la terre. Paris: François Maspéro, 1961. 242 p.
12. Memmi A. Portrait du colonisé, précédé du portrait du colonisateur. Paris: Gallimard Publ.; 1968. 184 p.
13. D'Allemagne A. Le RIN et les débuts du mouvement indépendantiste québécois. Le R.I.N. de 1960 à 1963. Étude d'un groupe de pression au Québec. Montréal: Editions l'Étincelle, 1974. 432 p.
14. "Acadie, Acadie": Long métrage documentaire. Director: Perrault P., Brault M. Office National du film, 1971.
15. Société des Acadiens du Nouveau-Brunswick. Les Herities du Lord Durham. Moncton, 1977. 187 p.
16. Dumont A. Rendez-nous notre terre. *L'Acayen*. 1972. Juin. P. 50–61.
17. Blanchard J.-P. Province acadienne. *L'Action nationale*. 1976;10:789-99.
18. Ouellette R. Le Parti acadien: De la fondation à la disparition, 1972–1982. Moncton: Université de Moncton Publ.; 1992. 119 p.
19. Bill C-312 [Internet]. *Parliament of Canada. House of Commons* (data obrashcheniya 18 Dec. 2017). URL: <http://www.parl.gc.ca/HousePublications/Publication.aspx?DocId=5151897&Language=E&Mode=1&File=4>

Информация об авторе

Михаил Б. Башкиров, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Восточный федеральный университет, Якутск, Россия; Россия, 677000, Якутск, ул. Белинского, д. 58; bashkiroffm@gmail.com

Information about the author

Mikhail B. Bashkirov, PhD in History, associate professor, North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia; bld. 58, Belinskiy str., Yakutsk, 677000, Russia; bashkiroffm@gmail.com

Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг.

Игорь М. Тарбеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, actimel@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс институционализации советской американистики как особой экспертно-аналитической дисциплины. Предпринимается попытка не просто написать историю американистики, но впервые комплексно осмыслить ее как феномен и фактор холодной войны, используя социально-конструктивистский подход и анализ общественно-политического запроса на экспертно-академическое знание в СССР в 1950–1960-х гг.

Именно этот запрос обусловил особенности советской американистики, одновременно ориентированной и на академическое, и на практическое знание. Она конструировала определенный образ американского «Другого», который использовался впоследствии и при выработке внешней политики по отношению к США, и во внутренней политике для формирования советской идентичности. Изучение академического конструирования США и использования их образа поможет лучше понять особенности советско-американских отношений в условиях биполярного мира.

Ключевые слова: американистика, холодная война, экспертное знание, академическое знание, советско-американские отношения, академический «Другой»

Для цитирования: Тарбеев И.М. Становление советской американистики как экспертно-академической дисциплины в 1950–1960-е гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 77–92.

The Formation of American Studies in the USSR as an Expert and Academic Discipline in the 1950s – 1960s

Igor M. Tarbeev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
actimel@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the emergence of American studies in the Soviet Union (Amerikanistika) as a special expert-analytical discipline in the 1950s–1960s using a social constructivist approach. The author attempts not only to write the history of American studies, but for the first time to comprehend it as a phenomenon and factor of the “cold war” using the socio-constructive approach and the analysis of the socio-political demand for expert- academic knowledge in the USSR in the second half of the 1950s and 1960s.

This demand shaped the Soviet American studies in a particular way: it was focused simultaneously on both academic and practical knowledge. American studies has constructed a certain image of the American “Other”. That image was subsequently used in the development of foreign policy towards the United States and in domestic policy to construct a Soviet identity different from the American “Other”. Studying the processes of academic construction of the United States and the use of the construct contribute to better understand the features of the Soviet-American relations in a bipolar world.

Keywords: American studies, Cold War, expert knowledge, academic knowledge, Soviet-American relations, academic “Other”

For citation: Tarbeev IM. The Formation of American Studies in the USSR as an Expert and Academic Discipline in the 1950s–1960s. *RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;3:77-92.

Введение

Американистика как отдельная дисциплина имеет более чем полувековую историю. Академическое изучение США началось еще в XIX в. [1, р. 45–77]. Однако серьезный импульс к развитию, приведший к институционализации, дисциплина получила в усло-

виях холодной войны в результате общественно-политического запроса на всестороннее изучение Соединенных Штатов Америки в биполярном мире.

Несмотря на свою долгую историю, американистика так и не была осмыслена как феномен и фактор холодной войны. Будучи продуктом холодной войны, она стала существенно влиять на ее ход, в определенной мере воздействуя на двусторонние отношения. Изучение американистики в этих двух направлениях имеет свои сложности и открывает новые перспективы.

Если в Соединенных Штатах подобные исследования в отношении советологии существуют [2], то в России исследования по истории американистики представляют собой прежде всего биографические очерки отдельных американистов [3–6] и хроники развития тех или иных исследовательских центров. Ярким примером можно считать «Американский ежегодник 2008/2009», целый раздел которого был посвящен развитию американистики в разных городах и университетах [7]. Подобные статьи есть и в других журналах и сборниках [8–11].

Пожалуй, единственной попыткой превратить российскую/советскую американистику в объект исследования в контексте двусторонних российско-американских отношений в их академическом измерении можно считать коллективную монографию «Русистика/советология в США, американистика в России: взаимные репрезентации в академических проектах», вышедшую под редакцией В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы в США [1]. Особую ценность в этой книге представляет их совместное введение, в котором предлагается комплексное осмысление академического «Другого» [1, р. VI–XVIII]. Глава С.И. Жука, которая посвящена непосредственно периоду холодной войны, фокусируется на собой идентичности самих ученых-американистов в столичных и региональных центрах Советского Союза [1, р. 85–102]. Подобный личностный подход автор использует и в своей достаточно противоречивой книге [12], которая также посвящена идентичности американистов и вызвала критику, прежде всего вследствие некорректного использования методов устной истории и стремления автора выявить повсеместные связи советских американистов с органами государственной безопасности. Объектом его изучения становятся идентичность отдельной социальной группы советского общества, которая постоянно сталкивается с «Другим» в ходе своей профессиональной деятельности, а также взаимоотношения внутри этой группы – между столичными и региональными центрами и отдельными американистами.

Таким образом, американистика как феномен и фактор советско-американских отношений остается малоизученной. Ее исследование необходимо начать с поиска адекватных методологических подходов для осмысления роли советской американистики в контексте холодной войны.

Как отмечают В.И. Журавлева и И.И. Курилла, любое знание о другой стране или другом народе можно разделить на три типа. Первый тип – знание «популярное», оно транслируется медиа, живет в массовых представлениях и оказывает влияние на политиков. Второй тип – академическое знание, которое обычно развивается в рамках традиционных дисциплин. Третий тип – знание экспертное, возникающее по прямому запросу государства и/или общества. От экспертного сообщества требуется создать более конкретное, «прикладное» знание, которое может принимать форму политических рекомендаций [1, р. VII]. Американистика в СССР была и академическим, и экспертным знанием. Кроме того, выступая по радио и телевидению, а также на страницах прессы, советские американисты популяризировали соответствующие версии американской истории и культуры, подчеркивая преимущества советского строя.

Помимо данной типологизации, важное значение имеет предложенная В.И. Журавлевой и подробно прописанная на примере более раннего периода взаимоотношений России и США методологическая схема изучения академического «Другого» в корреляции с внутренней и международной «повесткой дня», основанная на социально-конструктивистском подходе [1, р. 45–77].

Социальный конструктивизм и стал основной методологической рамкой данной статьи, поскольку советская американистика была ориентирована на создание определенного образа США, который использовался для реализации внешней политики в условиях биполярного противостояния, а также для конструирования советской идентичности.

Американистика и «ориентализм»

Сочетание академического и экспертного уровня знания – не уникальная черта советской американистики. Американистика является частью более широкого направления исследований – страноведения/регионоведения, или того, что в англоязычной традиции называют *area studies*.

Страноведение/регионоведение отличается от традиционных академических дисциплин. В странах Запада (прежде всего в

США) оно начало активно развиваться в годы Второй мировой войны. Страноведение должно было стать прикладным и междисциплинарным направлением. Правительствам военного времени и периода холодной войны не нужны были рафинированные знания о «Другом», поскольку результаты исследований трансформировались в конкретные политические рекомендации. Это предполагает и междисциплинарный характер изучения других стран и народов: для адекватных рекомендаций необходимо учитывать социальные, политические и экономические процессы, исторический опыт и культурные традиции. Как заметил американский историк Дэвид Энгерман, «междисциплинарные проекты идеально подходят для проведения исследований вокруг практических проблем и обучения экспертов-практиков для работы в государственных учреждениях, а не для реализации дисциплинарных надежд ученых» [2, р. 3].

Таким образом, страноведение изначально формируется как экспертное знание в соответствии с общественно-политическим запросом. Тем не менее страноведению вообще и американистике в частности было не обойтись без традиционных академических дисциплин. Ведь экспертиза и политические рекомендации требуют точности, а значит, и понимание «Другого» должно быть глубоким. Этой глубины нельзя достичь, изучая лишь современную политику и экономику. Американистика не могла существовать лишь как экспертное знание, ей необходима была историческая составляющая. Поэтому она в значительной степени выросла из академических дисциплин и использовала их наработки.

Интерес к истории и культуре Соединенных Штатов появился в России еще до революций 1917 г. [1, р. VIII–IX, 48–53]. Советская американистика стала активно развиваться в межвоенный период: именно тогда начинали свою научную и преподавательскую деятельность ее «отцы-основатели» – Алексей Владимирович Ефимов на кафедре новой и новейшей истории в МГУ и Лев Израилевич Зубок в Институте философии, литературы и истории и в Высшей партийной школе при ЦК КПСС. В 1934 г. А.В. Ефимов пишет монографию «К истории капитализма в США», на которой, по выражению Н.Н. Болховитинова, «воспитывалось целое поколение советских историков – специалистов по США» в то время, когда учебных пособий по этой дисциплине еще не было [13, с. 342].

Однако задолго до оформления регионоведения в своем современном состоянии уже существовала одна регионоведческая дисциплина – востоковедение. Востоковедение исследовал в своем знаменитом труде «Ориентализм» американский ученый Эдвард

Саид. Ориентализм для Саида – это особый способ понимания и описания «Востока» для идеологического и политического доминирования Европы над ним. Как часть этого большого дискурса Саид выделяет и востоковедение, направленное на конструирование восточного «Другого». Востоковедение, по Саиду (так же как и позже американистика), стало «инструментом национальной политики», который важен для «общественной жизни» [14, с. 426]. Востоковедение предполагало всестороннее изучение восточного общества и, следовательно, междисциплинарный подход, а не классическое дисциплинарное знание. Одной из важнейших функций ориентализма является выстраивание своего «Я», отталкиваясь от восточного «Другого». Причем это конструирование «Себя» и «Другого» должно было базироваться не только на внешних различиях, но и на научном знании, тщательно обосновываться и фиксироваться в академических трудах. Эта схема может быть использована и применительно к американистике.

Разумеется, имеется целый ряд различий между тем востоковедением, которое описывает и изучает Саид с акцентом на ориентализм, и американистикой. Важно принимать во внимание специфику подхода к изучению Востока как особого феномена колониальной эпохи и присущее этой экспертно-академической дисциплине общественно-политическое и идеологическое значение.

Объясняя смысл ориентализма, Саид опирается на теоретические разработки Мишеля Фуко и прежде всего на его теорию дискурса и власти-знания, в которой делается акцент на стремлении власти создать особые поля знания для идеологического и политического доминирования. Саид пишет: «...ориентализм можно считать корпоративным институтом, направленным на общение с Востоком – общение при помощи высказываемых о нем суждений, определенных санкционируемых взглядов, его описания, освоения и управления им, – короче говоря, ориентализм – это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком. Для того чтобы определить ориентализм, мне представляется полезным обратиться здесь к понятию дискурса у Мишеля Фуко, как он развивает его в работах “Археология знания” и “Надзирать и наказывать”. Моя позиция заключается в том, что без исследования ориентализма в качестве дискурса невозможно понять исключительно систематичную дисциплину, при помощи которой европейская культура могла управлять Востоком – даже производить его – политически, социологически, идеологически, военным и научным образом и даже имагинативно в период после эпохи Просвещения» [14, с. 10].

Понимание США, которое формировалось в рамках американистики, обладало целым рядом схожих с ориентализмом черт, поскольку находилось под воздействием политического и идеологического контекста, превращая американистику в особый корпоративный институт, направленный на общение с Соединенными Штатами при помощи высказываемых о них суждений, определенных санкционируемых взглядов, способов описаний. Конечной целью было производство определенного видения прошлого и настоящего США для последующего идеологического превосходства над ними. Иными словами, это борьба за право интерпретировать историю и логику развития «Другого», а значит, и за право диагностировать его нынешнее состояние и прогнозировать его будущее. Советская интерпретация американской истории признавала величие прошлого США, однако констатировала их «загнивание» в настоящем и неизбежный крах в будущем. При этом, используя марксистско-ленинскую парадигму научного знания, советская американистика занималась поиском исторических объяснений происходивших в настоящем процессов и отвечала на вопрос: «Что пошло не так в американской истории?» Задача научного обоснования этой интерпретации становилась тем более важной, что «Другой» представлял собой противоположный край политического спектра, альтернативный вариант государственного и мирового порядка [1, р. X], поэтому победа в борьбе за право интерпретировать его означала и право интерпретировать весь мир.

Здесь кроется одно из существенных отличий американистики от описанного Саидом понимания Востока. В эпоху расцвета ориентализма научное знание о «Другом» развивалось только в метрополиях. «Восток» был молчалив, «он не мог представлять себя, его должны были представлять другие» [14, с. 7]. Ориентализм предполагает право говорить за «Другого», определять его. Многие исследователи и теоретики ориентализма выделяют это как одну из самых важных его черт [15]. Например, С.Ф. Алатав называет ее «субъектно-объектной дихотомией», которая означает, что «европейцы являющимися познающими субъектами, в то время как неевропейцы – молчаливыми объектами» [16, с. 90–91].

Соединенные Штаты в отличие от «Востока» могли и желали говорить за себя, сами себя изучать и интерпретировать свою историю и развитие, что служило ключевым механизмом формирования идентичности в противостоянии с советским «Другим». Поэтому важнейшей чертой советской американистики становится борьба с «антимарксистской историографией» [17, с. 335]. Труды историков США тщательно изучаются и оспариваются; выходит

множество статей с критикой американской историографии того или иного вопроса. Особое внимание уделяется значимым для марксистской концепции событиям истории США: Американской революции, Гражданской войне и др. Разбирается и американская интерпретация истории и современного развития других стран, к примеру Китая [13, с. 379–382].

После распада СССР ситуация изменилась, историографические исследования в российской американистике стали редкостью. Некоторые авторы склонны считать, что это связано с «элементарной неосведомленностью, нежеланием вступать в эту необъятную и постоянно расширяющуюся сферу знания, исходя из... научного максимализма», основанного на принципе «все или ничего», т. е. если нельзя рассмотреть все работы, не стоит вообще браться за историографические обзоры. В свою очередь, отмечается и спад интереса к советской и российской историографии со стороны американских исследователей [18]. Этот обоюдный процесс мы связываем с завершением войны за право на интерпретацию истории. «Конец истории», провозглашенный в 1992 г. Ф. Фукуямой, поставил в этой войне точку. В отсутствие стройных идеологических моделей развития мира американским и российским исследователям не с чем стало спорить и нечего защищать. Эпоха «больших нарративов» ушла в прошлое.

Становление американистики в период холодной войны

Военные годы не дали существенного импульса для академического изучения американского «Другого». Тем не менее в этот период закладывается основа для институционализации будущей дисциплины, что было процессом сложным и долгим. Институционализация включает в себя создание университетских центров подготовки будущих специалистов, где обеспечиваются чтение курсов, написание учебников по данной дисциплине и подготовка аспирантов; открытие научно-исследовательских центров (а в идеале института), объединяющих специалистов в этой области; выпуск специализированных периодических изданий.

В 1944 г. на базе международного факультета МГУ был создан Московский государственный институт международных отношений, куда перешел сначала А.В. Ефимов, а в 1948 г. и Л.И. Зубок. Как уже было сказано, в качестве проточучебника использовалась монография «К истории капитализма в США». В 1950-х гг. на

базе своего лекционного курса А.В. Ефимов написал и первый учебник – «Очерки по истории США (1492–1870 гг.)». Л.И. Зубок довел изложение американского исторического материала до 1918 г. Так постепенно оформилась первая школа советской американистики, которая выпустила второе поколение американистов: Г.А. Арбатова, Н.Н. Болховитинова, В.В. Журкина, А.А. Громыко, Э.Я. Иваняна, Ю.А. Замошкина, Н.Н. Яковлева [11, с. 131–132].

Несмотря на то что школа развивалась на базе вуза, она занималась не только академической, но и экспертной деятельностью. МГИМО изначально был создан для подготовки специалистов-практиков широкого профиля в области международных отношений. Студенты не специализировались на какой-либо стране или регионе. Первоначально в институте существовало всего два факультета: историко-международный и международно-правовой. Через год был открыт экономический факультет. Специального центра по изучению США в МГИМО нет до сих пор.

В 1953 г. в Академии наук СССР был создан Центр североамериканских исследований. В конце 1950-х гг. сюда переходят такие выпускники МГИМО, как Н.Н. Болховитинов, В.Л. Мальков, Р.Ф. Иванов. В 1952 г. Г.Н. Севастьянова, младшего научного сотрудника Института истории АН СССР, приглашают читать курс по истории США и вести спецкурс и семинар по американской политике и дипломатии в МГУ. Главный экспертный центр американистики в СССР – Институт США АН СССР (ИСАН) – был создан выпускником МГИМО Г.А. Арбатовым в 1967 г. В 1975 г. в институте открылось направление по изучению Канады, и он был переименован в Институт США и Канады (ИСКАН). Именно ИСКАН и Центр североамериканских исследований начали публикацию периодических изданий по американистике.

В 1970 г. появляется журнал ИСКАН «США – экономика, политика, идеология», а в 1971 г. – «Американский ежегодник», выпускавшийся Центром североамериканских исследований. Если сравнить содержание номеров, то можно заметить, что первое издание было больше ориентировано на статьи по современным проблемам международных отношений, внешней и внутренней политики США, а второе – на публикации по истории, методологии и историографии. Таким образом, журнал ИСКАН имел экспертно-аналитический характер, а «Американский ежегодник» – аналитический.

Итак, к началу 1970-х гг. институционализация американистики как особой дисциплины в основных чертах завершилась: у нее появились свои программы подготовки специалистов, учебники

[18], исследовательские центры, научные институты и периодические издания.

На всем протяжении своего развития американистика сохраняет две важнейшие составляющие: академическую и экспертную. Между ними нельзя провести четкой границы, так тесно они сплетены: академические и университетские центры занимаются и экспертной деятельностью, а экспертные центры – академическими исследованиями. Кроме этих двух составляющих, существует и третья – популяризаторская, которая заслуживает отдельного внимания в рамках специального исследования.

Процесс институционализации в качестве экспертно-академической дисциплины в ответ на общественно-политический запрос переживала не только американистика. В 1950-е гг. Советский Союз начал испытывать острую потребность в экспертно-академических исследованиях и центрах, которые проводили бы такие исследования. По замечанию Г.А. Арбатова, «ситуация была абсурдной», потому что в стране, кроме Института востоковедения, «не было ни одного центра, изучающего международную тематику – зарубежные страны, внешнюю политику, международные экономические и политические проблемы» [19, с. 96].

Важнейшей вехой в развитии экспертно-аналитического знания в СССР стало создание в 1956 г. Института мировой экономики и международных отношений, который осуществляет и фундаментальные, и прикладные исследования. Г.А. Арбатов и П.П. Черкасов называют ИМЭМО «ребенком» XX съезда КПСС [19, с. 96; 20, с. 98]. Здесь мы отчетливо видим, как внутренняя и внешняя «повестка дня» формировала запрос на экспертное знание. В 1953 г. в Советском Союзе сменилась власть. Новое руководство активно корректировало внутри- и внешнеполитический курс. Первым шагом к сближению с капиталистическими странами стало участие СССР в Женевском совещании 1955 г., на котором Советский Союз предложил проект Общеввропейского договора о коллективной безопасности. В 1956 г. на XX съезде КПСС была принята Концепция «мирного сосуществования». С этими решениями пришло и осознание того, что политику и экономику капиталистических стран, с которыми предстояло решать спорные вопросы путем переговоров, не отказываясь при этом от продолжения классовой борьбы, необходимо изучать на совершенно другом уровне.

В Постановлении Президиума АН СССР о создании ИМЭМО был такой пункт: «Обязать Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР информировать директивные

органы о новых процессах в экономике и политике капиталистических стран»¹. Как отмечает П.П. Черкасов, «это придавало ИМЭМО особый статус, выделявший его из ряда других академических институтов гуманитарного профиля. Решение собственно научных, фундаментальных задач должно было сочетаться в деятельности ИМЭМО с информационно-аналитическим обслуживанием директивных органов, т. е. ЦК КПСС, СМ СССР, отдельных министерств и ведомств. Иными словами, ИМЭМО с самого начала находился под высоким покровительством ЦК» [20, с. 106].

Впоследствии появляются институты, специализирующиеся на определенных регионах. Импульсами к их созданию становятся конкретные события в мире, что в очередной раз показывает важность общественно-политического запроса в формировании страноведческих и регионоведческих дисциплин.

Так, в конце 1950-х гг. начинают распадаться старые колониальные империи. Открывается новый фронт холодной войны: освободившимся от колониальной зависимости государствам предстояло выбрать путь развития – советский или западный/американский. Для эффективной работы с этими государствами необходимо было их изучать. Поэтому в 1959 г., накануне «года Африки», «в целях всестороннего изучения современных политических и экономических проблем африканского континента, а также истории и культуры народов Африки» из Института востоковедения был выделен Институт Африки [21]. В 1961 г., после революции на Кубе и личной встречи Н.С. Хрущева и Ф. Кастро на Генеральной ассамблее ООН, был создан Институт Латинской Америки. Этот регион был определен как «зона активной антиимпериалистической борьбы и национально-освободительного движения» [22]. В 1966 г. основан Институт Дальнего Востока, главной задачей которого становится «комплексное изучение проблем Китая, Японии, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, отношений Советского Союза/России с этими государствами, опыта социально-экономического развития названных стран, их истории и культуры, содействие межцивилизационному диалогу со странами СВА» [23]. Возникают и консультационные группы в ЦК. О работе в одной из таких групп под руководством Ю.В. Андропова вспоминает Г.А. Арбатов [19, с. 114–121]. Таким образом, запрос на экспертно-академическое знание обо всех регионах мира появился благодаря изменению внутренней и международной «повестки дня».

¹ Цит. по: [20, с. 106].

Создание ИСКАН становится завершающим этапом реагирования на этот большой запрос. Можно предположить, что именно происходившая в то время разрядка в советско-американских отношениях актуализировала потребность в американистике: для успешного участия в переговорном процессе необходимо было лучше представлять того, с кем пытаешься договориться.

Заключение

Советская американистика институционализировалась в ответ на масштабный общественно-политический запрос, продиктованный условиями холодной войны. Этот процесс в основных чертах завершился к началу 1970-х гг.

В результате советская американистика сформировалась как дисциплина, направленная одновременно на выработку академического и экспертного знания. Ее важнейшими особенностями в условиях биполярного мира были ориентация на практическое знание, политическая значимость, академическое конструирование и интерпретация американского «Другого» в корреляции с советским «Я».

Используя подход, предложенный Э. Саидом, можно сделать вывод о том, что американистика, находясь под воздействием политического и идеологического контекста, превращалась в особый корпоративный институт, направленный на коммуникацию с Соединенными Штатами и производство определенной модели идеологического доминирования над ними. Такой подход может объяснить и активную «войну историографий» как войну за право говорить за Америку и представлять ее. Детали функционирования этого корпоративного института, способы описания, которыми он пользовался, модели, которые он предлагал, и роль, которую он играл в советско-американских отношениях, еще только предстоит изучить.

Литература

1. Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects / Ed. by I.I. Kurilla, V.I. Zhuravleva. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2016. 306 p.
2. Engerman D. Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts. L.: Oxford Univ. Press, 2009. 459 p.

3. *Журавлева В.И., Куриллы И.И.* «Не разжигать вражду, а способствовать взаимопониманию между народами»: Памяти Николая Николаевича Болховитинова, человека и ученого // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Институт Кеннана; под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 370–401.
4. *Козенко Б.Д., Куриллы И.И.* Роберт Федорович Иванов (1925–2003) // Портреты историков: время и судьбы. Т. 5. М.: Наука, 2010. С. 270–283.
5. Портреты историков: время и судьбы. Т. 2. М.: Наука, 2000. С. 159–182.
6. *Кремешок В.А.* Академик Г.А. Арбатов – основатель Института и его директор в 1967–1995 гг. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 2. Февр. С. 5–19.
7. Американский ежегодник 2008/2009. М., 2010.
8. *Носков В.В.* Первые шаги американистики в Ленинграде // Всеобщая история и история культуры: Петербург. историограф. сб. / Сост.: Б.С. Каганович, Н.Л. Корсакова. СПб.: Лики России, 2008. С. 259–277.
9. *Носков В.В.* Петербург американистика: основные этапы развития // Санкт-Петербург – США: 200 лет российско-американских дипломатических отношений / Ред. А. Прохоренко. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 184–212.
10. *Носков В.В.* Становление американистики в Санкт-Петербурге // Тр. объедин. науч. совета по гуманитарным проблемам и ист.- культ. наследию. 2006. СПб.: Наука, 2007. С. 28–51.
11. *Печатнов В.О.* Американистика в МГИМО [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО. 2014. № 5 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanistika-v-mgimo> (дата обращения 15 мая 2018).
12. *Zhuk S.* Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. [L.]: I.B. Tauris, 2018. 352 p.
13. *Болховитинов Н.Н.* США: проблемы истории и современная историография. М.: Наука, 1980. 406 с.
14. *Саид Э.* Ориентализм. СПб.: Русский мир, 2006. 640 с.
15. *Говорунов А.В., Кузьменко О.П.* Ориентализм и право говорить за другого [Электронный ресурс]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (дата обращения 15 мая 2018).
16. *Алатас С.Ф.* Жив ли ориентализм? Его наследие в современных социальных науках // Ориентализм vs. ориенталистика: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. В.О. Бобровников, С.Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 87–108.
17. *Согрин В.В.* Центральные проблемы истории США. М.: Весь мир, 2013. 352 с.
18. *Цветков И.А., Кубышкин А.И.* Университетские учебники по истории США как индикатор состояния российской американистики // Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций / Институт Кеннана; под ред. В.И. Журавлевой и И.И. Куриллы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 181–206.
19. *Арбатов Г.А.* Человек системы. М.: Центрполиграф, 2015. 416 с.

20. *Черкасов П.П.* ИМЭМО: портрет на фоне эпохи. М.: Весь мир, 2004. 572 с.
21. Решение о создании института [Электронный ресурс] // Институт Африки Российской академии наук. URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (дата обращения 15 мая 2018).
22. *Давыдов В.М.* Институт Латинской Америки РАН: полвека научной деятельности [Электронный ресурс] // URL: <http://naukarus.com/institut-latinskoj-ameriki-ran-polveka-nauchnoj-deyatelnosti> (дата обращения 15 мая 2018).
23. Об Институте Дальнего Востока Российской академии наук [Электронный ресурс] // Институт Дальнего Востока Российской академии наук. URL: <http://www.ifes-ras.ru/structure> (дата обращения 15 мая 2018).

References

1. Kurilla II., Zhuravleva VI. *Soviet Studies in the United States, Amerikanistika in Russia: Mutual Representations in Academic Projects*. Lanham, Maryland: Lexington Books Publ.: 2016. 306 p.
2. Engerman D. *Know Your Enemy: The Rise and Fall of America's Soviet Experts*. London: Oxford University Press, 2009. 459 p.
3. Zhuravleva VI., Kurilla II. "Not to Foment Enmity, but to Promote Better Understanding between Peoples". In Memory of Nikolai Nikolaevich Bolhovitinov, a Person and a Scholar. V: Zhuravleva VI., Kurilla II. *Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks*. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2009. p. 370-401. (In Russ.)
4. Kozenko BD., Kurilla II. Robert Fedorovich Ivanov (1925-2003). V: *Portraits of Historians: Time and Fate*. Vol. 5. Moscow: Nauka Publ.; 2010. P. 270-83. (In Russ.)
5. *Portraits of Historians: Time and Fate*. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 2000. p. 159-82. (In Russ.)
6. Kremenjuk VA. Academician G.A. Arbatov as the Founder of the Institute and its Director in 1967–1995. *USA and Canada: Economics, Politics, Culture*. 2017;2:5-19 (In Russ.)
7. *American Yearbook, 2008/2009*. Moscow, 2010. (In Russ.)
8. Noskov VV. The First Steps of Amerikanistika in Leningrad. V: Kaganovich BS., Korsakova NL., comp. *General History and History of Culture. Petersburg Historiographic Collection*. Sankt-Peterburg: Liki Rossii Publ.; 2008. p. 259-277. (In Russ.)
9. Noskov VV. American studies in St. Petersburg: The Main Stages of Development. V: Prokhorenko A., ed. *St. Petersburg – United States. 200 Years of the Russian-American Diplomatic Relations*. Sankt-Peterburg: Evropeiskii Dom Publ.; 2009. p. 184-212. (In Russ.)
10. Noskov VV. Formation of American Studies in St. Petersburg. V: *Proceedings of the Joint Scientific Council on Humanitarian Problems and Historical and Cultural Heritage. 2006*. Sankt-Peterburg: Nauka Publ.; 2007. p. 28-51. (In Russ.)

11. Pechatnov VO. American studies in MGIMO [Internet]. Vestnik MGIMO. 2014;5. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanistika-v-mgimo> (In Russ.)
12. Zhuk S. Soviet Americana: The Cultural History of Russian and Ukrainian Americanists. [London]: I.B. Tauris Publ.; 2018. 352 p.
13. Bolhovitinov NN. USA: Problems of History and Contemporary Historiography. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 406 p. (In Russ.)
14. Said E. Orientalism. Sankt-Peterburg: Russkii mir Publ.; 2006. 640 p. (In Russ.)
15. Govorunov AV, Kuz'menko OP. Orientalism and the Right to Speak for the Other [Internet] [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo> (In Russ.)
16. Alatas SF. Is Orientalism Alive? Its Legacy in Contemporary Social Sciences. V: Bobrovnikov VO., Miri SJ., ed. *Orientalizm vs. Orientalistika: Collection of Articles*. Moscow: Sadra Publ.; 2016. p. 87-108. (In Russ.)
17. Sogrin VV. Central Problems of US History. Moscow: Ves' mir Publ.; 2013. 352 p. (In Russ.)
18. Tsvetkov IA, Kubyshkin AI. University Textbooks on the US History as an Indicator of Russian American studies. V: Zhuravleva VI., Kurilla II., ed. *Russia and the United States: Mutual Representations in Textbooks*. Volgograd: Volgograd State University Publ.; 2009. p. 181-207. (In Russ.)
19. Arbatov GA. The Man of the System. Moscow: Tsentrpoligraf Publ.; 2015. 416 p. (In Russ.)
20. Cherkasov PP. IMEMO: Portrait on the Background of the Times. Moscow: Ves' mir Publ.; 2004. 572 p. (In Russ.)
21. The Resolution to Establish an Institution [Internet]. *Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences*. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <https://www.inafran.ru/node/462> (In Russ.)
22. Davydov VM. Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences: Half a Century of Research [Internet]. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://naukarus.com/institut-latinskoy-ameriki-ran-polveka-nauchnoy-deyatelnosti> (In Russ.)
23. About the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences [Internet]. *Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences*. [data obrashcheniya 15 May 2018]. URL: <http://www.ifes-ras.ru/structure> (In Russ.)

Информация об авторе

Игорь М. Тарбеев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; actimel@yandex.ru

Information about the author

Igor M. Tarbeev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; actimel@yandex.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 342.384.2

Парламентаризация форм правления в постсоветских государствах: причины и следствия

Николай А. Борисов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nborisov@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматривается трансформация форм правления в постсоветских государствах (Кыргызстане, Армении, Грузии) в направлении парламентаризации. Используя неинституциональный и сравнительный методы исследования, автор анализирует причины этой трансформации и степень ее влияния на политический процесс.

Показано, что в результате изменений президенты Грузии, Армении и Кыргызстана утратили наиболее значимые полномочия, хотя и сохранили при этом статус главы государства. Избирательная система при выборах в парламент во всех трех государствах заменена на полностью пропорциональную.

Делается вывод о том, что изменения формы правления и избирательной системы были инициированы правящими элитами и направлены не столько на повышение эффективности государственного управления, сколько на сохранение власти. Однако в Армении и Грузии парламентаризация имела для правящей элиты «опрокидывающий» эффект, а в Кыргызстане может привести к отстранению бывшего инкумбента от каналов влияния на действующего президента. В целом институциональные реформы в направлении парламентаризации в сочетании с переходом к пропорциональной системе ведут к развитию политической конкуренции и способствуют институционализации партийных систем в рассмотренных государствах.

Ключевые слова: парламентаризм, форма правления, избирательная система, Кыргызстан, Грузия, Армения

Для цитирования: Борисов Н.А. Парламентаризация форм правления в постсоветских государствах: причины и следствия // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 93–110.

Parliamentarization of Government Management Forms in the Post-Soviet States. The Causes and Consequences

Nikolai A. Borisov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nborisov@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the forms of government transformation in the post-Soviet states (Kyrgyzstan, Armenia, Georgia) in the direction of parliamentarization. Using neoinstitutional and comparative research methods, the author analyses the causes for this transformation and the degree of its influence on the political process.

It is shown that as a result of the changes, the presidents of Georgia, Armenia and Kyrgyzstan have lost the most important powers, although they have retained the status of the heads of state. The parliamentary electoral system in all the three states was replaced by a fully proportional one.

The conclusion is made that the changes in the government management forms and the electoral system were initiated by the ruling elites and are aimed not so much at improving the efficiency of public administration, as at retaining the power. However, in Armenia and Georgia parliamentarization had an “toppling” effect on the ruling elite, but in Kyrgyzstan it can lead to the removal of the former incumbent from the channels of influence on the serving President. In general, institutional reforms in the direction of parliamentarization, combined with the transition to a proportional electoral system, lead to the development of political competition and contribute to the institutionalization of party systems in the states considered.

Keywords: parliamentarism, form of government management, electoral system, Kyrgyzstan, Georgia, Armenia

For citation: Borisov NA. Parliamentarization of Government Management Forms in the Post-Soviet States. The Causes and Consequences. *RSUH/RGGU. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;3:93-110.

Введение

В современной политической науке сложилось довольно устойчивое и аргументированное мнение о том, что значительное влияние на политический процесс оказывают институциональные рамки (прежде всего конституционная формула, тип избирательной системы и законодательство о политических партиях). Особенно важным это становится в тех государствах, которые прошли или проходят путь режимных трансформаций, поскольку они отличаются частыми сменами политических элит, неустойчивостью партийных систем и другими институциональными колебаниями.

Обращаясь к проблемам постсоветских государств, можно отметить, что в последних двух электоральных циклах в ряде из них наблюдаются процессы парламентаризации форм правления. Если ранее основным и по существу единственным трендом конституционного развития постсоветских государств была президентализация, то сейчас наметилась и обратная тенденция. В некоторых из них это уже привело к радикальной эволюции от президентской к парламентской системе правления. В частности в Грузии индекс формы правления (ИФП) [1] снизился с +7 до -1, а затем до -3, в Армении – с 0 до -8, в Кыргызстане – с +4 до +1. Отдельные тенденции парламентаризации, не получившие пока практического воплощения, наблюдаются также в Узбекистане и Казахстане. В связи с этим необходимо понять причины таких изменений, степень их влияния на политический процесс и значение как для правящей элиты, так и для оппозиционных сил, а также выявить общее и особенное. В настоящей работе автор, используя неинституциональный и сравнительный методы исследования, предлагает анализ указанных изменений в Кыргызстане, Армении и Грузии в течение двух последних электоральных циклов.

Кыргызстан

После мартовского переворота 2010 г. и отставки второго президента К. Бакиева в Кыргызстане была проведена конституционная реформа. В июне 2010 г. на референдуме была принята новая

Конституция, вступившая в силу с 2011 г. Она закрепила модель почти абсолютно сбалансированной полупрезидентской республики (индекс формы правления +1) [2].

Президент Кыргызстана по новой Конституции является главой государства и избирается на шесть лет прямыми выборами. В части формирования правительства он получил право назначения лишь двух министров (обороны и безопасности, остальных назначает парламент), лишен права назначать судей Конституционного и Верховного судов, права законодательной инициативы. Кроме того, установлено, что одно и то же лицо не имеет права быть избранным президентом дважды (ст. 61). Парламент (Жогорку Кенеш) получил право утверждения программы деятельности правительства, определения его структуры и состава, а также выражения недоверия правительству. Вотум недоверия, дважды выраженный парламентом правительству в течение трех месяцев, ведет к безусловной отставке правительства (ст. 85).

В 2016 г. фракцией Социал-демократической партии Кыргызстана в парламенте был инициирован референдум по внесению изменений в Конституцию. 11 декабря 2016 г. он был проведен, причем 79,63% граждан, принявших в нем участие, одобрили конституционные изменения [3]. В соответствии с поправками [4] президент получил право представлять Жогорку Кенешу кандидатуры для избрания на должности судей не только Верховного суда, но и Конституционной палаты Верховного суда; освободить от должности генерального прокурора с согласия не менее половины депутатов Жогорку Кенеша (в предыдущей редакции – с согласия не менее двух третей депутатов).

Ужесточен порядок принятия решения о выходе из коалиции фракций: решение о выходе из коалиции фракций парламентского большинства принимается фракцией не менее чем двумя третями от общего числа депутатов фракции, оформляется ее постановлением и подписывается каждым членом фракции, проголосовавшим за выход.

Самая существенная группа поправок касается расширения полномочий премьер-министра. В частности, если в течение пяти рабочих дней после получения представления об освобождении от должности члена правительства президент не издает указ об освобождении, премьер-министр после консультации с лидерами фракций парламентского большинства вправе освободить члена правительства от занимаемой должности своим решением. То же касается и назначений членов правительства. Поправки вступили в силу 1 декабря 2017 г., а 24 ноября 2017 г. должность занял

вновь избранный президент С. Жээнбеков, сменив на этом посту А. Атамбаева.

Хотя поправки в целом не меняют форму правления, в результате значительно повышается самостоятельность премьер-министра в вопросах формирования правительства и отставки его членов и усложняется выход фракции из коалиции фракций. По мнению А. Атамбаева, поправки были направлены на укрепление парламентаризма, по мнению его противников (в том числе временного президента в 2010–2012 гг. Р. Отунбаевой), имеют целью расширение полномочий самого А. Атамбаева после ухода с поста президента на должность премьер-министра [5]. Очевидно, что уходящий президент планировал сценарий «мягкого» преемничества, при котором он сможет либо занять пост премьер-министра, либо оставаться влиятельным лидером де-факто, определяя кадровую и экономическую политику государства.

В апреле 2018 г. А. Атамбаев вновь возглавил Социал-демократическую партию и заявил о «возвращении в политику», а также обвинил президента С. Жээнбекова «в авторитарном правлении и отходе от демократических стандартов» [6]. Выяснилось, что новый президент не намерен сохранять кадровый состав прежнего правительства и аппарата президента и стремится проводить самостоятельную политику. Поэтому уже сейчас очевидно, что вариант «мягкого преемничества» не реализовался. В апреле 2018 г. после отставки правительства новым премьер-министром стал М. Абылгазиев, ранее возглавлявший аппарат президента С. Жээнбекова.

На выборах в Жогорку Кенеш новая Конституция закрепила пропорциональную избирательную систему, причем по результатам выборов одной политической партии может быть предоставлено не более 65 депутатских мандатов в парламенте (общее количество мандатов 120). Для партий было установлено два заградительных барьера: не менее 7% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, в целом по республике или не менее 0,7% голосов избирателей, принявших участие в голосовании, по каждой области, городам Бишкек и Ош [7]. Партии, преодолевшие один из барьеров, допускаются к распределению мест в парламенте. Введение региональных барьеров стало дополнительным препятствием монополизации власти одной или несколькими партиями, представляющими только одну часть страны. С этой же целью в 2017 г. общенациональный барьер был повышен до 9% [8].

Грузия

В 2010 г. в Грузии произошла радикальная смена формы правления, выразившаяся в переходе к парламентско-президентской республике.

Объективно в поправках в Конституцию в направлении парламентаризации формы правления была заинтересована оппозиция, так как она традиционно критиковала президента за сохранение широких полномочий и отмечала конституционный и фактический дисбаланс полномочий президента и парламента. Этим требованием воспользовалась и правящая партия во главе с М. Саакашвили, стремящаяся с помощью внесения поправок сохранить свои позиции. Изменения в Конституцию были инициированы самим М. Саакашвили еще в сентябре 2008 г. [9]. Он обосновал необходимость их внесения задачами по «модернизации» и «демократизации» Грузии, заявив: «Мы переходим на более сложную систему, так как это будет новая система, опирающаяся на несколько центров власти... Принятие такой модели сразу после “революции роз” было бы равносильно катастрофе» [10].

Наличие конституционного большинства в парламенте, состоящего из депутатов правящей партии «Единое национальное движение», позволило без серьезных проблем в октябре 2010 г. принять президентский вариант изменений в Конституцию [11].

В соответствии с этими поправками были значительно ослаблены полномочия президента и усилены полномочия правительства и парламента. Президент перестал быть главой исполнительной власти, при назначении премьер-министра он обязан учитывать партийный состав парламента и предлагать кандидатуру только от победившей партии или от крупнейшей фракции (ст. 80); полномочия по назначению министров, в том числе силовых, получает премьер-министр (ст. 79).

Правительство становилось органом, осуществляющим внутреннюю и внешнюю политику страны (ст. 78). Парламент наделялся исключительным правом формирования правительства, вводился конструктивный вотум недоверия правительству. Если парламент два раза подряд не может утвердить правительство, президент представляет законодательному органу кандидатуру в премьер-министры, которую ему предложат $\frac{2}{5}$ от численности депутатов, распускает парламент и назначает внеочередные парламентские выборы лишь после того, как с третьей попытки не удастся выразить доверие правительству (ст. 81, 81-1). Вето президента на законопроект преодолевается половиной голосов депу-

татов парламента (а не $\frac{3}{5}$, как ранее) (ст. 68). Президент утратил право назначать губернаторов, это право передано правительству (ст. 81-3). Большинство актов президента подлежат обязательной контрасигнации премьер-министра (ст. 73-1). Президент лишается права законодательной инициативы (ст. 67).

Президент сохранил функции Верховного главнокомандующего (ст. 69), председателя Совета национальной безопасности (ст. 72), право назначать трех членов Конституционного суда (ст. 88), а также функцию арбитра при назначении премьер-министра (если парламент не может определиться с кандидатурой и ни одна фракция не внесла на рассмотрение кандидатуру премьер-министра, а также если парламент не выразит в установленные сроки доверия составу правительства). Сохранилась и норма о прямых выборах президента (ст. 70).

В целом результат конституционной реформы означал переход к парламентско-президентской форме правления, при которой фактическим главой государства становится премьер-министр. Индекс формы правления снизился до -1 , что означает переход к парламентаризированной полупрезидентской форме правления.

В переходных положениях Закона о внесении изменений в Конституцию (ст. 3) было закреплено, что поправки в Конституцию в полном объеме вступают в силу с 1 декабря 2013 г. Президентские выборы были запланированы на октябрь 2013 г., тем самым поправки распространялись только на следующего после М. Саакашвили президента. По Конституции М. Саакашвили не имел права избираться на третий срок, поэтому, передавая конституционные полномочия премьер-министру, в случае победы на парламентских выборах своей партии он гарантированно мог стать премьер-министром и фактически оставаться главой государства. Таким образом, М. Саакашвили решал сразу две задачи: расширить полномочия будущего премьер-министра, который, как он предполагал, будет представлять его партию, и реализовать требования оппозиции по переходу на парламентскую систему правления.

Однако уже парламентские выборы 2012 г. принесли победу оппозиционному блоку «Демократическая Грузия – Грузинская мечта» во главе с миллионером Б. Иванишвили, который сформировал новое правительство. Тем самым первоначальный план сохранения власти был нарушен. В 2013 г. на президентских выборах с результатом 62,12% в первом туре победил кандидат «Грузинской мечты» Г. Маргвелашвили, а кандидат от партии «Единое национальное движение» Д. Бакрадзе с результатом 21,72% потерпел поражение, и власть в Грузии окончательно сменилась [12].

Таким образом, институциональные реформы 2010 г. имели для грузинской правящей элиты «опрокидывающий» эффект и сработали в пользу оппозиции.

На парламентских выборах 2016 г. «Грузинская мечта» существенно улучшила свое присутствие в парламенте, получив 48,7% голосов и 44 места по пропорциональной части и 71 – по мажоритарной, в то время как оппозиционное Единое национальное движение получило 27,1% и 27 мест по пропорциональной и ни одного места по мажоритарной части избирательной системы [13]. Сразу после выборов в партии заявили о необходимости перехода к парламентской форме правления, в связи с чем парламент сформировал Конституционную комиссию. При этом президент Грузии Г. Маргвелашвили отказался принимать участие в ее работе [14].

Цель новой правящей партии заключалась в том, чтобы завершить превращение Грузии в парламентскую республику, изменив избирательную систему на полностью пропорциональную, отсрочив ее введение на один избирательный цикл и отменив прямые выборы президента. Шесть лет должны быть использованы для институционального укрепления партии, чтобы она смогла увеличить свое представительство по пропорциональной системе. После этого не прямые выборы президента сделают его зависимым от правящей партии.

Конституционную комиссию, сформированную на основе многопартийного представительства, в 2017 г. покинули представители Единого национального движения и других оппозиционных партий. Оппозиционные партии, поддержанные президентом Г. Маргвелашвили, предложили согласованный альтернативный проект поправок в Конституцию [15]. Среди основных требований оппозиции было немедленное введение пропорциональной избирательной системы, сохранение прямых выборов президента и снижение избирательного барьера до 3%. Этот проект был отвергнут правящей партией, и 23 марта 2018 г. Конституция была принята в окончательной редакции. Таким образом, Конституция в новой редакции явилась не компромиссом политических сил, а документом, навязанным правящей партией «Грузинская мечта» всем остальным участникам политического процесса.

В соответствии с новой редакцией Конституции [16] президент Грузии наделен статусом главы государства, гаранта национальной независимости и единства государства и сохраняет статус Верховного главнокомандующего Вооруженными силами. В то же время президент полностью лишен возможности участвовать в формировании правительства. В соответствии со ст. 36 новой Конституции

основные направления внутренней и внешней политики Грузии определяет парламент, а не правительство.

Президент избирается непрямыми выборами избирательной коллегией в количестве 300 членов, состоящей из делегатов представительных органов Абхазии, Аджарии и органов местного самоуправления, на пять лет. Одно и то же лицо не может быть президентом более двух сроков (ст. 50). Президент не имеет права быть членом политической партии (ст. 51). В случае невозможности исполнения обязанностей президентом его обязанности исполняет председатель парламента.

Президент назначает по рекомендации правительства и освобождает от должности командующего силами обороны Грузии; назначает членов Высшего совета юстиции; участвует в назначении председателя и членов Центральной избирательной комиссии; выдвигает кандидатов в члены национальных регуляторных органов по рекомендации правительства. Акты президента подлежат контрасигнации премьер-министром, политическая ответственность за такие акты возлагается на правительство (ст. 53). Президент сохранил право вето, которое может быть преодолено простым большинством голосов от общего количества депутатов парламента (ст. 46).

Кандидатура премьер-министра предлагается партией, победившей на выборах в парламента, а новое правительство должно получить вотум доверия парламента (ст. 56). В случае вынесения вотума доверия президент обязан назначить премьер-министра, выдвинутого победившей партией. Если президент этого не сделает, премьер-министр считается назначенным. Если правительство не получает вотума доверия, президент распускает парламента, за исключением ситуации, когда в течение недели после вотума недоверия парламента выдвигает новую кандидатуру премьер-министра и голосует за предложенный им состав правительства.

Таким образом, в новой редакции Конституции президент сохранил лишь символические и церемониальные полномочия и лишен политической ответственности за свои акты. Его единственным значимым полномочиём осталось право роспуска парламента, но и оно обусловлено вотумом недоверия правительству.

Сохраняется однопалатный парламента, состоящий из 150 депутатов, избираемых по пропорциональной системе сроком на четыре года (ст. 37). Для партий вводится заградительный барьер 5%. Эти нормы начнут применяться начиная с парламентских выборов 2024 г. Тем самым правящая партия отсрочила на один избирательный цикл переход к пропорциональной системе.

Армения

В сентябре 2013 г. масштабная конституционная реформа началась в Армении. По указанию президента С. Саргсяна была сформирована комиссия по конституционным реформам. Предварительный вариант концепции реформирования Конституции был опубликован в апреле 2014 г., а полный вариант проекта новой Конституции, вынесенного на общественное обсуждение, появился только в июле 2015 г. [17] Новая редакция Конституции принята на референдуме 6 декабря 2015 г. с результатом 66,2% проголосовавших «за» [18].

В соответствии с Конституцией [19] президент утрачивает основные политические полномочия, которые передаются правительству и премьер-министру. За президентом сохраняется статус главы государства. Отменяются прямые выборы президента: президент избирается Национальным собранием (парламентом) (в проекте было закреплено избрание президента специальной коллегией, состоящей из депутатов Национального собрания и такого же числа депутатов органов местного самоуправления) (ст. 125). Повторное избрание одного и того же лица президентом не допускается.

Основные направления внутренней и внешней политики разрабатывает и осуществляет правительство, а не президент (ст. 146), правительству подчиняются Вооруженные силы (ст. 155). Правительство формируется победившей на выборах в парламент политической партией или блоком, а президент должен назначить представленного парламентским большинством кандидата на должность премьер-министра (ст. 149). Если парламент отказывается в одобрении программы правительства или не предлагает кандидатуру премьер-министра, он распускается в силу закона (ст. 149, 151), право роспуска парламента у президента отсутствует. У президента отсутствуют также право вето и право законодательной инициативы. Введена норма о конструктивном вотуме недоверия правительству (ст. 115), при этом вотум недоверия правительству всегда ведет к его отставке (ст. 158).

Избирательная система на выборах в парламент Армении становится полностью пропорциональной, при этом формируются общегосударственные и территориальные избирательные списки партий. Установлено не точное, а минимальное число депутатов Национального собрания (101 мандат). К распределению мандатов допускаются списки партий, получивших не менее 5%, и списки партийных блоков, набравших не менее 7% голосов избирателей [20].

После имплементации указанных изменений Армения превратилась в типичную парламентскую республику (ИФП –8), что в условиях наличия доминирующей партии (Республиканской партии Армении, РПА) должно было привести к сохранению власти прежней правящей элиты. В результате подобных изменений формировать очередное правительство во главе с премьер-министром, который станет фактическим главой государства, по замыслу правящей элиты, должна была РПА во главе с С. Саргсяном. На парламентских выборах в апреле 2017 г. она получила 50 мандатов из 105 и вместе с фракцией партии «Дашнакцутюн» образовала правящую коалицию в составе 57 депутатов (немногом более половины состава парламента). В апреле 2018 г., после истечения срока президентского мандата С. Саргсяна, правящая коалиция выдвинула его на пост премьер-министра Армении, и уже 17 апреля он был назначен премьер-министром. Казалось бы, задуманный сценарий по консолидации власти РПА в результате конституционной реформы был полностью реализован. Однако после выборов лидером оппозиционной партии «Елк» Н. Пашиняном во всех городах республики были организованы массовые протесты против сохранения у власти С. Саргсяна, число сторонников которых стремительно увеличивалось. Н. Пашинян выдвинул требование отставки С. Саргсяна в качестве условия начала переговоров с представителями власти. 23 апреля С. Саргсян заявил об отставке с поста премьер-министра, а 8 мая, после второй попытки голосования в парламенте, Н. Пашинян был назначен премьер-министром, причем за него проголосовало 2 депутата бывшей правящей фракции РПА. Поскольку внеочередные выборы в парламент не проводились, РПА сохраняет определенное влияние в качестве крупнейшей партии, а С. Саргсян пока остается ее председателем. Перспективы ее деятельности в качестве активной оппозиционной партии также можно оценить на данном этапе как сомнительные.

Таким образом, переход к парламентской форме правления имел «опрокидывающий» эффект для правящей партии Армении и ее лидера. С одной стороны, после выборов 2017 г. РПА получила неустойчивое большинство в парламенте и не могла единолично контролировать законодательный процесс и исполнительную власть. С другой стороны, правящая элита недооценила потенциал массовой мобилизации сторонников оппозиции и ее возможность объединиться. Не стоит забывать и о том, что около 40% избирателей на референдуме высказались против принятия новой редакции Конституции.

Заключение

В случае с постсоветскими государствами крайне важен внимательный анализ формальных изменений полномочий органов власти, поскольку на практике ослабление полномочий президента далеко не всегда имеет целью поощрение конкуренции.

В результате изменений президенты Грузии, Армении и Кыргызстана утратили наиболее значимые полномочия, хотя и сохранили при этом статус главы государства. Президенты лишились возможности влиять на назначение премьер-министра и правительства, а также законодательной инициативы. Кроме того, президент обязан либо выйти из политической партии, либо приостановить в ней членство. Избирательная система при выборах в парламент во всех трех государствах заменена на полностью пропорциональную, которая наиболее эффективно сочетается с парламентской формой правления.

Порядок избрания президента различается: в Армении он избирается парламентом, в Грузии – избирательной коллегией, в Кыргызстане – прямыми выборами. Полномочия президента ограничены двумя сроками (Грузия) либо одним сроком (Армения, Кыргызстан). В Армении президент лишен права вето, в Грузии и Кыргызстане это право за ним сохранено. Самым «слабым» президент стал в Армении (ИФП –8), в Грузии он более сильный (–4), а в Кыргызстане – наиболее сильный (+1). Различается и роль прежних президентов: если в Кыргызстане А. Атамбаев пытается сохранить влияние на политический процесс и возглавляет крупнейшую партию страны, то экс-президент Грузии М. Саакашвили находится вне страны, а политическое будущее С. Саргсяна весьма неопределенно.

Изменения формы правления и избирательной системы были направлены не столько на повышение эффективности государственного управления, сколько на сохранение власти правящими элитами, парламентаризация стала лишь инструментом для достижения этой цели. Однако в двух случаях она уже имела «опрокидывающий» эффект для правящей партии (в Грузии в 2012–2013 гг. и в Армении в 2018 г.). Только в Кыргызстане Социал-демократическая партия сохранила свое влияние, хотя в условиях коалиционного правительства и конфликта президента С. Жээнбекова с председателем партии А. Атамбаевым партийная система с доминирующей партией сформироваться не сможет.

Таким образом, парламентаризация систем правления в трех постсоветских государствах, инициированная правящей элитой,

в двух случаях имела для нее «опрокидывающий» эффект, еще в одном ситуация может закончиться отстранением бывшего инкубента от каналов влияния на действующего президента. В целом институциональные реформы в направлении парламентаризации в сочетании с переходом к пропорциональной системе привели к развитию политической конкуренции и способствуют институционализации партийных систем в рассмотренных государствах. При этом следует отметить, что в Грузии и особенно в Кыргызстане президент даже в новых условиях остается важным актором политического процесса.

После перехода к парламентским системам, несмотря на ряд политических кризисов, власть в Грузии, Армении и Кыргызстане сменялась на конкурентной институциональной основе через выборы, а не путем переворота; проигравшая сторона была готова признавать поражение и играть по правилам. Если в Кыргызстане после президентских, а в Армении после досрочных парламентских выборов удастся сохранить политическую конкуренцию и предоставить возможность оппозиционным силам легально участвовать в политическом процессе, есть вероятность стабилизации и институционализации парламентской формы правления. В Грузии последняя конституционная реформа была навязана одной политической силой всем остальным, и после очередного электорального цикла 2018–2024 гг. все будет зависеть от того, в какой мере «Грузинская мечта» будет стремиться к монополизации власти, с одной стороны, и в какой степени оппозиция сможет мобилизовать своих сторонников на протестные выступления – с другой. Ближайшие два-три электоральных цикла продемонстрируют степень устойчивости парламентской формы правления с ее потенциальными возможностями и угрозами, а также набор моделей поведения правящих элит в новых условиях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00110.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 18-011-00110.

Литература

1. *Зазнаев О.И.* Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 374 с.
2. Конституция Кыргызской Республики: принята референдумом (всенародным голосованием) 27 июня 2010 года, введена в действие Законом Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913/10?cl=ru-ru> (дата обращения 14 авг. 2018).
3. Результаты референдума (всенародного голосования) Кыргызской Республики от 11 декабря 2016 года [Электронный ресурс] // Центральная комиссия по выборам и проведению референдумов Кыргызской Республики: официальный сайт. URL: https://shailoo.gov.kg/ru/ReferendumReferendum/rezultaty_referenduma_vsenarodnogo_golosovaniya_Kyrgyzskoy_Respubliki_ot_11_dekabrya_2016_goda/ (дата обращения 20 янв. 2017).
4. Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в Конституцию Кыргызской Республики» от 28 декабря 2016 года № 218 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111484> (дата обращения 20 янв. 2017).
5. Референдум в Киргизии: укрепление парламентаризма или удержание власти [Электронный ресурс] // РИА «Новости». 2016. 25 нояб. URL: <https://ria.ru/world/20161125/1482138467.html> (дата обращения 20 дек. 2016).
6. *Панфилова В.* Алмазбек Атамбаев возвращается в политику: экс-президент обвинил действующего главу Киргизии в коррупции и возвращении страны к авторитаризму [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2018. 2 апр. URL: http://www.ng.ru/cis/2018-04-02/7_7202_kirgisia.html (дата обращения 20 авг. 2018).
7. Конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 2 июля 2011 года № 68 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203244/10?cl=ru-ru> (дата обращения 31 авг. 2018).
8. Конституционный Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики “О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики”» от 5 июня 2017 года № 96 [Электронный ресурс] // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111583?cl=ru-ru> (дата обращения 31 авг. 2018).

9. Саакашвили решил поделиться полномочиями с парламентом [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2018. 26 дек. URL: <http://lenta.ru/news/2008/12/26/president> (дата обращения 20 авг. 2018).
10. Саакашвили о новой конституционной модели Грузии [Электронный ресурс] // CivilGeorgia. 2010. 30 сен. URL: <https://civil.ge/ru/archives/177040> (дата обращения 20 авг. 2018).
11. Конституционный Закон Грузии «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Грузии» от 15 октября 2010 года № 3710-Пс [Электронный ресурс] // Парламент Грузии: официальный сайт. URL: <https://info.parliament.ge/file/1/BillReviewContent/72686?> (дата обращения 20 авг. 2018).
12. Summary Protocol of the Results of Presidential Elections of October 27, 2013 of Georgia [Электронный ресурс] // Election Administration of Georgia: official web-portal. URL: <http://cesko.ge/res/old/other/26/26885.pdf> (дата обращения 20 авг. 2018).
13. Summary Protocol of the Central Election Commission of Georgia on the Final Results of 8 October 2016 Parliamentary Elections of Georgia, 16 November 2016 [Электронный ресурс] // Election Administration of Georgia: official web-portal. URL: <http://cesko.ge/res/docs/shemajamebelieng.pdf> (дата обращения 20 авг. 2018).
14. Президент Грузии отказался участвовать в конституционной комиссии [Электронный ресурс] // Кавказский узел. 2016. 14 дек. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/294254> (дата обращения 20 авг. 2018).
15. Оппозиция и президент Грузии согласовали проект поправок в Конституцию [Электронный ресурс] // Кавказский узел. 2017. 20 сен. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/309839> (дата обращения 20 авг. 2018).
16. Constitution of Georgia (Constitutional Law of Georgia № 1324 of 13 October 2017, Constitutional Law of Georgia № 2071 of 23 March 2018) [Электронный ресурс] // Legislative Herald of Georgia. URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346> (дата обращения 20 авг. 2018).
17. Проект Конституции Армении от 15 июля 2015 года [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Республики Армения: официальный сайт. URL: http://moj.am/storage/uploads/nakhagits_3.doc (дата обращения 20 июля 2015).
18. Referendum on amendments to the Constitution of the Republic of Armenia [Электронный ресурс] // The Central Electoral Commission of the Republic of Armenia: official website. URL: <http://res.elections.am/images/doc/06.12.15v.pdf> (дата обращения 25 июля 2017).
19. Конституция Республики Армения с изменениями: принята 06.12.2015 [Электронный ресурс] // Национальное собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: http://www.parliament.am/law_docs5/06122015.pdf (дата обращения 20 авг. 2018).
20. Конституционный закон Республики Армения «Избирательный кодекс Республики Армения» от 28 мая 2016 года № ЗР-54 [Электронный ресурс] //

Национальное собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5479&lang=rus#17g> (дата обращения 31 авг. 2018).

References

1. Zaznaev OI. Semi-Presidential System: Theoretical and Applied aspects. Kazan: Kazan University Publ., 2006. 374 p. (In Russ.)
2. Constitution of the Kyrgyz Republic adopted by the referendum (national vote) on June 27, 2010, enacted by the law of the Kyrgyz Republic of June 27, 2010 [Internet]. *Kyrgyz Republic centralized legal information database* (data obrashcheniya 14 Aug. 2018). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913/10?cl=ru-ru> (In Russ.)
3. The results of the referendum (nationwide voting) of the Kyrgyz Republic of December 11, 2016 [Internet]. *The Central Commission for Elections and Referendums of the Kyrgyz Republic* (data obrashcheniya: 20 Jan. 2018). URL: https://shailoo.gov.kg/ru/ReferendumReferendum/rezultaty_referenduma_vsenarodnogo_golosovaniya_Kyrgyzskoy_Respubliki_ot_11_dekabrya_2016_goda__/ (In Russ.)
4. Law of the Kyrgyz Republic “On the Amendments to the Constitution of the Kyrgyz Republic” of December 28, 2016, No. 218 [Internet]. *Kyrgyz Republic legal information centralized database* (data obrashcheniya 20 Jan. 2017). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111484> (In Russ.)
5. The Referendum in Kyrgyzstan: Strengthening of Parliamentarism or Retention of Power [Internet]. *RIA “Novosti”*. 2016. Nov. 25. (data obrashcheniya 20 Dec. 2016). URL: <https://ria.ru/world/20161125/1482138467.html> (In Russ.)
6. Panfilova V. Almazbek Atambayev is returning to politics. Ex-President accused the President of Kyrgyzstan of corruption and turning the country into authoritarianism [Internet]. *Nezavisimaya Gazeta*. 2018. Apr. 2. (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: http://www.ng.ru/cis/2018-04-02/7_7202_kirgisia.html (In Russ.)
7. Constitutional Law of the Kyrgyz Republic “On the Elections of President of the Kyrgyz Republic and the Deputies of Zhogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic” of July 2, 2011, No. 68 [Internet]. *Kyrgyz Republic centralized legal information database* (data obrashcheniya 31 Aug. 2018). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203244/10?cl=ru-ru> (In Russ.)
8. Constitutional Law of the Kyrgyz Republic “On the amendments to the Constitutional Law of the Kyrgyz Republic on the elections of the President of the Kyrgyz Republic and the deputies of the Zhogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic” of June 5, 2017, No. 96 [Internet]. *Kyrgyz Republic centralized legal information database* (data obrashcheniya 31 Aug. 2018). URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111583?cl=ru-ru> (In Russ.)

9. Saakashvili decided to share his powers with the Parliament [Internet]. *Lenta. ru*. 2018. Dec. 26 (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <http://lenta.ru/news/2008/12/26/president> (In Russ.)
10. Saakashvili on the new constitutional model of Georgia [Internet]. *Civil Georgia*. 2010. Sep. 30. (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <https://civil.ge/ru/archives/177040> (In Russ.)
11. Constitutional Law of Georgia “On the amendments and additions to the Constitution of Georgia” of October 15, 2010, No. 3710-IIc [Internet]. *Parliament of Georgia: official website* (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <https://info.parliament.ge/file/1/BillReviewContent/72686?> (In Russ.)
12. Summary Protocol of the Results of the Presidential Elections of October 27, 2013 of Georgia [Internet]. *Election Administration of Georgia: official web-portal* (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <http://www.cesko.ge/uploads/other/26/26885.pdf>
13. Summary Protocol of the Central Election Commission of Georgia on the Final Results of 8 October 2016 Parliamentary Elections of Georgia, 16 November 2016 [Internet]. *Election Administration of Georgia: official web-portal* (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <http://cesko.ge/res/docs/shemajamebelieng.pdf>
14. The President of Georgia refused to participate in the Constitutional Commission [Internet]. *Kavkazskiy Uzel*. 2016. Dec. 14 (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/294254> (In Russ.)
15. The opposition and the President of Georgia agreed on the draft amendments to the Constitution [Internet]. *Kavkazskiy Uzel*. 2017. Sep. 20 (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/309839> (In Russ.)
16. Constitution of Georgia (Constitutional Law of Georgia No. 1324 of 13 October 2017, Constitutional Law of Georgia No. 2071 of 23 March 2018) [Internet]. *Legislative Herald of Georgia* (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: <https://matsne.gov.ge/en/document/view/30346>
17. The draft Constitution of Armenia of July 15, 2015 [Internet]. *Ministry of Justice of the Republic of Armenia: official website* (data obrashcheniya: 20 July 2015). URL: http://moj.am/storage/uploads/nakhagits_3.doc уточните адрес Not Found The requested URL /storage/uploads/nakhagits_3.doc was not found on this server. (In Russ.).
18. Referendum on the amendments to the Constitution of the Republic of Armenia [Internet]. *The Central Electoral Commission of the Republic of Armenia: official website* (data obrashcheniya 25 July 2018). <http://res.elections.am/images/doc/06.12.15v.pdf>
19. Constitution of the Republic of Armenia as amended adopted on December 6, 2015 [Internet]. *The National Assembly of the Republic of Armenia: official website* (data obrashcheniya 20 Aug. 2018). URL: http://www.parliament.am/law_docs5/06122015.pdf (In Russ.)
20. Constitutional Law of the Republic of Armenia “Electoral Code of the Republic of Armenia” of May 28, 2016, No. ZR-54 [Internet]. *The National Assembly of the*

Republic of Armenia: official website (data obrashcheniya 31 Aug. 2018). URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=5479&lang=rus#17g> (In Russ.)

Информация об авторе

Николай А. Борисов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; nborisov@rggu.ru

Information about the author

Nikolai A. Borisov, PhD in Political Science, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; nborisov@rggu.ru

Перспективы развития системы противодействия международному терроризму в современном мире

Андрей Ю. Пинчук

*Московский государственный технологический университет
«СТАНКИН», Москва, Россия; andur3@mail.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены основные перспективы развития системы противодействия международному терроризму. Указано, что международный терроризм сейчас является одной из основных проблем национальной безопасности многих стран. Автором отмечено, что по вопросам борьбы с международным терроризмом сотрудничество ООН с региональными учреждениями и форумами, такими как Шанхайская организация сотрудничества, Африканский Союз и Организация исламского сотрудничества, должно быть пересмотрено для обеспечения того, чтобы их деятельность соответствовала нормам как в области прав человека, так и международного права. При этом усиление роли органов государственной власти, особенно законодательных органов, должно быть переведено в более практическую плоскость и обеспечено эффективное их участие в разработке уголовной политики на национальном уровне. В определенной степени это потребует изменения политической культуры, в результате чего многие государства будут способны признать роль особенно межгосударственных объединений в качестве равных партнеров в достижении общей цели обеспечения высокого уровня своей безопасности. Сделан вывод, что возрождение долгосрочной стратегической конкуренции, быстрое распространение новых технологий, а также новые концепции ведения террористической войны и широкий спектр конфликтов требует совместных усилий со стороны всех прогрессивных стран, структурированных в соответствии с новой реальностью.

Ключевые слова: терроризм, международный терроризм, система противодействия, стратегия контртеррористической борьбы, международное сотрудничество

Для цитирования: Пинчук А.Ю. Перспективы развития системы противодействия международному терроризму в современном мире // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 111–120.

Prospects of developing the system of counteraction to international terrorism in Russia and the world

Andrey Yu. Pinchuk

*Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russia;
andur3@mail.ru*

Abstract. This article discusses main prospects for the development of the system of combating international terrorism. It is pointed out that international terrorism is now a major problem of national security in many countries. The author noted that in the fight against international terrorism United Nations cooperation with regional institutions and forums such as the Shanghai cooperation organization, the African Union and the Organization of Islamic cooperation should be reviewed to ensure that their activities conform to the norms in human rights and international law. At the same time, the strengthening of the role of public authorities, especially legislative bodies, should be translated into more practical aspects and ensure their effective participation in the development of criminal policy at the national level. That is especially true in the fight against international terrorism. To some extent, that will require changing in the political culture, what will enable many States to recognize especially the role of especially inter-state associations as equal partners in achieving the common goal of ensuring a high level of security. It is concluded that the revival of long-term strategic competition, the rapid spread of new technologies, as well as new concepts of terrorist warfare and a wide range of conflicts require joint efforts by all progressive countries, structured in accordance with the new reality.

Keywords: terrorism, international terrorism, system of resistance, the strategy of counter-terrorism, international cooperation

For citation: Pinchuk AYu. Prospects of developing the system of counteraction to international terrorism in Russia and the world. *RSUH/RGGU. Series "Political Science. History. International Relations"*. 2018;3:111-20.

В настоящее время государства выходят из периода стратегической атрофии, осознавая, что в современных условиях их конкурентоспособные военные преимущества практически нивелируются рядом нелинейных конвергентных факторов и процессов. Они

сталкиваются с постоянной трансформацией существующего миропорядка, характеризующейся снижением долгосрочной международной стабильности, основанной на иных правилах: формируется более сложный и изменчивый мир, чем тот, который был раньше. В связи с этим международный терроризм сейчас является одной из основных проблем национальной безопасности многих стран [1, с. 125–129]. Следует учитывать и то, что террористическая угроза и далее будет реализовываться в противоправных стремлениях политико-религиозных, этнополитических и левых/правых группировок. Основной риск для стран мира будет исходить от исламистских экстремистских группировок с радикализированными сегментами мигрантов и диаспор, совершающих нападения в Европе, Северной Америке и других частях света. Несмотря на оперативные и военные неудачи ИГИЛ и проблемы «Аль-Каиды» на протяжении многих лет, их группировки по всему миру будут стремиться продолжать совершение нападений на военные, дипломатические, политические и экономические объекты [2, р. 11–31].

Мировому сообществу следует осознать, что война с международным терроризмом – это долгосрочный перманентный процесс. Однако ей свойственны особенности, затрагивающие границы национальной безопасности в XXI в. Относительно четкие границы ответственности между внешней и внутренней безопасностью ушли в прошлое. Кроме того, практически нивелировались категории «великих» держав, способных диктовать свою волю. Призрак глобального терроризма, который может угрожать десяткам тысяч жизней и нести ущерб на сотни миллиардов долларов в виде разрушений, и дальше будет вызывать постоянную озабоченность во всем мире. И если международный терроризм выступает как серьезная угроза для больших стран, перспективы его влияния на малые нации еще сложнее представить [3].

Подобное состояние проблемы является следствием низкого уровня реагирования на террористическую опасность ООН, которая создала запутанную и сложную структуру для борьбы с терроризмом, действующую часто в отрыве от политической действительности с постоянной конкуренцией за ресурсы и право на доминирующее участие в специальных программах [4]. Поэтому следует признать, что непосредственно заинтересованные, участвующие в антитеррористической деятельности субъекты и образования имеют возможность инвестировать средства в реально работающие программы и стратегии, централизуя при этом права человека, упорядочивая контртеррористическую деятельность

между образованиями и устанавливая четкие пути оценки ее эффективности.

Следовательно, можно говорить о том, что по вопросам борьбы с международным терроризмом сотрудничество ООН с региональными учреждениями и форумами, такими как Шанхайская организация сотрудничества, Африканский Союз и Организация исламского сотрудничества, должно быть пересмотрено с целью надлежащего обеспечения соответствия их деятельности нормам и в области прав человека, и международного права. При этом антитеррористические подразделения и программы ООН должны финансироваться из регулярного бюджета ООН в целях поощрения равного влияния на развитие деятельности по борьбе с международным терроризмом, в том числе для расширения их потенциала, и гарантировать, что органы по борьбе с международным терроризмом имеют необходимый штат сотрудников и остаются независимыми. Помимо этого, Организация Объединенных Наций должна созвать конференцию для мобилизации необходимой политической воли в целях завершения переговоров по Всеобъемлющей конвенции о терроризме [5].

Действительно, целенаправленные действия многих стран могли бы способствовать устранению пробелов и повышению эффективности антитеррористической деятельности и защите основных прав посредством совершенствования контртеррористической политики на основе разработки научно обоснованных форм и методов уголовной политики на национальном уровне с участием как органов государственной власти, так и представителей гражданского общества. В этом контексте государственные учреждения должны проводить надлежащую предварительную и последующую оценку контртеррористических мер в соответствии с более совершенными принципами законодательства.

Усиление роли органов государственной власти, особенно законодательских органов, должно быть переведено в практическую плоскость и обеспечить их эффективное участие в разработке уголовной политики на национальном уровне. Особенно это касается борьбы с международным терроризмом. В определенной степени это потребует изменения политической культуры, в результате чего многие государства будут способны признать роль межгосударственных объединений в качестве равных партнеров в достижении общей цели обеспечения высокого уровня безопасности. Совершенствование основ уголовной политики государств могло бы также включать объединение усилий органов юстиции и внутренних дел каждой из стран, а также национальных парламентов,

научных кругов и институтов гражданского общества. Достижение на практике реализации принципов верховенства права и политического суверенитета способно реально обеспечить успех контртеррористической политики.

Органы государственной власти, на которых лежит обязанность принятия политических решений в области безопасности, должны действовать только на основе фактов и точной оценки рисков. Являясь неотъемлемой частью стратегической контртеррористической стратегии, лидеры стран должны нивелировать общественные страхи, внушить доверие ключевым ценностям и институтам демократического государства, воспитать единство и вселять надежду на более безопасное и гармоничное будущее для всех членов общества. Применительно к контртеррористической стратегии это предполагает тщательную обработку разведывательной информации, поддержку правоохранительных органов, при наличии оснований одновременное привлечение их к ответственности за противоправное поведение. Это также предполагает обязательное информирование общественности об уровнях террористической угрозы без подрыва доверия к органам безопасности, создания паники или поощрения репрессий в отношении национальных и религиозных меньшинств. А в случаях факта террористического нападения предполагается достижение умелого баланса быстрых и решительных действий и заверения общества со стороны правительства во избежание ответных мер, которые могут оказаться контрпродуктивными в долгосрочной перспективе.

Применительно к контексту развития контртеррористической политики требуется сочетать способности быстро и эффективно реагировать на новые события в обществе с инвестированием в ценные информацию и знания, которые позволят продолжать эффективно реагировать на будущие проявления международного терроризма. Это предполагает необходимость вложений материальных средств как в широкую профилактику (долгосрочную эффективность), так и в целенаправленные репрессии (краткосрочная эффективность) одновременно. Хотя очевидно, что это может быть нелегко, если политические предпочтения ограничиваются реакцией на видимые (репрессивные) нападения за счет снижения бюджетов на профилактику или разведывательные действия, что в результате создает возможности для следующих террористических атак.

Таким образом, архитектура контртеррористической политики не обязательно должна координироваться сверху вниз и иметь согласованную структуру. В данном случае важным является скорее

интерпретация того, что можно было бы рассмотреть как важные инициативы на уровне государства или межгосударственного сообщества по борьбе с международным терроризмом. В этом контексте государственные институты должны проводить постоянную и всеобъемлющую оценку предпринимаемых контртеррористических мер на соответствие основным политико-правовым принципам. Помимо того что это приведет к более актуальным, последовательным, эффективным и реальным действиям в борьбе против международного терроризма, такие меры могли бы повысить благосостояние населения, снизить материальные и нематериальные последствия террористической деятельности и обеспечить защиту основных прав в процессе реализации контртеррористической стратегии.

Достаточно актуальной является и проблема нелегальной миграции в силу того, что она имеет отношение к борьбе с терроризмом. Совершенствование подходов к этой проблеме позволит более эффективно выявлять граждан третьих стран, незаконно находящихся на территории определенного государства, которые являются подозреваемыми в терроризме или его жертвами. В связи с этим сотрудничество и инструменты, доступные на национальном уровне для предотвращения радикализации и вербовки новых террористов, необходимо укреплять и на уровне международном. Особенно это должно проявиться на политико-региональном уровне посредством совершенствования регионального взаимодействия государств. Это может быть достигнуто путем разработки новой всеобъемлющей политической основы, обмена опытом и координации на уровне взаимодействующих государств а также с помощью наращивания государственного антитеррористического потенциала как совместного, так и на уровне каждого из государств. В частности, это возможно использовать в местах лишения свободы, в условно закрытых иных образованиях, где существует возможность повышения риска радикализации и уменьшения возможностей для реабилитации.

В настоящее время все еще государства являются главными действующими лицами на мировой арене, но безопасной среде их существования угрожают негосударственные субъекты, обладающие все более изощренными возможностями. Международные террористы, транснациональные преступники организации, кибер-хакеры и другие злонамеренные негосударственные субъекты трансформировали свою деятельность в своеобразное оружие массового поражения. Им должны противостоять меры государств по поддержанию глобальной безопасности – это также нечто

большее, чем просто национальные государства: многосторонние организации, неправительственные организации, корпорации и стратегически влиятельные лица, обеспечивающие возможности для сотрудничества и партнерства.

Но следует учитывать, что международный терроризм обладает устойчивым состоянием, обусловленным идеологией и нестабильностью политической и экономической структур мирового сообщества в условиях глобализации. В связи с этим актуальной становится задача недопущения преобразования терроризма в союзника некоторого объединения государств, направленного против существующего мирового порядка. В данном случае нужно говорить о недопущении трансформации этого союза в фактически новую платформу государственного терроризма.

Сдерживание или уничтожение международного террористического движения есть долгосрочная стратегия, не предполагающая наличия конкурентов. Это принципиально иной вызов, чем региональные террористические группировки, которые были в центре внимания в предыдущее время. Сила и комплексные антитеррористические действия совместно с партнерами позволяют России продемонстрировать ее приверженность в сфере сдерживания возможной террористической агрессии. В связи с этим сотрудничество Российской Федерации с государствами – членами таких организаций, как БРИКС, СНГ или ШОС, в части борьбы с международным терроризмом представляет значительный интерес, являясь основой для дальнейшего развития такой деятельности.

Возможные приоритетные области и конкретные формы международного сотрудничества Российской Федерации и ее партнеров в области антитеррористических мер может включать следующие направления: во-первых, идентификация, поиск и возврат активов, полученных для использования в террористических целях. С этой целью возможно предложить разработку проекта международного Договора о международном сотрудничестве в области поиска и возврата имущества, полученного преступным путем. Необходимо также продолжить работу по совершенствованию существующих многосторонних и двусторонних соглашений в этой области. Во-вторых, предотвращение террористических проявлений в государствах-участниках путем разработки общих подходов к системам внутреннего мониторинга и создания механизмов для их реализации на практике. В-третьих, развитие различных форм сотрудничества между российскими научно-экспертными организациями и специализированными научными организациями государств-партнеров.

В целом, международное сотрудничество в области антитеррористической безопасности предполагает необходимость установления более четких и всеобъемлющих политико-правовых границ диалога для достижения устойчивого мира и обеспечения достижения поставленных как государствами, так и мировым сообществом антитеррористических целей. Решение этих вопросов требует совместных усилий и комплексного, скоординированного подхода всех стран на универсальном уровне (ООН и другие универсальные международные форумы и организаций), а также развития двусторонних и многосторонних правовых механизмов сотрудничества в рамках различных политических объединений.

Подобный подход к формированию контртеррористической политики должен обеспечить установление четкой связи с профилактикой преступности, экономической, социальной политикой и политикой в области занятости и образования. Это предполагает обеспечение равного отношения ко всем социальным группам населения и борьбу с расизмом и ксенофобией, направленных против определенных расовых и этнических меньшинств, религий и других уязвимых групп, таких как беженцы. Помимо этого, требуется фундаментальное переосмысление роли права в обществе как на национальном, так и на международном уровне. В частности, уголовное право должно использоваться только в качестве крайней меры, особенно с учетом специфического воздействия уголовного прошлого на отдельных лиц. В то же время в идеале система уголовного правосудия должна трансформировать личность в положительную сторону. Требуются дальнейшие исследования о взаимодействии контртеррористической политики с усилиями по борьбе с радикализацией общества и отдельных его членов.

В будущем для обеспечения антитеррористической безопасности необходимо будет учитывать также основные тенденции стремительного роста технического прогресса и меняющегося в связи с этим характера террористической деятельности. Стремление к разработке новых технологий только усиливается. Новые технологии включают в себя передовые вычислительные системы, анализ «больших данных», применение искусственного интеллекта, робототехники, биотехнологии и т. п., т. е. те технологии, которые могут быть использованы и террористическими группировками, с чем, вероятно, государства столкнутся уже в ближайшей перспективе. Так, последние достижения в области биоинженерии вызывают серьезную озабоченность, увеличивая потенциал, разнообразие и легкость доступа к биологическому оружию. Тот факт, что многие технологические инновации

придут из коммерческого сектора, означает, что государство, его конкуренты и негосударственные субъекты также будут иметь доступ к ним, что может привести к технологическому диссонансу в развитии современного общества.

Таким образом, возрождение долгосрочной стратегической конкуренции, быстрое распространение новых технологий, а также новые концепции ведения террористической войны и широкий спектр конфликтов требуют совместных усилий со стороны всех прогрессивных стран, структурированных в соответствии с новой реальностью. Эти усилия, совмещенные с институциональной системой союзников и партнеров, позволят увеличить антитеррористическое влияние и обеспечить благоприятный баланс сил, способствующий свободному и открытому международному порядку. Этот альянс антитеррористических сил и структура устойчивого партнерства в мире способны обеспечить достижение победы в возникающих конфликтных ситуациях, связанных с проявлениями терроризма, и сохранить тем самым мир.

Литература

1. БРИКС: контуры многополярного мира: монография / Отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. 295 с.
2. *Chalk P.* Trends in Terrorism. Threats to the United States and the Future of the Terrorism Risk Insurance Act. St. Monica, CA: RAND Corporation. 2005. 96 p.
3. *Hoffman B.* Inside Terrorism. Revised and Expanded Edition. N. Y.: Columbia Univ. Press. 2006. 456 p.
4. UN Global Counter-Terrorism Strategy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/un-global-counter-terrorism-strategy> (дата обращения 21 авг. 2018).
5. The Cost of Non-Europe in the fight against terrorism [Электронный ресурс]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU\(2018\)621817_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU(2018)621817_EN.pdf) (дата обращения 21 авг. 2018)

References

1. Habrieva T.Ya., ed. BRICS: Contours of a Multipolar World. Monograph. Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2015. 295 p. (In Russ.)
2. Chalk P. Trends in Terrorism: Threats to the United States and the Future of the Terrorism Risk Insurance Act. St. Monica, CA: RAND Corporation. 2005. 96 p.

3. Hoffman B. Inside Terrorism: Revised and Expanded Edition. New York: Columbia University Press. 2006. 456 p.
4. UN Global Counter-Terrorism Strategy [Internet]. [data obrashcheniya 21 Aug. 2018]. URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/en/un-global-counter-terrorism-strategy>
5. The Cost of Non-Europe in the fight against terrorism [Internet]. [data obrashcheniya 21 Aug. 2018]. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU\(2018\)621817_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2018/621817/EPRS_STU(2018)621817_EN.pdf)

Информация об авторе

Андрей Ю. Пинчук, кандидат политических наук, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Москва, Россия; Россия, 127055, Москва, Вадковский пер., д. 1; andur3@mail.ru

Information about the author

Andrey Yu. Pinchuk, PhD in Political Science, Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russia; bld. 1, Vadkovskii lane, Moscow, 127055, Russia; andur3@mail.ru

Книжная полка

УДК 341.713(73)

Интеллектуальная биография как жанр:
Уильям Буллит – человек и политик

Рец. на книгу: *Etkind A. Roads Not Taken:
An Intellectual Biography of William C. Bullitt.*
Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 2017.
xiv+ 290 p.

Виктория И. Журавлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhuravlevavic@mail.ru*

Ключевые слова: интеллектуальная биография, Уильям Буллит, внешняя политика США, советско-американские отношения, международные отношения XX в.

Для цитирования: Журавлева В.И. Интеллектуальная биография как жанр: Уильям Буллит – человек и политик: Рец.: *Etkind A. Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt.* Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 2017. xiv+ 290 p. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 3 (13). С. 121–130.

An Intellectual Biography as a Genre:
William C. Bullitt – a Man and a Politician

Review on: *Etkind A. Roads Not Taken:
An Intellectual Biography of William C. Bullitt.*
Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 2017.
xiv+ 290 p.

Victoria I. Zhuravleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
zhuravlevavic@mail.ru*

Keywords: intellectual biography, William Bullitt, the US foreign policy, Soviet-American relations, international relations of the 20th century

For citation: Zhuravleva VI. An Intellectual Biography as a Genre: William C. Bullitt – a Man and a Politician: Review on: Etkind A. Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press, 2017. xiv+ 290 p. *RSUH/RGGU. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;3:121-30.

Писать биографию такого человека, как Уильям Буллит, первого посла США в Советской России и посла во Франции, знатока американской политики, так и не занявшего высшие посты в вашингтонской администрации, участника переговоров с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, У. Черчиллем и Ш. Де Голлем, близко знавшего президентов США В. Вильсона и Ф.Д. Рузвельта, дружившего с великими людьми своего времени по обе стороны Атлантики, человека огромных амбиций и магнетического обаяния, любившего жизнь и знавшего в ней толк, дело непростое.

Александр Эткинд, профессор Европейского университета во Флоренции, известный филолог и историк культуры, предлагает читателю провокационную биографию своего героя, написанную легко и изящно и основанную на личных документах Буллита из коллекции Йельского университета, на его переписке и воспоминаниях, литературных и публицистических работах, а также на мемуарах и переписке современников. Эта биография была сна-

чала опубликована на русском языке в 2015 г. [1], а затем вышла в 2017 г. на английском [2]¹.

В отличие от своих предшественников (следует назвать книги, написанные историками международных отношений Б. Фарнсворт [3], У. Браунеллом и Р. Биллингсом [4], М. Каселла-Блэкберном [5]), Эткиндр стремился создать биографию Буллита-интеллектуала, увлекавшегося идеями своего времени и преодолевавшего их соблазны, человека, в своих взглядах объединявшего наследие американского либерализма и европейского космополитизма, критического наблюдателя, умевшего порой предсказывать ход событий, но не востребованного в должной мере ни своей страной, ни ее лидерами.

Читателю предлагается интеллектуальная биография как особый жанр, поскольку Эткиндр прежде всего интересуется историей идей, их воплощение во взглядах Буллита и его собственное влияние на их эволюцию. Будь то идея Буллита о необходимости взаимодействия с социалистами некоммунистического толка для борьбы с распространением большевизма в Европе, которая легла в основу европейской политики вашингтонских администраций после Второй мировой войны [2, р. 26–28]. Или интеллектуальный вклад Буллита в обсуждение центрального вопроса межвоенной эпохи о том, насколько большевизм способен создать личность нового типа. Или же взаимовлияние идей Буллита и Дж.Ф. Кеннана, автора «длинной телеграммы» и одного из ведущих экспертов по России периода холодной войны, на формирование концепции сдерживания коммунизма. Их обоих, подчеркивает Эткиндр, интересовала неизменность экспансионистской природы русской власти, укорененность авторитарных традиций в политической культуре и массовом сознании, что связывалось с монгольским игом и сохранялось в застывшем виде при Романовых и Сталине. Буллит в своей книге «Сам земной шар» полностью игнорировал традицию сопротивления власти в Российской империи и Советской России [2, р. 229], сохранив приверженность более жесткому варианту

¹ Англоязычное издание отличается более логичная структура, больший академизм в изложении материала с опорой на первоисточники, круг которых расширен как за счет привлечения сборников документов, вышедших сравнительно недавно в России, так и за счет источников из архива А.Н. Яковлева, доступного в Интернете. Кроме того, авторские варианты альтернативного развития истории хотя и заводят Эткиндр столь же далеко, как и в русскоязычном издании, однако построены в более корректной форме.

доктрины сдерживания, в то время как Кеннан позже отказался от тезиса о неизменности русского национального характера, обратив внимание на эволюцию советского общества.

Советско-американские отношения становятся основным контекстом, в который Эткинд помещает фигуру Буллита, поскольку «русская тема» проходит красной нитью через всю его жизнь.

Буллит пережил характерное для многих американцев левых взглядов очарование Русской революцией, увлекшись социалистическими идеями после Первой мировой войны. Впоследствии оно перешло в полное разочарование в результате знакомства с реалиями советского строя. Эткинд подробно описывает поездку Буллита в Россию по поручению Э. Хауза в 1919 г. для переговоров с В.И. Лениным и большевиками. В итоге они пообещали в ответ на дипломатическое признание на Версальской конференции отказаться от контроля над большей частью бывшей Российской империи, сосредоточив власть в Москве, Петрограде и прилегавших европейских территориях. Правда, этому плану не суждено было осуществиться. «Русский след», по справедливому замечанию Эткинда, просматривается в романе Буллита «Это не сделано», как в том, что главный герой ссылается на Н.А. Некрасова, так и в самом названии, если вспомнить популярный в англоязычном мире роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?». Эткинд расширяет эти русско-американские литературные пересечения за счет рассуждений на тему неразрешенности проблем любви, секса и брака в послевоенном мире модерна, пришедшего и в Соединенные Штаты Америки [2, р. 61].

Однако с Советской Россией Буллита прежде всего связывало его пребывание там в качестве первого посла США. Это случилось после дипломатического признания СССР в 1933 г. Буллит приехал в Москву в 1934 г. в короткий «медовый месяц» советско-американских отношений, вдохновленный идеей своей новой «русской миссии». Он включил в состав посольства Дж. Кеннана и Ч. Боулена, придав тем самым их карьерам мощный импульс. Эткинд обращает особое внимание на попытки Буллита, пережившего горькое разочарование в Советах, отрезать Рузвельта, сохранявшего уверенность в том, что СССР на свой лад строит демократическое общество. В итоге президент отозвал Буллита из Москвы в 1936 г., обвинив его в охлаждении советско-американских отношений. Он уехал, уверовав в то, что большевизм – вид мировой религии. Наряду с жесткой критикой советского тоталитаризма эта его идея, перекликавшаяся с ранее высказанными идеями Н.А. Бердяева и более поздними рассуждениями

разочаровавшихся в советской власти американских «попутчиков», привела Буллита к представлениям об «извечной Руси», столь характерным для периода холодной войны. «Россия всегда была полицейским государством, – писал он, – поскреби коммуниста и найдешь русского» [2, р. 173].

Эткинд окружает фигуру Буллита портретами индивидуальными и коллективными. Среди первых – Э. Хауз, правая рука президента Вильсона в годы Первой мировой войны, с его утопическим романом «Филипп Дрю – администратор», основанном на соединении нищезанятия с социализмом; сам президент Вильсон, которому автор уделяет особое внимание, создавая его портрет как политика и человека сквозь призму совместного психоанализа Буллита и З. Фрейда; президент Рузвельт, послом администрации которого Буллит стал в СССР, а затем в предвоенной Франции; У. Липпман, один из авторов интеллектуальной программы Прогрессивного движения в США, создатель журнала “New Republic” и исполнительный директор первой экспертно-аналитической организации “Inquiry”; Дж. Крил, глава Комитета публичной информации в годы Первой мировой войны; Дж.Ф. Кеннан, прошедший своеобразную учебу по международным отношениям у Буллита и переживший благодаря ему инсайдерский жизненный опыт в Москве; экстравагантная Л. Брайант, журналистка левых взглядов, путешествовавшая в революционную Россию, сторонница свободной любви, жена Дж. Рида, ставшая впоследствии второй женой Буллита; сам Рид, его кумир, игравший важную роль в формировании идентичности главного героя книги; М.А. Булгаков, один из самых близких русских друзей Буллита, изобразивший его в своем романе «Мастер и Маргарита» в облике Воланда; З. Фрейд, с которым Буллит написал первую в историографии психобиографию современного человека и психоаналитическое исследование политики, а также многие другие известные современники этого неординарного человека – американцы, немцы, французы, англичане, русские.

Среди коллективных образов – типичные образованные американки из высшего света и представители «поколения Гэтсби». К нему Эткинд вслед за Кеннаном причисляет Буллита, К. Портера, Э. Хемингуэя, Дж. Рида и вслед за Кеннаном называет это поколение не потерянными и опустошенными, а скорее «электризованными» войной.

В итоге книга Эткинда превращается в рассказ не только о Буллите, но и о его времени, о нравах определенных классов и социальных групп, об американцах и европейцах различных взглядов и устремлений.

Центральным персонажем становится Уильям Буллит-провидец, человек, обладающий особой проницательностью. Идет ли речь о будущих экспертах по России, таких как Кеннан и Болен, и о будущих творцах единой Европы, таких как Жан Моне, или об оценках перспектив отношений с большевиками и Советской Россией, прогнозах по поводу развития ситуации в Европе накануне Второй мировой войны и после ее окончания. В чем-то Буллит действительно оказывался прав. Например, когда он писал в мае 1938 г. о том, что после Испании следующей жертвой нацистской Германии будет Чехословакия, Франция падет под натиском немцев, Япония подчинит Китай, но проиграет войну, а США в итоге будут восстанавливать Европу в послевоенном мире [2, р. 180]. Однако Буллит явно ошибался, когда в 1936 г. заявлял, что Германия еще очень не скоро нападет на Польшу и СССР, а в 1937 г., что Япония никогда не осмелится напасть на США [2, р. 174, 195]. В то же время многие предложения и проекты Буллита даже при условии их реализации едва ли кардинально изменили ход истории XX в. Этот аспект не становится предметом серьезной критической рефлексии Эткинда, предпочитающего следовать за своим героем, подпадая под его обаяние.

Отсюда пристрастие автора к выстраиванию различных вариантов альтернативной истории. Он объясняет это нереализованностью большинства провидческих идей Буллита. В итоге вопрос «что было бы, если» проходит красной нитью через все повествование.

Что было бы, если бы Вильсон принял план Буллита, на который согласился Ленин? Эткинд верно замечает, что в этом плане была логика деколонизации самого Вильсона. Но идея о возможности избежать создания СССР, сталинского террора, появления нацистской Германии, Второй мировой войны и Холокоста вследствие реализации выработанной во время переговоров 1919 г. схемы представляется надуманной [2, р. 239]. Нельзя игнорировать совокупность факторов внутривосточного и международного характера, включая глубину противостояния между «красными» и «белыми» в 1919 г. Оно впоследствии наверняка бы разрушило любые промежуточные договоренности. Кстати, на этот момент обращает внимание и сам Эткинд.

Что было бы, если бы Рузвельт согласился с идеей Буллита проводить более активную и гибкую дипломатию в Европе накануне войны и втянуть в переговоры нацистскую Германию? Как полагает Эткинд, это позволило бы предотвратить подписание пакта Молотова–Риббентропа [2, р. 185]. А что было бы, если бы президент США прислушался к призывам Буллита начать вооружение Франции,

Польши, Чехословакии, Финляндии с целью сохранения баланса сил в Европе? Автор допускает мысль о возможности в таком случае избежать Второй мировой войны или сделать ее локальной [2, р. 240]. В предложенной схеме вообще не берется в расчет глубина изоляционистских настроений в США. В конце концов, «американский век» еще не начался, не Германия, а Япония воспринималась как основная угроза для США, и по отношению именно к ней администрация Рузвельта проводила активную дипломатию, в том числе и в расчете на помощь СССР.

Что было бы, если бы место симпатизировавшего Советской России Г. Гопкинса, одного из самых влиятельных людей «эры Рузвельта» и его доверенного лица в международных вопросах в период Второй мировой войны, занял Буллит, к чему он стремился? В данном случае выстраивается альтернативный вариант от противного: хотя челночная дипломатия Гопкинса обеспечила функционирование ленд-лиза и помогла победе над нацистской Германией, она одновременно привела к Ялтинской конференции, к установлению советского контроля над Восточной и Центральной Европой, кровавой революции в Китае и холодной войне [2, р. 204]. Таким образом, Эткинд, следуя за мыслями Буллита, невольно завышает роль США и занижает роль СССР в исходе Второй мировой войны, а также игнорирует вклад различных акторов в последовавшие за ней события.

Несмотря на все оговорки, автор подводит читателя к утвердительному ответу на основной вопрос книги, могла ли реально измениться история XX в., если бы Рузвельт и Вильсон прислушались к советам Буллита и, «победив в войне, не проиграли мир» [2, р. 233].

На мой взгляд, в представленной интеллектуальной биографии талантливый и оригинальный филолог берет верх над историком. Это проявляется в завораживающем смешении вымышленных и исторических персонажей; в повышенном внимании к литературным текстам, а также к анализу их влияния на политическое поведение (причем последнее само по себе является очень ценным наблюдением); в игнорировании ключевых работ профессиональных историков, принципиально важных для раскрытия сюжетов книги (см., например, монографии Т.Р. Мэдакса [6], Д.С. Фоглесонга [7], Д. Дэвиса и Ю. Трани [8], Н. Сола [9, 10], Б.М. Шпотова [11]). Это, с одной стороны, не позволило ее автору аргументировать ряд интересных идей (например, о влиянии южного происхождения Вильсона и Хауза на их восприятие характера Первой мировой войны [2, р. 9]), а с другой – привело к выстраиванию достаточно умозрительных схем, а иногда и к ошибочным утверждениям.

Вот лишь один пример. Представляя Буллита как первого эксперта США по российскому и восточноевропейскому социализму [2, р. XIII], Эткиннд игнорирует вклад таких «джентльменов-социалистов», как А. Баллард и У.И. Уоллинг. Они вообще не упоминаются в тексте. Это тем более странно, поскольку оба американца пережили тот же цикл надежд (по поводу социализма) и разочарований (вследствие итогов русского социалистического эксперимента в 1917 г.), который пережил и сам Буллит. Баллард к тому же считался экспертом по русским делам и в июле 1917 – июне 1918 г. находился в России не только в качестве корреспондента “New Republic”, но и как доверенное лицо Хауза и Крила, занимаясь подготовкой пропагандистской кампании против заключения сепаратного мира с Германией. По возвращении Баллард написал известную книгу «Русский маятник. Самодержавие – Демократия – Большевизм» [12]. В свою очередь, Уоллинг рассказал о своем разочаровании в Советской России и новом понимании социализма в книге «Советизм» [13].

Однако все вышесказанное не значит, что книга Александра Эткиннда, которая читается на одном дыхании, не заслуживает внимания профессиональных исследователей и всех, кто интересуется историей XX в. Во-первых, поскольку этот текст заостряет внимание читателя на различных вариантах развития событий и тем самым формирует многомерную картину их восприятия. Во-вторых, в силу того, что написанная Эткинндом книга подводит нас к пониманию альтернативных подходов в изучении международных отношений вообще и советско-американских в частности, к использованию исследовательских практик социальных конструктивистов, подчеркивающих роль коммуникации между различными международными акторами (будь то люди или государства) для создания новой реальности. Наконец, Уильям Буллит – личность значимая и знаковая, находившаяся в гуще событий и интеллектуальных споров своего времени. И Эткиннду удалось создать оригинальный портрет своего героя, вписав его в сложное переплетение идей. Причем многие из них сами по себе могут стать предметом отдельного исследования и основой для новых объяснительных схем. В конце концов вряд ли кто-то будет спорить с тем, что жизнь человека, встречавшегося и дружившего с великими людьми своего времени, пытавшегося оказать влияние на ход истории прошедшего столетия в его переломные моменты, ставшего прообразом булгаковского Воланда и спасителем Парижа от разрушения, заслуживает очередной версии ее прочтения.

Литература

1. *Эткинд А.М.* Мир мог быть другим: Уильям Буллит в попытках изменить XX век. М.: Время, 2015. 300 с.
2. *Etkind A.* Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt. Pittsburgh: The Univ. of Pittsburgh Press, 2017. XIV, 290 p.
3. *Farnsworth B.* William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1967. X, 244 p.
4. *Brownell W., Billings R.* So Close to Greatness: The Biography of William Bullitt. N. Y.: Macmillan, 1988. 368 p.
5. *Casella-Blackburn M.* The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Westport: Praeger, 2004. 287 p.
6. *Maddux T.R.* Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee: Univ. Presses of Florida, 1980. 248 p.
7. *Foglesong D.S.* America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 1995. 400 p.
8. *Davis D.E., Trani E.P.* The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S. – Soviet Relations. Columbia: Univ. of Missouri Press. 2002. 360 p.
9. *Saul N.E.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2001. XX, 483 p.
10. *Saul N.E.* Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2006. 434 p.
11. *Шпотов Б.М.* Американский бизнес и Советский Союз, 1920–1930-е годы: лабиринты экономического сотрудничества. М.: Либроком, 2013. 320 с.
12. *Bullard A.* The Russian Pendulum. Autocracy – Democracy – Bolshevism. N. Y.: The Macmillian Company, 1919. XIV, 256 p.
13. *Walling W.E.* The ABC of Russian Bolshevism – According to the Bolshevist. N. Y.: E.P. Dutton & Company, 1920. 220 p.

References

1. Etkind A. The World Could Be Different: William Bullitt Who Was Trying to Change the 20th Century. Moscow: Vremya Publ.; 2015. 300 p. (In Russ.)
2. Etkind A. Roads Not Taken: An Intellectual Biography of William C. Bullitt. Pittsburgh: The Univ. of Pittsburgh Press, 2017. XIV, 290 p.
3. Farnsworth B. William C. Bullitt and the Soviet Union. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1967. X, 244 p.
4. Brownell W., Billings R. So Close to Greatness: The Biography of William Bullitt. N. Y.: Macmillan Publ.; 1988. 368 p.
5. Casella-Blackburn M. The Donkey, the Carrot, and the Club: William C. Bullitt and Soviet-American Relations, 1917–1948. Westport: Praeger Publ.; 2004. 287 p.

6. Maddux TR. Years of Estrangement: American Relations with the Soviet Union, 1933–1941. Tallahassee: Univ. Presses of Florida, 1980. 248 p.
7. Foglesong DS. America's Secret War against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 1995. 400 p.
8. Davis DE., Trani EP. The First Cold War: The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations. Columbia: Univ. of Missouri Press. 2002. 360 p.
9. Saul NE. War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2001. XX + 483 p.
10. Saul NE. Friends or Foes? The United States and Soviet Russia, 1921–1941. Lawrence: Univ. Press of Kansas, 2006. 434 p.
11. Shpotov BM. American Business and the USSR, 1920–1930: Mazes of Economic Cooperation. Moscow: Librikom Publ.; 2013. 320 p. (In Russ.)
12. Bullard A. The Russian Pendulum. Autocracy – Democracy – Bolshevism. N. Y.: The Macmillian Company Publ.; 1919. XIV, 256 p.
13. Walling WE. The ABC of Russian Bolshevism – According to the Bolshevik. N. Y.: E.P. Dutton & Company Publ.; 1920. 220 p.

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Doctor of History, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; zhuravlevavic@mail.ru

Художник серии *В.В. Сурков*

Корректор *Т.Ю. Журавлева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Подписано в печать 20.09.2018.

Формат 60×90¹/₁₆.

Усл. печ. л. 8,3. Уч.-изд. л. 8,7.

Тираж 1050 экз. Заказ № 372

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rgggu.ru
www.knigirgggu.ru

Журнал «Вестник РГГУ»
Серия «Политология. История. Международные отношения»
выходит 4 раза в год.
Подписка принимается
всеми отделениями связи без ограничений.
Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы»
ОАО Агентства «Роспечать» – 71127
Не забудьте своевременно подписаться
на наш журнал!
